

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

*На правах рукописи*

**Дубова Светлана Сергеевна**

**ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХАИЗМОВ В РОМАНЕ АПУЛЕЯ  
«МЕТАМОРФОЗЫ»**

Научная специальность 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая  
филология

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор  
Позднев Михаил Михайлович

Санкт-Петербург, 2023

**Оглавление**

<b>Введение .....</b>	<b>3</b>
<b>Обзор научной литературы.....</b>	<b>8</b>
<b>Архаизмы в латинской литературе .....</b>	<b>22</b>
<b>1. Архаизмы в глазах предшественников и современников Апулея .....</b>	<b>22</b>
<b>2. Различение архаизмов и вульгаризмов .....</b>	<b>47</b>
<b>Язык романа «Метаморфозы».....</b>	<b>58</b>
<b>1. Классификация, задачи исследования и статистический анализ     лексики романа «Метаморфозы».....</b>	<b>71</b>
<b>2. Слова с архаическим оттенком .....</b>	<b>78</b>
<b>3. Неологизмы.....</b>	<b>176</b>
<b>Заключение .....</b>	<b>209</b>
<b>Список сокращений .....</b>	<b>212</b>
<b>Список литературы.....</b>	<b>213</b>

## Введение

**Актуальность темы исследования** архаической лексики, представленной в романе «Метаморфозы», объясняется потребностью глубокого анализа произведения Апулея, включающего в себя не только анализ сюжета, вопрос источников, личности рассказчика, но и языковые средства, необходимые для оформления содержания романа. Кроме того, с помощью изучения архаической лексики «Метаморфоз» мы можем представить себе вкусы читательской публики, современной Апулею, оценить литературные тенденции этого времени, выяснить, каких писателей предпочитал читать сам автор и образованные круги римской интеллигенции II в. н. э. Важно также и то, что архаическая лексика «Метаморфоз» обычно рассматривалась исследователями в комплексе стилистических особенностей романа или творчества Апулея в целом, но не была отдельным предметом исследования.

**Степень разработанности темы.** Стилистические особенности романа Апулея «Метаморфозы» и разнообразие используемых в нём лексических средств уже долгое время являются предметом интереса различных исследователей. Такие учёные, как Г. Коциоль [Kozioł 1872], П. Медан [Médan 1925], М. Бернхард [Bernhard 1927], составили краткие списки архаичных слов и вульгаризмов, встречающихся у Апулея, но, к сожалению, многие слова, которые, по-видимому, воспринимались как архаичные, в них не вошли. Кроме того, в таких списках не обозначены особенности употребления у Апулея, тогда как иногда важно проследить, как Апулей меняет значение слова и в каком контексте его использует. Подробнее разбирает архаичные слова Л. Каллеба [Callebat 1965; 1968], но главным предметом его исследования была разговорная лексика, поэтому далеко не все архаизмы в «Метаморфозах» были им рассмотрены. В нашей работе мы попытались восполнить эти пробелы и создать исчерпывающий список слов, которые читатели романа Апулея воспринимали как архаичные, и снабдить их необходимым комментарием.

**Целью** нашего исследования является выявление особенностей использования Апулеем архаической лексики в романе «Метаморфозы», включая её объём и обусловленность содержанием.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Характеристика литературного фона и определение предпосылок стилистических особенностей романа Апулея;
2. Выделение архаичной и новой лексики романа «Метаморфозы»;
3. Изучение отдельных архаизмов, которые могут продемонстрировать, каких архаических авторов Апулей считал достойными для подражания и как вкусы Апулея-архаизатора могли проявляться в использовании новых слов, не засвидетельствованных в римской литературе до II в. н. э.

**Теоретико-методологические основы исследования.** Теоретическую и методологическую базу диссертации составляют работы по истории римской литературы, языку и стилю Апулея, комментарии к роману «Метаморфозы».

Естественно, при разработке темы диссертации основным объектом исследования являлся текст «Метаморфоз». Для определения стилистической окраски употреблённой в нём лексики использовались словари латинского языка (в особенности Thesaurus Linguae Latinae), а также сравнивались взгляды различных исследователей на характер той или иной лексемы. Кроме того, был проведён статистический анализ, при котором количество архаизмов в каждой отдельной книге было представлено в процентном соотношении с количеством всех лексем книги.

**Научная новизна** исследования состоит в наглядной демонстрации частотности архаизмов в романе и авторской интерпретации отдельных архаизмов и их роли.

**Положения, выносимые на защиту:**

1. Стиль романа «Метаморфозы» объясняется не африканским происхождением автора и другими причинами, от него не зависящими, но является результатом осознанной работы Апулея с архаичными источниками;

2. Основные причины для необычного языка романа – это архаизаторские литературные тенденции II вв. н. э., характер источников романа Апулея и его личный интерес к необычной лексике;

3. Некоторые архаизмы в романе не только выполняют роль стилистического украшения и являются средством достижения лексического разнообразия, но также усиливают комическую атмосферу эпизода или служат аллюзией на произведение определённого автора;

4. С точки зрения процентного соотношения архаизмов и неологизмов в романе выделяются первая и последняя книги: архаическая лексика особенно заметна в первой книге, а в последней книге выше всего процент новых слов.

**Теоретическая и практическая значимость работы.** Исследование архаической лексики романа «Метаморфозы» является важным вкладом в изучение стилистики латинского языка в целом и дополняет проблему различения архаизмов и вульгаризмов. Результаты, полученные в процессе написания диссертации, включая списки архаизмов и новых слов, могут стать полезной теоретико-методологической основой дальнейших исследований в области творчества Апулея, латинской литературы и стилистики, а также могут использоваться при проведении практических занятий по чтению и анализу романа «Метаморфозы».

**Структура работы.** Диссертация состоит из введения, 3 глав, заключения, списка сокращений и библиографического списка. Общий объем работы – 225 страниц.

В первой главе («Обзор научной литературы») мы рассмотрим мнения филологов по поводу использования архаической лексики в тексте Апулея, разберём работы, посвящённые этой проблеме, дадим им оценку и обратим внимание на те трудности, с которыми столкнулись исследователи лексики Апулея при разработке данной темы. В этой же главе мы изложим теорию об африканской латыни, тесно связанную с представлениями о лексических особенностях произведений Апулея, рассмотрим аргументы её сторонников и противников. Хотя в современных обстоятельствах теория африканской латыни

уже устарела, её разработка является важным этапом формирования оценки языка Апулея.

В следующей главе мы подробнее остановимся на том, как относились различные римские писатели к использованию архаизмов в своих сочинениях, и попробуем выяснить, с кем Апулей обнаруживал сходство в своих взглядах и чьи представления о языковом оформлении текста значительно отличались от тех принципов, которыми руководствовался Апулей. В связи с этим мы также рассмотрим некоторые слова, которые ко времени жизни Апулея должны были восприниматься как архаизмы. Кроме того, мы попытаемся объяснить, что представляли собой архаизаторские тенденции в латинской литературе II в. н. э., какие существовали для них предпосылки и чем сочинения авторов-архаизаторов отличались на фоне других писателей, сочинявших литературу на латинском языке.

Далее мы опишем одну из основных трудностей, с которыми сталкиваются исследователи, занимающиеся лексикой Апулея, а именно различие архаизмов и вульгаризмов в его сочинениях. Мы поясним, каким образом иногда можно определить стилистическую характеристику слова и почему в некоторых случаях это оказывается невозможным.

Следующая глава посвящена описанию языка романа «Метаморфозы» и причинам, по которым, предположительно, Апулей решил употребить такое обилие лексических средств различных стилистических характеристик в одном тексте. С нашей точки зрения, существовало несколько факторов, оказавших влияние на язык романа: мода на архаизирование в литературных кругах II в. н. э., личность Апулея и его интерес к языку, а также жанр и характер источников романа «Метаморфозы». Мы также осветим проблему функциональности архаизмов в тексте Апулея и предпримем попытку выяснить, является ли обилие устаревших слов в романе простым маньеризмом или их использование оправдывается не только красивым и необычным звучанием, но и связано со смыслом того или иного пассажа. В частности, мы затронем вопрос о существовании речевой характеристики персонажей «Метаморфоз».

Далее мы приведём классификацию встречающихся в тексте архаизмов и неологизмов и представим результаты статистического исследования, целью которого было выяснение количественного соотношения архаизмов и неологизмов романа и выявление отличий между книгами «Метаморфоз» с этой точки зрения. После этого мы представим списки слов, которые в ходе исследования были поняты как имеющие архаический колорит и которые были зафиксированы в латинской литературе впервые именно в текстах Апулея. Соответственно, первый список будет содержать архаизмы и те слова, которые, если ими и не являлись, должны были восприниматься читателями как архаичные. Второй список будет содержать условные «неологизмы» – слова, впервые засвидетельствованные у Апулея, большая часть которых представляет собой гапаксы.

**Апробация результатов исследования.** Промежуточные результаты работы обсуждались на аспирантских семинарах и на международной конференции: 03/2018: XLVII Международная научная филологическая конференция (Филологический факультет СПбГУ, Санкт-Петербург).

Результаты исследования получили отражение в трех научных публикациях:

1. Dubova, Svetlana S. On the Archaic Meaning of the Word *filum* in Apuleius // *Philologia Classica*. – 2017. – 12, 2. – Pp. 136–141.
2. Dubova, Svetlana S. Turbela in Apuleius' Novel // *Philologia Classica*. – 2018. – 13, 2. – Pp. 220–227.
3. Dubova, Svetlana. Apuleius' Venus and Speech Characterization // *Hyperboreus*. – 2020. – 26, 2. – Pp. 308–319.

## Обзор научной литературы

Стиль романа Апулея мало кого мог оставить равнодушным: большое количество устаревших слов, заимствований и неологизмов поражало воображение и либо вдохновляло на подражание, либо вызывало осуждение. Большую роль в этой дискуссии сыграла традиция, возводящая Цицерона на пьедестал мастера красноречия и образца для подражания, каким он, безусловно, и был. Принципы, высказанные в трудах Цицерона и Квинтилиана, продолжали влиять на литературные взгляды и после падения Римской империи. Неудивительно, что избыточность риторических украшений и специфическая лексика, которой пользовался Апулей, становились объектом критики.

По-видимому, на формирование взглядов на литературный стиль большое влияние оказывают и внешние причины. Естественно, высказанное рассказчиком в прологе «Метаморфоз» признание о латыни как о неродном языке наводило на мысль, что сам Апулей таким образом извиняется за свою неестественную речь, язык, в котором он сам новичок, *advena*. При этом следует отметить, что долгое время Апулей был известен позднеантичному и средневековому читателю не столько как оратор, сколько как маг, и такому образу вполне подходит таинственный, замысловатый язык.<sup>1</sup> В сравнении с Цицероном, не только мастером ораторского искусства, но и выдающимся государственным деятелем, Апулей по предполагаемым моральным качествам не мог выиграть в этом споре, а потому проигрывал и в плане красноречия.

Подробный обзор восприятия фигуры Апулея и его наследия был предложен Робертом Карвером в книге «Осёл, подобный Протею. “Метафорфозы” Апулея от античности до Ренессанса».<sup>2</sup> Р. Карвер подробно обсуждает свидетельства о творчестве и личности Апулея как в античное время, так и в периоды Средневековья и Возрождения, обращая внимание на особенности времени и территории. Он даёт любопытные сведения, связанные с

---

<sup>1</sup> Carver, Robert H. F. *The Protean Ass. The Metamorphosis of Apuleius from Antiquity to the Renaissance*. New York: Oxford University Press, 2007. Pp. 17–26, 55–59.

<sup>2</sup> *ibid.*



рецепцией творчества Апулея и обсуждает наиболее сложные моменты, например, информацию, представленную в книге *Liber de vita ac moribus philosophorum poetarumque veterum* Уолтера Бёрли, философа-схоласта XIII–XIV вв., о том, что «Золотой осёл» представлен в 12 книгах (тогда как дошедший до нас роман содержит всего 11 книг). Книга Р. Карвера написана живым, интересным языком с множеством ссылок на труды древних и современных исследователей, его тезисы подкреплены достаточным числом аргументов, но рассматривая язык «Метаморфоз», автор скорее концентрируется на его оценке последующими писателями и гуманистами, чем обсуждает саму лексику, использованную Апулеем.

Вкратце рецепция Апулея в эпоху Возрождения была затронута Стивенем Харрисоном.<sup>1</sup> Несмотря на небольшой размер статьи, он даёт исчерпывающий обзор источников по данной теме, особое внимание уделяя современным работам, касающимся языка и стиля «Метаморфоз». Также С. Харрисон призывает к дальнейшему исследованию этой темы, в частности, к тому, как именно менялись литературные тенденции во время жизни и творчества Апулея, как развивалась проза от Плиния Младшего до Тертуллиана. Разработка данного вопроса, несомненно, помогла бы поместить Апулея в нужный контекст и показать, как прозаические жанры стали более восприимчивы к чертам поэзии. Подобный обзор был сделан Рене Марашем,<sup>2</sup> однако он затрагивает только I–II века н. э. и предшествующий период в той степени, в которой это было необходимо, концентрируясь главным образом на языке Фронтон, Апулея и Геллия, а также на риторических тенденциях соответствующего периода, практически игнорируя развитие прозы. Как замечает сам Р. Мараш,<sup>3</sup> творчество оратора сильно отличается от художественной прозы: чересчур сложные фигуры и специфическая лексика нехарактерны для речей, так как они прежде всего рассчитаны на восприятие на слух, соответственно, они должны не столько

<sup>1</sup> Harrison, Stephen. *Constructing Apuleius: The Emergence of a Literary Artist // Ancient Narrative. Volume 2* (2002). Groningen: Barkhuis & the University library Groningen, 2003. Pp. 142–171.

<sup>2</sup> Marache, René. *La critique littéraire de langue latine et le développement du gout archaïsant au IIe siècle de notre ère*. Rennes, 1952.

<sup>3</sup> *ibid.*, p. 22.

восхитить слушателя красотой слога, сколько убедить его в своей правоте. Поэтому работы Р. Мараша явно недостаточно для понимания полной картины развития прозаических жанров. Также эту тему разрабатывал Чарльз Кнапп, обращая внимание на то, что уже ко времени Саллюстия назрел конфликт между любителями старого и нового.<sup>1</sup>

Если вернуться к более раннему периоду, можно отметить, что в эпоху Возрождения далеко не все критиковали стиль «Метаморфоз». Хотя Филипп Меланхтон обосновывал язык романа тем, что Апулей, описывая историю осла, «предпочёл реветь, а не говорить»,<sup>2</sup> а Франциск Асулан сетует на то, что Апулей скорее отличался новаторством, чем умом,<sup>3</sup> было немало сторонников необычного, оригинального стиля африканского автора. Так, Эразм Роттердамский (*De Copia* 1, 9) ставит Апулея в один ряд с Цицероном, восхищаясь богатством его речи: *Praecipuam autem utilitatem adferet, si bonos auctores nocturna diurnaue manu versabimus, potissimum hos, qui copia dicendi praecelluerunt: cuiusmodi sunt Cicero, A. Gellius, Apuleius* («особенно полезным будет для нас переворачивать в руках днём и ночью хороших авторов, а лучше всего тех, кто отличился богатством речи: таковы Цицерон, А. Геллий, Апулей» (перевод наш. – С. Д.)).<sup>4</sup> Дж. Д'Амико пишет о существовании среди гуманистов разных риторических школ: школы эклектиков (куда входили последователи Квинтилиана, допускавшие некоторое количество архаизмов и неологизмов), школы цicerонианцев и архаизаторов.<sup>5</sup> Последние обращались к авторам архаической эпохи, а также к трудам Апулея, Геллия, Феста и Плиния Старшего, чтобы найти наиболее редкие и интересные слова, передающие дух древности.

<sup>1</sup> Knapp, Charles. *Archaism in Aulus Gellius* // *Classical Studies in honour of Henry Disler*. New York: Macmillan, 1894. Pp. 130–139.

<sup>2</sup> Melanchthon, Philippus. *Declamationes*. Ausgewählt und herausgegeben von Karl Hartfelder. Berlin : Verlag von Speyer & Peters, 1891. P. 29.

<sup>3</sup> Asulanus, Franciscus. *L. Apuleii Metamorphoseos, sive Lusum asini libri XI. Floridorum III. De deo Socratis I. De philosophia I. Asclepius Trismegisti dialogus eodem Apuleio interprete. Eiusdem Apuleii liber de dogmatis Platonicis. Eiusdem liber de Mundo... Apologiae II. Isagogicus liber Platonicae philosophiae per Alcinoum philosophum graece impressus*. Venice: In Aedibus Aldi, 1521. P. ii. Видно, что Асулан даже поменял название романа на «Забавы осла», демонстрируя отсутствие глубокого содержания.

<sup>4</sup> Desiderii Erasmi operum omnium tomus primus. Lugduni Batavorum: cura & impensis Petri Lander Aa, 1703. P. 7.

<sup>5</sup> D'Amico, John. F. *The Progress of Renaissance Latin Prose: The Case of Apuleianism* // *Renaissance Quarterly*, Vol. 37, № 3 (Autumn, 1984).

Роберт Карвер, однако, отмечает, что не стоит полагать, что в действительности существовало такое чёткое деление, и убедительно это доказывает.<sup>1</sup> Безусловно, почитателем яркого стиля Апулея был Филипп Бироальд, автор комментария к «Золотому ослу».

Действительно, можно по-разному относиться к языку, которым написан роман «Метаморфозы», но нужно признать, что он далеко не случаен и не является чем-то совершенно чуждым для латинской литературы. К изданию «Золотого осла» Франца Удендорпа Давид Рункен написал предисловие, в котором, несмотря на своё негативное отношение к такому вычурному стилю, он обращает внимание на то, что у Апулея были свои образцы и эти редкие слова доступны для нас в собраниях древних грамматиков и глоссографов.<sup>2</sup> Естественно, для такого языка нужно было найти причину. Если Д. Рункен видел её в подражании архаическим авторам, то Г. Ф. Гильдебранд старается прояснить таким образом время создания романа. Его привлёк тот факт, что язык «Метаморфоз» заметно отличается от других произведений того же автора. Г. Ф. Гильдебранд приходит к выводу, что латинский язык Апулея, изобилующий избыточными словами и оборотами, обоснован не столько «извращёнными и испорченными вкусами своего времени» (*sui temporis perversitatem corruptumque iudicium*), сколько молодостью автора, так как молодым людям часто кажется, что необычные, редкие слова делают их речь более живой и привлекательной.<sup>3</sup> Таким образом, Г. Ф. Гильдебранд считает, что «Метаморфозы» – своего рода проба пера, первый шаг Апулея на пути к более зрелому, ровному языку. Несмотря на то что такая гипотеза имеет право на существование, более вероятным представляется то, что Апулей написал свой знаменитый роман уже взрослым человеком, стяжавшим определённую славу на литературном поприще. Кроме того, такой роман должен был потребовать большого количества времени на

<sup>1</sup> Carver, Robert H. F. *The Protean Ass...* Pp. 263–264.

<sup>2</sup> *Appuleii Metamorphoseon libri XI* / Ed. Franciscus Oudendorpius. Lugduni Batavorum: Apud van der Eyk et Vygh, 1786. P. III.

<sup>3</sup> *L. Apuleii opera omnia* / Ed. Dr. G. F. Hildebrand. Pars I. Prolegomena et Metamorphoseon libros continens. Lipsiae: Sumtibus C. Snoblochii, 1842. P. XXV. Ср. утверждение Г. Фосса (4.12.8): congruent Hyperbolae iuvenibus magis, quam senibus: cuius causa est, quod iuventus in omnibus modum excedat, Gerardi Ioannis Vossii Commentariorum Rhetoricorum, sive Oratoriarum Institutionum libri sex. Lugduni Batavorum: Ex officina Ioannis Maire, 1643. P. 230.

написание и обработку, поэтому изменение стиля от юного и стремящегося поразить читателя вычурностью до зрелого должно было бы быть заметным невооружённым глазом. Тем не менее, несмотря на определённые изменения в выборе слов у Апулея в первых и последних главах, их следует признать незначительными в контексте становления Апулея как автора.

Мы можем сделать вывод, что уже с XV–XVI веков различные исследователи интересовались стилистическим аспектом романа «Метаморфозы» и задавались вопросом о причине столь необычного языка. Тем не менее, нельзя сказать, что архаизаторские тенденции – нечто совершенно удивительное. Длительная гегемония классического языка приводит к закономерным попыткам выделиться, использовать оригинальные приёмы, выходить за рамки традиции. Использование редких, архаических слов освежает произведение, придаёт ему некоторую новизну, на каком бы языке оно ни было написано. Цицерон, очень внимательно относившийся к подбору лексики, в диалоге «Об ораторе» замечает: *neque tamen erit utendum verbis eis, quibus iam consuetudo nostra non utitur, nisi quando ornandi causa* (3, 10, 39: «однако не следует пользоваться теми словами, которыми уже не пользуется наша привычная речь, разве только ради украшения» (перевод наш. – С. Д.)). Также и Квинтилиан напоминает о пользе устаревших слов: *quaedam tamen adhuc vetera vetustate ipsa gratius nitent* (Inst. 8, 3, 27: «некоторые же древние слова приятны из-за самой своей древности» (перевод наш. – С. Д.)).

Ностальгия по великим событиям прошлого в Греции нашла своё отражение в языке: движение авторов, подражающих языку Исократ и Демосфена в I–II вв. н. э., получило название Второй софистики и естественным образом привело к соответствующим изменениям в обучении риторическому искусству. В греческих школах обучались и виднейшие римские ораторы, такие как Фронтон и Апулей. Нет ничего удивительного в том, что они стали применять свои знания на материале латинского языка. Фронтон высоко ценил творчество Цицерона, но ощущал нехватку архаизмов в его сочинениях: *in omnibus eius orationibus paucissima admodum reperias insperata atque inopinata verba, quae non nisi cum*

*studio atque cura atque vigilia atque multa veterum carminum memoria indagantur (ad M. Caesarem 4, 3 = 1, 1 Haines: «во всех его речах ты обнаружил бы весьма немного неожиданных и непредсказуемых слов, которые можно отыскать лишь стараниями, и вниманием, и бдительностью, и запоминанием многих старинных стихов» (перевод наш. – С. Д.)).* Из этих слов видно, что Фронто понимал необходимость изучения древних сочинений и поощрял выискивание особенных слов. Так и в творчестве Апулея, несмотря на скудость сведений о его жизни, мы можем видеть, как он подбирал нужные слова: *hunc (animus humanus emeritis stipendiis vitae corpore suo abiurans) vetere Latina lingua reperio Lemurem dictitatum (Soc. 15: «я нашёл, что в древнем латинском языке она (человеческая душа, отделившаяся от тела после смерти) называется Лемуром» (перевод наш. – С. Д.)).* Именно такими антикварными исследованиями занимался Авл Геллий, сохранивший для нас множество цитат из сочинений архаических авторов, которым он явно отдавал предпочтение. Внимательное чтение и заимствование редких слов из древних сочинений стало модной тенденцией в литературе, которая продержалась до поздней античности.

Как уже было замечено, мы мало знаем о творческом процессе Апулея и о его взглядах на классическую литературу, и уже этим он отличается от Геллия и Фронтонна. Самое большое количество необычной лексики мы видим в романе «Метаморфозы», но сам жанр ограничивает наши возможности выяснить истинное отношение автора к архаизаторской тенденции II века.

Классиком научной литературы в области лексики Апулея можно считать Луи Каллеба, посвятившего ряд работ именно лексике «Метаморфоз». <sup>1</sup> Его книга «Sermo cotidianus в “Метаморфозах” Апулея» – это исследование, предпринятое для того, чтобы дать наиболее масштабное и современное описание лексических и синтаксических особенностей романа. Работа Л. Каллеба действительно выделяется на фоне своих предшественников: в отличие от не менее ценных

---

<sup>1</sup> Callebat L. L'archaïsme dans les Metamorphoses d'Apulee // Revue des etudes latines, 42e annee (1964). Paris, 1965. Pp. 346–361; Sermo cotidianus dans les Metamorphoses d'Apulee. Caen: Association des Publications de la Faculté des Lettres et Sciences Humaines de l'Université de Caen, 1968; La prose des Metamorphoses: genese et specifite // Hijmans Jr. B. L. and van der Paardt R. Th. Aspects of Apuleius' Golden Ass. Groningen: Bouma's Boekhuis b. v., 1978. Pp. 167–187.

трудов П. Медана, М. Бернхарда и Г. Коциоля, Л. Каллеба обращает особое внимание на контекст. Например, он пишет, что нельзя априори включать в список вульгаризмов слово с суффиксом *-osus*, но необходимо обратить внимание на историю этого слова, встречается ли оно у комедиографов или у поэтов или же является калькой с греческого слова.<sup>1</sup> Особенно внимание Л. Каллеба к контексту заметно в его работе «Архаизмы в “Метаморфозах” Апулея». Автор выражает недовольство существующей тенденцией рассматривать Апулея как многословного, поверхностного писателя, обильно употребляющего архаизмы в угоду читателю, попавшему под влияние соответствующих модных литературных веяний. В связи с этим Л. Каллеба выделяет ряд причин для существования архаизмов в тексте Апулея: игра слов, литературная аллюзия, этимологическое восстановление древнего значения (например, *evitare* в значении ‘лишать жизни’), пародия. Во многих случаях такой подход оправдан и может быть очень полезным, но вместе с тем он создаёт ощущение того, что Апулей на уровне лексики постоянно стремится указать читателю на некие особенности, которых в действительности может и не быть. То, что Апулей – для автора, обещающего «позабавиться» – очень много требует от читателя, было давно замечено. Возможно, не стоит пытаться обнаружить за отдельными словами что-то большее, нежели приятное звучание и архаический шарм. Недаром С. Харрисон видит в исследованиях Л. Каллеба нечто «спекулятивное».<sup>2</sup>

Такой же недостаток можно отметить в работе Реджины Мэй «Апулей и драма»: автор отмечает, что Апулей должен был не просто украшать текст архаизмами и подражать древним, но доносить некий смысл посредством языка. Р. Мэй пишет: «Таким образом, язык Плавта приобретает дополнительную функциональность и, как я считаю, эта функция заключается в том, чтобы указать нам на плавтовские сцены, конструкции и аналогии, которые должны быть выделены благодаря использованию узнаваемых плавтовских слов».<sup>3</sup> К

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo cotidianus*... P. 10.

<sup>2</sup> Harrison, Stephen. *Constructing Apuleius*... P. 161.

<sup>3</sup> May, Regine. *Apuleius and Drama. The Ass on Stage*. New York: Oxford University Press, 2006. P. 39.

сожалению, это утверждение очень тяжело проверить: иногда аллюзия очевидна, но чаще всего мы не можем утверждать наверняка, что то или иное слово заимствовано Апулеем из какой-то конкретной комедии. Ещё в меньшей степени мы можем говорить о том, что Апулей ожидал от читателя определённой реакции на какое-либо слово. Для того чтобы доказать связь архаизмов с неким комическим контекстом, необходимо найти в романе такой контекст, где не было бы ни комических элементов, ни специфической лексики, что сделать, по-видимому, невозможно.

Огромного разнообразия лексических средств в романе нельзя не заметить. Конечно, это не только устаревшие слова, но и поэтизмы, вульгаризмы, заимствования, неологизмы. Всё это обеспечивает многообразие стиля, требующее постоянного внимания читателя не только к сюжету романа, но и к его звуковой форме. Это, а также наличие в тексте таких приёмов, как аллитерация и ритмическая проза, говорит о том, что Апулей относился к роману как к тексту, который надо читать вслух. Безусловно, особым звучанием выделялись и архаизмы. Так, Авл Геллий признаёт некоторую величественность слов на *-tudo*, характерных для архаической литературы, а Апулей даже создаёт новые слова по этому принципу (например, *tristitudo*, *Met.* 3, 11, 2).

Специфическая лексика Апулея отражена во многих перечнях необычных слов, которые составлял не один исследователь. Первой работой такого рода было сочинение Отто Эрדмана.<sup>1</sup> В нём автор выписал слова, встречающиеся только у Апулея и архаических писателей, отдельно выделив Плавта. Несколько позже выходит работа Генриха Коциоля, в которой на архаизмы и вульгаризмы приходится менее двух страниц,<sup>2</sup> и там мы обнаруживаем лишь перечисление нескольких слов, порой вовсе без комментария. Более интересна в этом плане работа Йоханна Пьехотты.<sup>3</sup> Он не просто перечисляет слова, но обращает внимание на те из них, которые получили большую популярность в трудах

<sup>1</sup> Erdmann, Otto. De L. Apuleii Madaurensis elocutione. Stendal: Franzen und Grosse, 1864.

<sup>2</sup> Koziol, Heinrich. Der Stil des L. Apuleius. Ein Beitrag zur Kenntniss des sogenannten afrikanischen Lateins. Wien: Druck und Verlag von Carl Gerold's Sohn, 1872. S. 310–311.

<sup>3</sup> Piechotta, Johannes. Curae Apuleianae. Vratislaviae: Apud Guilelmum Koebner, 1882.

писателей позднего времени, отмечает особенности словообразования, делает предположения о заимствованиях (например, он считает, что архаический номинатив *Iovis* (*Met.* 4, 33, 2) был заимствован Апулеем у Энния).<sup>1</sup> Кроме того, автор касается темы различения архаизмов и вульгаризмов. Он полагает, что литературная речь более строго относится к выбору лексики, но устаревшие слова вполне могут удерживаться в разговорной традиции.

Лексике Плавта в творчестве Апулея посвящает свою работу А. Дезертин,<sup>2</sup> хотя стоит отметить, что он включает туда и слова, засвидетельствованные у других писателей архаического времени, а также редкие слова вообще, иногда сопровождаемые комментарием. Кроме того, он обращает внимание на синтаксические соответствия Апулея и Плавта, также представляющие большую ценность. Последними работами подобного плана являются книги Пьера Медана<sup>3</sup> и Макса Бернхарда.<sup>4</sup> Если говорить о специфической лексике Апулея, работа П. Медана более подробна, но содержит ряд ошибок и неточностей (например, он относит наречие *tenaciter* к редким словам поздней латыни, хотя оно встречается уже у Овидия (*Ep.* 3, 43; 9, 21) или считает слово *praesepium* неологизмом). Кроме того, в делении слов на группы П. Медан руководствуется методом, с которым трудно согласиться: он считает архаизмами слова, засвидетельствованные только у трагических поэтов III–II вв. до н. э. (Ливий Андроник, Гней Невий, Энний, Пакувий, Акций, а также Лукреций и Катулл), а слова из лексикона комических поэтов относит к вульгаризмам. Естественно, если слово было впервые засвидетельствовано у Плавта или Теренция, а потом встречается у классических авторов до Апулея, его предпочтительнее считать вульгаризмом. Однако существует довольно большое количество слов, засвидетельствованных только у Плавта и Апулея, и сложно представить, будто такие слова просуществовали в разговорном языке более 300 лет, не попав ни в одно сочинение другого писателя.

<sup>1</sup> *ibid.*, p. 34.

<sup>2</sup> Desertine, Adolphus Henricus Josephus Victor Marius. *De Apulei studiis Plautinis*. Neomagi: Apud W. Fellingia, 1898.

<sup>3</sup> Médan, Pierre. *La Latinité d'Apulée dans les Métamorphoses. Étude de grammaire et de stylistique*. Paris: Hachette, 1925.

<sup>4</sup> Bernhard, Max. *Der Stil des Apuleius von Madaura. Ein Beitrag zur Stilistik des Spätlateins*. Stuttgart: Verlag von W. Kohlhammer, 1927.



Нет сомнений в том, что и Плавт, и Теренций пользовались словами разговорной лексики, но это не значит, что ко времени Апулея ситуация не поменялась. В случаях, когда слово действительно засвидетельствовано до Апулея только у Плавта, логичнее рассматривать его как прямое заимствование. К сожалению, мы никогда не можем быть уверенными в своих выводах касательно этой проблемы в силу ограниченности материала: мы никогда не знаем наверняка, встречалось ли то или иное слово в не дошедших до нас памятниках. Осторожнее в этом плане поступает М. Бернхард, отмечая, что порой тяжело определить, имеет ли слово архаический колорит.<sup>1</sup>

В связи с невозможностью выработать точный метод определения архаизмов, что было продемонстрировано всеми представленными выше работами, Л. Каллеба и пошёл по пути внимательного изучения контекста в каждом конкретном случае. Хотя он и объясняет, что изучает, у каких писателей засвидетельствованы слова, какой «тональностью» обладает контекст, точного метода не может дать и он.<sup>2</sup> При этом вопрос о том, что считается архаизмом, а что – вульгаризмом, представляется очень важным для восприятия романа. Текст, написанный живым, типичным для ежедневного общения языком, как кажется, соответствует характеру романа, включающему в себя новеллы с бытовыми ситуациями и сказочными элементами.<sup>3</sup> Устаревшие слова явно рассчитаны на совершенно иной эффект.

По мнению В. Фостера, тот факт, что книга, написанная таким трудным для нас языком, стала очень популярной, является доказательством того, что она написана именно на народном языке, языке, на котором Апулей говорил с детства.<sup>4</sup> И хотя В. Фостер прав в том, что популярность книги с таким языком

---

<sup>1</sup> *ibid.*, S. 130.

<sup>2</sup> Callebat L. *Sermo cotidianus*... P. 11.

<sup>3</sup> Л. Каллеба говорит и о том, что стиль милетских рассказов, с которыми, несомненно, связан роман Апулея, был склонен к разговорным элементам: Callebat L. *Sermo cotidianus*... P. 474. Тем не менее, доказать этот тезис по оставшимся фрагментам Сизенны достаточно трудно.

<sup>4</sup> Foster, Walter Eugene. *Studies in archaism in Aulus Gellius*. New York: Princeton University Press, 1912. Pp. 10–11: it is important to note that the *Metamorphoses* are most strikingly plebeian (and archaic) in quality. Разницу в лексике между «Метаморфозами» и другими сочинениями Апулея В. Фостер, как и Г. Ф. Гильдебранд, объясняет разницей во времени: якобы «Метаморфозы», как более ранняя работа, написаны наиболее естественным для Апулея языком.

удивительна, он приходит к неверным выводам. Простое сопоставление «Золотого осла» с «Апологией» – речью, которая явно писалась на таком языке, который было необходимо хорошо понимать – показывает, что язык романа – искусственный, утрированный, тяжёлый для восприятия на слух. Язык «Метаморфоз» не мог быть привычным ни для самого Апулея, ни для его соотечественников из африканской провинции.

Предположение о связи языка романа с африканским происхождением автора было высказано ещё Андреасом Скоттом в начале XVII в. Находчивость и пылкий нрав он приписывает всем африканцам и их речам.<sup>1</sup> Вместе с тем он связывает упадок империи с разрушением классического языка, а современниками таких печальных событий делает Симмаха, Апулея, Марциана Капеллу, Боэция и других, явно игнорируя действительную хронологию.<sup>2</sup>

Вопрос о существовании африканской латыни в самом деле очень любопытен. На такой большой территории, какую занимала Римская империя в начале II века н. э., несомненно, были диалектные различия, но, опираясь лишь на этот довод, мы не можем приписывать особенности языка «Метаморфоз» африканскому происхождению Апулея. Общие черты стиля, такие как обилие архаизмов, заимствований (в первую очередь из греческого языка), неологизмов и вульгаризмов, позволяют объединять в одну группу нескольких писателей-африканцев: Апулея, Фронтоня, Тертуллиана, Лактанция, Киприана, Арнобия (последний, возможно, был греком, но жил в североафриканском городе Сикке).<sup>3</sup> Однако римская прозаическая литература II–III вв. н. э. представлена в основном их сочинениями, поэтому мы не можем утверждать, что такой язык – особенность только уроженцев Африки, а не всей Римской империи.

Сам термин *Africitas* был впервые употреблён Эразмом Роттердамским,<sup>4</sup> но теория сформировалась на основе работ К. Ситтла, Ф. Тильманна, Й. Н. Отта,

<sup>1</sup> And. Schotti Societatis Iesu Tullianarum quaestionum de instauranda Ciceronis imitatione libri III. – Antverpiae: Ex officina Plantiniana, apud Ioannem Moretum, 1610. P. 16.

<sup>2</sup> *ibid.*, p. 44.

<sup>3</sup> McCracken G. E. Arnobius of Sicca. The Case against the Pagans. V. I. New York, Ramsey: Newman Press, 1949. P. 5.

<sup>4</sup> Desiderii Erasmi Roterodami Opera Omnia. T. III (Epistola DCXIII in Hilarium). Lugduni Batavorum: cura & impensis Petri Lander Aa, 1703. P. 695.

Э. Вёльфлина и других. Наиболее остро спор между сторонниками и противниками теории африканской латыни разгорелся в конце XVIII – начале XIX вв., аргументы обеих сторон приведены в статье С. Вилфрид.<sup>1</sup> В пользу существования африканской латыни (такой, какую мы видим в сочинениях Апулея) говорит дата падения Карфагена: в 146 г. до н. э. латинский язык стал распространяться в Африке, причём это была, условно говоря, латынь Катона и Плавта. Согласно данной теории, такой архаический язык просуществовал в провинции до II–III вв. н. э. благодаря тому, что разговорная речь сохраняла те черты, от которых бы избавилась более строгая литературная норма, в Африке отсутствовавшая. Наличие вульгаризмов в творчестве поздних африканских писателей объяснялось тем, что они были в основном христианами и просторечные выражения помогали им распространять христианскую веру в народе. Большое количество заимствований в творчестве поздних писателей относилось на счёт языков, которые были распространены в Африке до привнесения туда латыни, свою роль также сыграла деятельность переводчиков Священного Писания с древнееврейского и греческого языков. Всё это вдобавок подкреплялось особым африканским темпераментом (*tumor Africus*) и особенностями южного климата. М. фон Альбрехт не называет этот феномен прямо *Africitas*, но его комментарии по поводу языка поздних римских писателей («христианской латыни») во многом созвучны аргументам сторонников данной теории. Тем не менее, он отрицает, что «христианскую латынь» нужно выделять как новый язык.<sup>2</sup>

Следует отметить, что все вышеперечисленные особенности не являются специфическими для уроженцев Африки, но могут быть обнаружены у римских писателей предшествующего периода, хотя и в меньшей степени. Противники теории африканской латыни (Э. Норден, Г. Рёнш, Г. Кретчманн и другие) утверждают, что нельзя полагать, будто латынь стала основным языком в Африке,

---

<sup>1</sup> Wilfrid, Sister. Is There an Africitas? // The Classical Weekly, Vol. 22, № 10 (Dec. 17, 1928).

<sup>2</sup> Альбрехт, Михаэль фон. История римской литературы / Пер. А. И. Любжина. М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2005. Т. 3. С. 1423–1427.

как только был завоёван Карфаген. Интенсивная латинизация провинции началась лишь в правление Цезаря и Августа, а крупные колонии ветеранов появились в Африке при Клавдии. Все лексические особенности Апулея, Фронтоня и более поздних писателей объясняются литературной тенденцией, которая действовала на всей территории Римской империи, получив начало в Греции с принципа риторических школ  $\mu\acute{\iota}\mu\eta\sigma\iota\varsigma\ \tau\acute{\omega}\nu\ \acute{\alpha}\rho\chi\alpha\acute{\iota}\omega\nu$ . Тот факт, что данные лексические особенности принадлежат творчеству писателей Африки, – не более чем случайное стечение обстоятельств, не позволяющее нам оценить ситуацию за пределами этой провинции. По крайней мере, грецизмы вообще свойственны латинской литературе, так как многие римские писатели прекрасно владели этим языком.<sup>1</sup>

Со временем стало преобладать мнение противников теории существования африканской латыни и изолированного развития литературы в этой провинции. Так, Л. Пёрсер уже в начале XX века пишет: «Едва ли необходимо опровергать в целом признанную сейчас несостоятельную точку зрения о существовании особенного «африканского» стиля».<sup>2</sup> Э. Финкельпёрл говорит об *Africitas* как об уже опровергнутом феномене, который, тем не менее, должен быть упомянут при обсуждении лексики «Метаморфоз», так как африканское окружение действительно могло оказать определённое влияние на автора романа.<sup>3</sup> С этим утверждением трудно не согласиться: как уже говорилось, естественно предполагать определённые особенности в речи жителей различных провинций. Вряд ли африканцы говорили так, как говорит Луций в романе, но отказывать им в культурной самобытности, выражаемой в том числе и в языке, нельзя. Как считает Сильвия Маттиаччи,<sup>4</sup> концепцию африканской латыни необходимо пересмотреть: следует отойти от идеи Апулея-новичка в латинском языке,

<sup>1</sup> Norden, Eduard. *Die Antike Kunstprosa*. 2 Band, 3 Abdruck. Leipzig und Berlin: Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1918. P. 594; Dietrich B. C. *The Golden Art of Apuleius // Greece & Rome*, Vol. 13, № 2 (Oct., 1966). P. 192.

<sup>2</sup> *The Story of Cupid and Psyche as related by Apuleius / Ed. Louis C. Purser*. London: George Bell & Sons, 1910. P. LXXXIV.

<sup>3</sup> Finkelppearl, Ellen D. *An Apuleius Reader: Selections from the Metamorphoses*. Mundelein, Illinois USA: Bolchazy-Carducci Publishers, 2012. P. XXXIII.

<sup>4</sup> Mattiacci, Silvia. *Apuleius and Africitas // Apuleius and Africa*, ed. by Benjamin Todd Lee, Ellen Finkelppearl and Luca Graverini. New York: Routledge, 2014. P. 93.

опирающегося на архаические сочинения, и изучить проблему культурной идентичности, романизации, феномен билингвизма в Африке. О существовании особенностей африканской латыни прямо утверждает Дж. Н. Адамс,<sup>1</sup> проанализировавший латинские тексты периода с 200 г. до н. э. до 600 г. н. э., чтобы выяснить, как отличался латинский язык в зависимости от территории. Дж. Н. Адамс на основе ливийских остраконов и алжирских табличек показал разницу в произношении слов по сравнению с нормами классической латыни, а также назвал ряд провинциализмов, характерных для территории африканской провинции.<sup>2</sup> На вопрос, существовала ли «африканская латынь», он отвечает утвердительно, но это вовсе не та стилистическая характеристика, в которой сторонники цicerоновской латыни упрекали Апулея. Уникальный стиль романа «Метаморфозы» продиктован не африканским происхождением и провинциальностью его автора, но наоборот: Апулей получил прекрасное образование и разбирался в модных литературных тенденциях, следуя которым, он мог угодить вкусам требовательной публики. В этом смысле любой архаизм, любое необычное слово в сочинении Апулея действительно функционально: это художественный текст, а не естественная речь, и выбор той или иной лексики является литературным приёмом, сознательно применённым автором.

---

<sup>1</sup> Adams J. N. *The Regional Diversification of Latin 200 BC–AD 600*. New York: Cambridge University Press, 2007.

<sup>2</sup> Помимо африканского произношения, Дж. Н. Адамс выделяет как «африканизмы» следующие моменты: выражение *quantum etiam* в значении *sed etiam* и заимствования из языков тех народов, с которыми Африка контактировала (например, *buda*, означающее надводные растения и предметы, сделанные из них). Многие из примеров африканской лексики, приводимых в книге, являются достаточно поздними: «в Африке, как и везде, язык всегда пребывал в состоянии постоянного изменения, и инновации, а не архаизмы, были решающим фактором местных характеристик в любое время», *ibid.*, p. 541.

## Архаизмы в латинской литературе

### 1. Архаизмы в глазах предшественников и современников Апулея

Необычная лексика не была чем-то уникальным для римской литературы II в. н. э. Она привлекала к себе внимание в трудах многих писателей и до этого периода, и её применение будет одним из распространённых художественных приёмов впоследствии. Однако такая языковая вольность допустима далеко не во всех жанрах: к примеру, обычно в так называемых низких жанрах (комедия, басня, сатира) архаическая лексика будет либо неуместна, либо послужит средством создания иронии, а для высоких жанров нехарактерно использование вульгаризмов. Неологизмы в целом составляют такой раздел лексики, применение которого возможно только с большой осторожностью. Тем не менее, такой риск может быть оправдан: удачно подобранное новое слово освежает текст и позволяет по-новому посмотреть на лексику произведения (то, что обычно воспринимается лишь как средство для передачи мысли, само становится объектом пристального внимания читателя). Это одна из причин, по которой Апулей так часто прибегает к такому приёму в «Метаморфозах»: постоянное переключение акцента с содержания на язык, которым это содержание выражено, и обратно, обеспечивает динамичность произведения. С данной точки зрения безразлично, слово какой стилистической окраски используется для оживления текста – неологизм, вульгаризм или архаизм, все они играют одну и ту же роль. Их частое использование – способ автора выделиться, противопоставить себя традиции. Несколько иную функцию они будут выполнять, если в произведении они редки: архаичное слово может добавить торжественности, вульгаризмы будут уместны в речах простолюдинов для создания необходимого образа, без неологизмов иногда невозможно обойтись, когда речь идёт о тех вещах и явлениях, которые не могут быть описаны словами, уже существующими в языке.

В «Метаморфозах» Апулея особое значение имеют именно архаизмы. Во-первых, потому что такие непривычные и зачастую торжественные слова трудно

ожидать в так называемом приключенческом романе, большую часть которого составляют новеллы эротического и комического характера, где вульгаризмы выглядят достаточно естественно. Ни жанр, ни характер героев книги не предоставляют возможности ожидать древние слова, и этим приёмом обмана ожиданий Апулей активно пользуется. Во-вторых, архаизмы у Апулея тесно связаны с двумя другими категориями слов – вульгаризмами и неологизмами. Очень часто к слову невозможно прикрепить нужный ярлык: можно найти достаточно аргументов в пользу того, что оно является архаизмом и вульгаризмом, по поводу отдельных лексем можно вести ожесточённые споры (например, такие вопросы возникают при рассмотрении редкого слова *turbela* в «Метаморфозах»). Неологизмы также могут иметь точки пересечения с древней лексикой: Апулей придумывает слова, на возникновение которых явно повлияли архаические авторы, которыми Апулей определённо зачитывался. Так, глаголы *inalbo* и *inalbeo*, по-видимому, вдохновлены глаголом *indalbo*, засвидетельствованным только у Энния (в случае начала VII книги «Метаморфоз» в соответствии между словами рассказчика и строкой из «Анналов» практически не может быть сомнений). Естественно, мы не можем с уверенностью утверждать, что то или иное слово является неологизмом. Если одни слова настолько специфичны, что их принадлежность перу Апулея практически гарантирована (например, *utricida* ‘убийца бурдюков’), то другие могут быть засвидетельствованы впервые у Апулея по чистой случайности. Сюда можно отнести многие прилагательные и существительные, обозначающие деятеля женского рода (*cantatrix*, *sospitatrix*, *veteratrix*), заимствования (*cataclistus*, *ephebicus*, *magia*), уменьшительно-ласкательные слова (*fenestrula*, *glabellus*, *ovicula*) и многие другие. Так как в большинстве случаев мы не можем знать, являлся ли Апулей их автором, встречались ли в недошедших до нас сочинениях те гапаксы, которые мы обнаруживаем в его трудах, насколько то или иное слово ощущалось как оригинальное и необычное в то время и на той территории, усваивалось ли оно языком или отбрасывалось как ненужное, мы не можем делать подобные смелые выводы на основании лексики, представленной в

«Метаморфозах». Поэтому название «неологизм» в данной работе не является строгим термином и используется для обозначения всех лексем, впервые засвидетельствованных в творчестве Апулея.

Несмотря на то, что Апулей заслуженно считается автором с самой разнообразной лексикой на латинском языке, он не является новатором ни в тех жанрах, в которых он работал, ни в своей манере. Хотя этот необыкновенный стиль лучше всего представлен его сочинениями («Метаморфозами» и, в меньшей степени, «Флоридами»), у него были свои предшественники. Нет оснований полагать, что до I в. н. э. среди латинских авторов существовала особая школа, поощрявшая подобные лексические эксперименты, но отдельные личности всё же остались в истории как обладатели словаря, призванного удивить и обескуражить своего читателя или слушателя. Одной из таких фигур был Луций Корнелий Сизенна (умер в 67 г. до н. э.), известный как автор «Истории», сохранившейся лишь во фрагментах, большинство из которых передаёт Ноний Марцелл. По-видимому, Сизенна старался произвести в своих речах такой же эффект, что и Апулей в «Метаморфозах», используя большое количество архаизмов, неологизмов и заимствований. Тем не менее, в отличие от Апулея, который таким образом подстраивался под вкусы современной ему публики, Сизенна действовал вопреки моде и, как следствие, становился объектом насмешек, что не меняло его взглядов: *sed ille tamen familiaris meus recte loqui putabat esse inusitate loqui* (Cic. *Brut.* 260: «однако же мой приятель верил, что говорить правильно – значит говорить необычно» (перевод наш. – С. Д.)). Цицерон таким образом противопоставляет Сизенну Цезарю, который, по его словам, обладал достоинством, необходимым и для оратора, и для настоящего римлянина – *elegantia verborum Latinorum* (*Brut.* 261).<sup>1</sup> И всё же Цицерон отдаёт Сизенне должное, считая его человеком образованным и хорошо говорящим на латинском языке (*Brut.* 228). При этом Цицерон весьма недоволен тем, как Сизенна излагает свои мысли: и оратором он не может считаться, и его «История» написана «по-

<sup>1</sup> Как известно, Цезарь советовал избегать необычных слов, что делает его стиль в этом отношении полной противоположностью вкусам Сизенны: Gell. 1, 10, 4.



ребячески» (*De Leg.* 1, 7). Последнее Цицерон объясняет тем, что Сизенна подражал Клитарху, греческому историку IV в. до н. э., составившему биографию Александра Македонского. Неизвестный автор трактата «О возвышенном», критикует Клитарха как автора напыщенного и слепо стремящегося к возвышенному (*De Sublimitate* 3, 3: Клитарх назван φλοῖώδης – поверхностным).<sup>1</sup> Результатом такого стремления автор трактата называет ребячливость стиля (μειρακιώδης), свойственную тем, кто, пытаясь подражать чему-то особенному и изысканному, сочиняет нечто безвкусное. Кроме Клитарха к числу виновных в этом пороке он относит софистов Горгия из Леонтин и Гегесия из Магнесии. Апулей, в свою очередь, также подвергался критике как автор, слепо следующий литературной моде и переполняющий свой роман необычными словами без разбора.

Апулея с Сизенной связывает не только общность взглядов на выбор лексики, но и интерес к жанру милетских рассказов: именно Сизенна впервые перевёл Μιλῆσιακά Аристида Милетского, греческого автора периода позднего эллинизма, на латинский язык. К сожалению, количество дошедших фрагментов не позволяет судить об их содержании и стиле произведения. Возможно, в своём переводе Сизенна активно пользовался наречиями на -tim и -im, как свидетельствует Авл Геллий (12, 15, 1–2). Эта категория наречий пользовалась особенной популярностью именно в архаический период, но потом вновь нашла своего читателя в трудах Апулея. Более того, Апулей, по-видимому, дополнил её своими словами, многие из которых потом были заимствованы позднейшими авторами.<sup>2</sup> Как автор «Истории» Сизенна, несомненно, прославился и был известен и у своих современников, и у потомков. Он оказал влияние на Саллюстия: тот отмечает, что Сизенна «лучше и тщательнее всех» изучил материал, касающийся Суллы (*Jug.* 95), кроме того, вероятно, что Саллюстий

<sup>1</sup> Connolly, Joy. *The New World Order: Greek Rhetoric in Rome // A Companion to Greek Rhetoric*, ed. Ian Worthington. Malden, Oxford, Carlton: Blackwell Publishing, 2007. P. 156.

<sup>2</sup> Pasetti, Lucia. *Plauto in Apuleio*. Bologna: Pàtron Editore, 2007. P. 75.

начал своё повествование с того места, где остановился Сизенна.<sup>1</sup> Однако ко времени Адриана Сизенна был более интересен уже не «Историей», а своим архаичным языком, ради которого грамматики и записывали фрагменты из его произведений. Фронтон отмечает, что Сизенна был одним из тех редких писателей, кто особенное внимание уделял подбору слов и поиску нужных выражений (*ad M. Caesarem* 4, 3 = 1, 1 Haines). По-видимому, эта репутация мастера древнего слова и искателя необычной лексики привела к тому, что Сизенну даже считали комментатором Плавта (об этом пишут Руфин и Харизий), хотя, судя по всему, комментарии к его пьесам принадлежат грамматiku более позднего времени с таким же именем.<sup>2</sup> Таким образом, нетрудно обнаружить у Сизенны и Апулея не только интерес к жанру милетских рассказов, но и общность взглядов на лексику, которой требует повествование такого рода, хотя стоит отметить, что Сизенна жил в совершенно другом литературном климате.

Так как Апулей был не только автором романа, но и известным оратором, следует обратиться к утверждениям таких выдающихся ораторов, как Цицерон и Квинтилиан, которые по-своему относились к использованию необычных слов, в частности архаизмов. В первую очередь, Цицерон отмечает, что необычные слова – это инструмент для украшения и придания блеска своей речи (*De Orat.* 3, 38, 152–153), причём он даёт определение для архаизмов: «неупотребительные слова (*inusitata*) – это обычно слова старые и из-за своей древности уже давно вышедшие из разговорного обихода» (перевод наш. – С. Д.). Там же Цицерон поясняет, что архаизмы уместнее в более свободных произведениях поэтов, чем в речах ораторов, но если знать меру, то и поэтическое слово может придать речи определённую возвышенность. При этом, судя по всему, разные слова и выражения могли допускаться или не допускаться Цицероном в речи оратора, в зависимости от того, как давно слово перестало употребляться в повседневности.

<sup>1</sup> Rawson, Elizabeth. L. Cornelius Sisenna and the Early First Century B. C. // *The Classical Quarterly* Vol. 29, № 2 (1979). P. 327.

<sup>2</sup> Teuffel W. S. *Geschichte der Römischen Literatur*. Leipzig: B. G. Teubner, 1870. S. 205; Niese, Benedikt. L. Cornelius Sisenna // *RE* 7 Hb (1900). Sp. 1513; Callebat L. *Sermo cotidianus*... P. 474. Кроме того, и касательно отождествления Сизенны-историка и Сизенны-переводчика милетских рассказов у некоторых (хоть и немногих) исследователей есть сомнения, см. Rawson, Elizabeth. L. *Cornelius Sisenna*... P. 331.

Так, он не имеет ничего против слов *tempestatas* (для обозначения временного промежутка), *proles*, *suboles*, *effari*, *nuncupare*, *reor*, *opinor*. Этими словами сам Цицерон пользуется свободно, хотя, очевидно, уже в его время они имели некоторый архаический оттенок, придававший словам величественность. Нетрудно заметить, что все эти слова достаточно часто использовались и в более позднее время, и если бы Цицерон прямо не обозначил их архаичность, вряд ли какому-либо исследователю удалось бы их так классифицировать на основе тех текстов и авторов, у которых они встречаются. К подобным словам Цицерон менее строг, чем к архаизмам, вовсе пропавшим из разговорной речи. Впрочем, здесь также следует отметить, что не все неупотребляемые слова одинаково расцениваются читателем. Естественно, что никакому автору не следует пользоваться такими словами, которые столь давно вышли из употребления, что их значение не может быть восстановлено даже из контекста повествования, ради понимания смысла которых читателю приходилось бы открывать словарь. Однако в любом языке достаточно таких слов, которые практически невозможно услышать в живой речи, но которые регулярно встречаются в произведениях авторов предшествующих эпох и за счёт этого продолжают существовать в языке. Они достаточно свободно воспринимаются образованными читателями, которые без трудностей распознают их значение. По-видимому, именно о таких словах Цицерон предупреждает, что их употребление нежелательно, разве что изредка и ради украшения речи (*De Orat.* 3, 10, 39).

В целом, Цицерон не особенно интересуется темой архаической лексики, и его комментарии по этому поводу слишком кратки, чтобы составить себе представление о том, что именно следует считать архаизмом и в каком жанре архаизмы допустимы или, наоборот, непростительны. Вместе с тем понятно, что Цицерон большое внимание уделяет подбору слов, которые должны быть ясны и понятны слушателю речей оратора. Квинтилиан менее категоричен в этом вопросе, хотя его взгляды мало чем отличаются от взглядов Цицерона. В отличие

от последнего, он не считает, что архаизм – атрибут лишь поэтических жанров.<sup>1</sup> О природе архаизмов он размышляет в первой книге «Наставлений оратору», показывая, что они, во-первых, придают речам величественности, во-вторых, приятны для восприятия, и, в-третьих, имеют эффект новизны, если давно не встречались. Интересно, что он отмечает, что архаизмы пользуются определённой популярностью у сочинителей (*Inst.* 1, 6, 39: “*verba a vetustate repetita... magnos adsertores habent*”), не уточняя при этом жанр, в котором эти авторы работают. Квинтилиан также рекомендует не увлекаться частыми и чересчур откровенными архаизмами, а также такими, которые настолько стары, что уже забыты читателями. Как примеры он приводит слова *topper*, *antegerio*, *exanclare* и *prosapia*, последние два из которых не только встречаются у Апулея около века спустя, но даже могут считаться одними из его любимых лексем. Свой список чересчур устаревших слов в другом пассаже Квинтилиан дополняет такими примерами, как *quaeso*, *oppido*, *aerumna* (они также входят в число употребляемых Апулеем слов, хотя *quaeso* в «Метаморфозах» не встречается), вновь напоминая о необходимости соблюдать меру в использовании архаизмов (*Inst.* 8, 3, 24–25). Кроме того, он справедливо замечает, что речь меняется со временем и то, что было допустимо у писателей лишь недавно, сегодня может выглядеть неуместно. Однако, по-видимому, отдельные слова не меняют своей стилистической окраски на протяжении длительного времени: те же самые слова (*reor*, *nuncupo*), которые Цицерон признавал архаическими, но приемлемыми в речах, Квинтилиан называет используемыми по необходимости (*necessario*; *Inst.* 8, 3, 26–27), то есть тоже не производящими негативного впечатления из-за своей древности.

Квинтилиан в целом положительно относится к отдельным образцам архаической лексики, если они играют в тексте ожидаемую от них роль: добавляют свойственного старине величия и органично смотрятся в подходящем контексте. Совершенно по-иному он воспринимает связанный с обилием

---

<sup>1</sup> Marache, René. La critique... P. 56.

архаизмов маньеризм, когда слова и их непривычное звучание начинают перетягивать внимание с содержания текста: «они (те, кто интересуется внешней стороной текста больше, чем следует), даже найдя лучшие выражения, ещё ищут что-то более древнее, более отдалённое, более неожиданное (*magis antiquum remotum inopinatum*) и не понимают, что нет смысла в такой речи, в которой прославляются слова» (*Inst.* 8 Proem. 31; перевод наш. – С. Д.). В конечном счёте, для Квинтилиана слова – лишь средство для выражения мысли, и если они понятны и согласованы между собой правильным образом, если они точно отражают то, о чём думает автор, этого для него достаточно. Излишнее же увлечение словесным оформлением, как он считает, может скорее навредить, чем понравиться читателю. Стиль Апулея с этой точки зрения, естественно, подвергся бы суровой критике со стороны Квинтилиана, потому что на такое разнообразие отличающихся между собой по стилистике слов мало кто способен: Апулей, очевидно, не просто подбирает красивые по звучанию слова, но действительно составляет такой текст, который «хвастается» словами. Квинтилиан чуть позже вновь высказывается на эту тему, когда приводит эпиграмму, направленную против Саллюстия и его пристрастия к архаизмам: *nam et cuilibet facilis et hoc pessima, quod eius studiosus non verba rebus aptabit, sed res extrinsecus arcesset quibus haec verba convenient* (*Inst.* 8, 3, 30: «ведь такая практика проста для кого угодно и тем ужасна, что её ревностный приверженец не будет подбирать слова под материал, но будет привлекать материал извне так, чтобы эти слова ему подходили» (перевод наш. – С. Д.)). Трудно сказать, был ли Апулей одним из таких авторов, кто ищет возможность щегольнуть необычным выражением даже в угоду смыслу, но Квинтилиан, по-видимому, считал бы именно так.

Рассказывая о том, на каких сочинениях следует воспитывать начинающих ораторов, Квинтилиан формулирует свой принцип не увлекаться двумя крайностями: он не советует читать Гракхов, Катонов и прочих древних авторов (чтобы не заимствовать у них сухость изложения и выражения, чуждые современности), но не читать и новейших авторов, уберегая себя от цветистости их стиля (*Inst.* 2, 5, 21–22). Квинтилиан вообще всегда советует держаться золотой

середины: *ergo ut novorum optima erunt maxime vetera, ita veterum maxime nova* (*Inst.* 1, 6, 41: «как из новых слов самые лучшие – старые, так из старых лучшие – новые» (перевод наш. – С. Д.)). Таким образом, он всех авторов делит на 3 категории: во-первых, на тех, кто в слепом подражании древности не может обойтись без архаичных слов, во-вторых, на тех современных ему писателей, кто добавляет слишком много украшений единственно ради удовольствия читателя, и, в-третьих, на классических авторов, чей слог таков, каким и должен быть.<sup>1</sup> Последние не обязательно не используют архаизмов: Вергилия Квинтилиан хвалит за его старинные слова (*Inst.* 8, 3, 24). Важно изредка украшать повествование приятно звучащими архаизмами, наводящими на мысли о величественной древности, но ни в коем случае нельзя чересчур усердствовать в употреблении архаизмов ради пустой демонстративности, когда за словами уже нет смысла. Естественно, такая практика требует кропотливой работы: чтобы писать, используя множество необычных слов, надо сначала прочитать большое количество соответствующей литературы, прямо выискивая у древних авторов нужные перлы, возможно, даже выписывая их в специальные тетради. В текст они попадают также не случайным образом, но автор должен внимательно рассмотреть значение древнего слова и найти для него подходящий контекст. Именно такое поведение – излишнее внимание к тексту – Квинтилиан порицает (*Inst.* 8 Proem. 21–28). Верное слово должно рождаться у автора естественным образом, так как оно диктуется истиной, искусственный же подбор выражений требует усилий над собой, и получающийся результат уже не может быть так приятен и ясен, как слова, появляющиеся сами собой. Квинтилиан прямо предостерегает от поисков необычных слов в древних сочинениях, ведь найденные слова, скорее всего, будут непонятны слушателям и читателям, а значит, будут затуманивать смысл всего произведения (*Inst.* 8, 2, 12). Квинтилиан также не одобряет и манеру, при которой автор ставит рядом слова разного стиля, создавая своеобразную смесь из архаизмов, неологизмов, вульгаризмов и

---

<sup>1</sup> *ibid.*, p. 50–51.

поэтизм, так что «Метаморфозы» Апулея он назвал бы «чудищем» (*monstrum*, *Inst.* 8, 3, 60).

Таковы теоретические указания, которые Цицерон и Квинтилиан давали желающим освоить латинское красноречие. На практике и тот, и другой архаизмов избегали, чего нельзя сказать о других авторах, также оказавших большое влияние на образование будущих ораторов и литературу на латинском языке. Так, архаизатором можно считать философа Лукреция. Так как свои взгляды он излагал в форме поэмы, естественно, что в его труде обнаруживается большое количество поэтизм. Однако наряду с ними можно выделить и архаическую лексику, в том числе древний эквивалент местоимения *ille olle*, архаические формы родительного падежа с окончаниями *-ai* и *-um*, герундий на *-undi* и прилагательные на *-bundus*. Такая любовь к архаическим формам особенно заметна в сравнении с речами Цицерона, современника Лукреция. При этом эту черту нельзя объяснить лишь принадлежностью поэмы «О природе вещей» к поэтическому жанру: другой современник Лукреция, Катулл, не проявляет таких чувств к архаизмам. Конечно, стиль поэмы возвышен и не имеет со стихами Катуллы ничего общего ни по содержанию, ни по форме, и древние формы определённо придают всему произведению некоторую величественность. Исследователи также отмечают зависимость Лукреция от Энния, которого тот восхваляет в первой книге поэмы и которому подражает именно своими древними выражениями.<sup>1</sup> Во многом задачи Лукреция и Апулея схожи: оба работают над греческим оригиналом так, чтобы латинский язык, насколько мог, соответствовал теме произведения. Если Лукреций создаёт дидактическую поэму, описывающую мировое устройство, ему приходится внимательно отбирать слова: так, чтобы они и подходили для дактилического гекзаметра, и отражали величественность предмета. Для этого он прибегает к архаизмам, заимствует греческие слова и находит новые лексемы, когда чувствует, что ему недостаточно тех средств,

---

<sup>1</sup> Sikes E. E. *Lucretius. Poet and Philosopher*. Cambridge: Cambridge University Press, 1936. Pp. 42–43; Marache, René. *La critique...* P. 21; van Schaik, Nick. *Beginnings in the De Rerum Natura. Treasuries of Influence and Intertextuality*. University of Leiden, 2017. P. 11.

которые ему может предоставить родной язык.<sup>1</sup> Так же действует и Апулей, используя все эти возможности для создания той «*desultoria scientia*», которую он и обещает в прологе своего романа. Если Лукреция к этому обязывают жёсткие требования размера и недостаток латинских эквивалентов греческим философским терминам, то Апулей сам в начале «*Метаморфоз*» поставил себе задачу подчинить язык метаморфозам, происходящим в его истории.

Э. Сайкс, вкратце описывая отношение к архаизмам среди современников Лукреция и оправдывая его архаизирование, отмечает, что, хотя Цицерон писал свои философские диалоги современным языком, историки (несмотря на то, что писали не стихи, а прозу) стремились повторить обороты Катона.<sup>2</sup> Действительно, как уже было сказано, и Луций Корнелий Сизенна, и Квинт Клавдий Квадригарий почитались во II веке н. э. за большое количество древних слов в их сочинениях. Квадригарий – любимый историк Авла Геллия (за исключением Саллюстия), он сохранил множество фрагментов его «*Анналов*»,<sup>3</sup> тогда как Цицерон говорит о нём как о писателе с вялым стилем изложения и отсутствием навыка (*De Leg.* 1, 2, 6 “*antiquorum languor et inscitia*”).

Тем не менее, самым известным историком-архаизатором следует признать Саллюстия, «невежественного вора слов Катона и древних», как называет его Ленея, вольноотпущенник Помпея Великого (Suet. *De Gramm.* 15). Азиния Поллиона своеобразный стиль историка даже вдохновил на целую книгу, посвящённую его критике (хотя, возможно, критика содержалась лишь в письме, адресованном Мунацию Планку: Suet. *De Gramm.* 10, Gell. 10, 26, 1). Именно язык Саллюстия, а не его точка зрения на исторические события вызывала восторги у одних и яростное осуждение у других.<sup>4</sup> Отмечают, что Саллюстий был смел и оригинален в своих выражениях: так, Геллий (10, 26, 1–10) защищает писателя от

<sup>1</sup> Sedley, David. *Lucretius and the Transformation of Greek Wisdom*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Pp. 35–48.

<sup>2</sup> Sikes E. E. *Lucretius*... P. 43.

<sup>3</sup> Marache, René. *La critique*... P. 233. Большое количество архаизмов в анонимном труде «Записки об Испанской войне» также связывают с архаизирующими тенденциями в историографии и сознательным решением автора придерживаться более возвышенного стиля, см. Gaertner, Jan Felix. *The Style of the Bellum Hispaniense and the evolution of Roman historiography* // *Colloquial and Literary Latin*, ed. by Eleanor Dickey, Anna Chahoud. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 249.

<sup>4</sup> Syme, Ronald. *Sallust*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1964. P. 288.



нападок Азиния Поллиона, оправдывая использование Саллюстием слов *transgressus* и *transgressi* для путешествия по воде, а не перехода по суше. Особое внимание Саллюстия к языку также подчёркивает тот факт, что, по-видимому, Саллюстий имел какое-то собрание древних слов и выражений, к которому он обращался, когда хотел украсить повествование оригинальным оборотом. По крайней мере, как говорит Азиний Поллион в пересказе Светония, такой сборник вместе с кратким изложением событий римской истории ему подготовил его друг, грамматик Луций Атей (Suet. *De Gramm.* 10).<sup>1</sup> И среди обычных слов Саллюстий предпочитал их более архаичные варианты: превосходные степени сравнения прилагательных на -imus, герундий на -undi, зачастую употреблял наречия на -im. Всё это показывает в нём смелого автора, не побоявшегося привести в историческое повествование некоторые атрибуты поэзии и противопоставить современному языку текст, полный устаревших выражений. Такая симпатия к языку древних в целом соответствует тому романтическому образу ранней республики, который он рисует в своих произведениях: следы упадка нравов нельзя было обнаружить не только в поступках людей, но и в их словах. Тем не менее, У. Бэтстоун считает, что задачей Саллюстия было создать такую прозу, которая бы выглядела необычной: для этого Саллюстий пользуется не только архаизмами, но также и неологизмами, смелыми метафорами и сравнениями.<sup>2</sup> Это создаёт определённый контраст между, с одной стороны, архаичностью выражений и морализмом и, с другой стороны, неологизмами и другими инновациями. Так или иначе, несмотря на критику, произведениями Саллюстия зачитывались потомки, и все последующие приверженцы архаической лексики,

---

<sup>1</sup> Интересно, что в этом же пассаже Светоний удивляется, как Азиний Поллион мог верить, что Атей собирает древние слова для Саллюстия, но ему самому настоятельно советует избегать туманных выражений, характерных для этого историка. Тем не менее, даже если Атей сам считал такой стиль неподобающим для современного писателя, как грамматик он всё равно мог выполнить просьбу Саллюстия о поиске старинных выражений; Berwick, Erdward. *Lives of Caius Asinius Pollio, Marcus Terentius Varro and Cneius Cornelius Gallus*. London: Printed for Robert Triphook, 37, St. James's Street; And C. P. Archer, Dublin: By B. M'Millan, Bow Street, Covent Garden, 1814. Pp. 60–67.

<sup>2</sup> Sallust. *Catiline's Conspiracy, The Jugurthine War, Histories*. A new translation by William W. Batstone. New York, 2010. P. XXXV.

несомненно, рассматривали Саллюстия как автора, на которого стоит равняться, причём не только в жанре исторического повествования.<sup>1</sup>

Другие великие писатели истории Рима уже не отличаются особыми симпатиями в адрес архаизмов: и Тит Ливий, и Корнелий Тацит скорее избегали архаической лексики в своих сочинениях. Ливий не одобрял чрезмерного украшения речей древними и туманными выражениями (*Sen. Contr.* 9, 2, 26) и в своих литературных занятиях больше следовал примеру Цицерона и Цезаря, чем Саллюстия.<sup>2</sup> Квинтилиан уверен, что Ливий не уступает в таланте Геродоту: настолько его обороты приятны и ясны (*Quint. Inst.* 10, 1, 101). Именно ясность и у Цицерона, и у Квинтилиана связана с отсутствием древних слов, чей смысл уже плохо понятен современникам. Что касается Тацита, то он несколько ближе к Саллюстию: по-видимому, он так же считал, что при написании истории следует пользоваться языком, далёким от современного узуса, поэтому Тацит более свободно пользуется архаизмами. Это особенно характерно для поздних книг «Истории» и «Анналов».<sup>3</sup> Из этих историков Апулею, естественно, ближе всего Саллюстий: они не только обнаруживают общую склонность к необычной лексике, но Апулей также делает определённые отсылки к сочинениям этого историка и заимствует его лексику.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Р. Мараш прямо отмечает, что Саллюстий дал начало целой традиции в историческом жанре, диктующей необходимость архаизировать, см. Marache, René. *La critique...* P. 22.

<sup>2</sup> Вместе с тем, нельзя отрицать влияние источников на прозу Ливия: исследователи отмечают некоторую архаичность первой книги «Истории Рима от основания города», объясняя эту особенность опорой на Энния, см. Mellor, Ronald. *The Roman Historians*. London and New York: Routledge, 1999. P. 62. Л. Палмер предполагает, что Ливий свободнее пользовался архаизмами и поэтизмами при описании легендарных времён, постепенно возвращаясь к более «современной» лексике, больше подходящей для позднейших событий, см. Palmer L. R. *The Latin Language*. London: Faber and Faber, 1953. Pp. 138–139.

<sup>3</sup> Adams J. N. *The Language of the Later Books of Tacitus' Annals* // *The Classical Quarterly*, Vol. 22, № 2 (Nov., 1972). P. 350.

<sup>4</sup> Т. МакКрейт также говорит о тенденции Апулея пользоваться языком историографии вообще и языком Саллюстия в частности: McCreight, Thomas D. *Apuleius, Lector Sallustii: Lexicographical, Textual and Intertextual Observations on Sallust and Apuleius: Sallust, "Historiae" Frr. 3.102–103 and 4.62 Mauren-Brecher = 4.14–15 and Uncertain # 28 McGushin; Apuleius "Apology" 12.1; 26.1* // *Mnemosyne, Fourth Series*, Vol. 51, Fasc. 1 (Feb., 1998). P. 56. Одна из самых известных саллюстианских реминисценций – трагическое обращение Аристомена к кровати в первой книге «Метаморфоз» (*Apul. Met.* 1, 16, 3, ср. *Sall. Jug.* 14, 22), хотя за ним стоит далеко не только подражание месту из «Югуртинской войны», но и тоpos *lecti invocatio* в греческой трагедии и любовной поэзии, см. Finkelpearl, Ellen D. *Metamorphosis of Language in Apuleius: a Study of Allusion in the Novel*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 51; May, Regine. *Apuleius. Metamorphoses or the Golden Ass. Book 1*. Oxford: Oxbow Books, 2013. P. 169.

Одним из любимых авторов не только Апулея, но и других архаизаторов II в. н. э., бесспорно, является Вергилий. Несмотря на то, что поэма «Энеида» посвящена событиям глубокой древности, Вергилий не увлекается архаической лексикой. Воспевать старину – не значит пользоваться её выражениями. Даже когда Вергилий пишет «Георгики», идея которых восходит к «Трудам и дням» Гесиода, он скорее относится к произведению Гесиода как к памятнику греческой литературы, чем литературы древней. Соответственно, для Вергилия важнее адаптировать идеи греческого писателя для римской публики, взять лучшее из греческого образца, но выразить всё это современным латинским языком, подчёркивающим поэтичность образов (это верно и для отступлений натурфилософского характера, которые Вергилий заимствует у Лукреция). Вместе с тем, нельзя сказать, что Вергилий сторонится архаической лексики: иногда он прибегает к старинным словам или формам, но обязательно к таким, которые понятны любому читателю и не вызывают трудностей. Так они обеспечивают необходимый архаический оттенок, но не затуманивают смысл.

У Вергилия нет слов, полностью вышедших из употребления, в этом смысле он очень современный поэт, который, однако, далёк и от разговорного латинского языка.<sup>1</sup> Сложно найти поэта, более тщательно относящегося к языку, чем Вергилий – он прекрасно находит баланс между старым и новым, изящным и повседневным, так что его стихи воспринимаются как музыка, в которой всё на своём месте, ничего нельзя ни добавить, ни отнять.<sup>2</sup> Именно это умение удерживать баланс и делает Вергилия таким уникальным мастером слова. Для Вергилия в старинных выражениях был определённый шарм, не только позволяющий создать соответствующую атмосферу, но и преобразовать само звучание слов, поэтому в его произведениях нередко встречается архаический генетив на *-um* вместо *-orum* или на *-ai* вместо *-ae*. Архаичным считается активное

<sup>1</sup> Marache, René. La critique... P. 32.

<sup>2</sup> Batterson Beach, Goodwin. Vergil, the Lord of Language // The Classical Weekly. Vol. 28, № 24 (Apr. 29, 1935). Pp. 188–189, об «Энеиде»: “a work majestic in tone, of transcendent beauty and absorbing interest, melodious even to our ears that are not trained to the sound of Latin words, even to us for whom those words do not have from childhood associations of tenderness, pathos, grandeur, majesty, quaintness, and charm”.

употребление отложительных глаголов (например, *populat* вместо *populatur*).<sup>1</sup> Вергилий не боится архаичных *infit* или *quianam*, у него архаизмы всегда органичны и понятны, они никогда не перетягивают внимания читателя на себя (как это часто бывает у Апулея), но соответствуют описываемым событиям и героям, встречаются достаточно редко, так что поистине служат украшением тексту. Так, несмотря на то, что Вергилий никогда не увлекается архаизмами, вульгаризмами или грецизмами, выдерживая ровный стиль, его повествование не бывает монотонным, так как он не отказывается от этих средств полностью.<sup>2</sup> Таким образом, хотя Вергилий, несомненно, был одним из литературных кумиров Апулея, стиль последнего в области лексического подбора противоположен стилю поэта: если Вергилий очень внимателен к тому, чтобы его выражения были точны и понятны (даже если он прибегает к словам архаического оттенка), Апулей больше озабочен оригинальностью своих оборотов, и чем слово непривычнее, тем скорее оно найдёт своё место в «Метаморфозах».

Гораций, современник Вергилия, также оказал огромное влияние на развитие литературы на латинском языке. Он весьма критично относится к употреблению устаревших слов и, очевидно, не считает, что поэзия, в отличие от прозы, может свободно пользоваться архаизмами. Гораций уверен, что любой поэт должен очень внимательно относиться к подбору лексики: для употребления необычных слов у поэта обязательно должна быть веская причина. Так, Гораций одобряет введение неологизмов, если в латинском языке для соответствующего предмета или явления нет своего обозначения (*Ars P.* 46–59), приводя в пример Плавта, Цецилия, Катона и Энния, обогативших латинскую речь греческими заимствованиями. Защищая практику использования новых слов, Гораций отмечает, что так устроен весь мир: одно умирает, другое приходит ему на смену. Поэтому естественно, что язык задействует новые слова, отбрасывая старые, вышедшие из употребления. От последних же хорошему поэту тоже стоит

<sup>1</sup> Jackson Knight W. F. *Vergil's Latin* // *Acta Classica*. Vol. 1 (1958). Pp. 40, 41 n. 79; Дуров В. С. История римской литературы. СПб., 2000. С. 129–130.

<sup>2</sup> Lipka, Michael. *Language in Vergil's Eclogues*. *Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte*. Band 60. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2001. P. 170.

избавляться. Как считает Гораций, все слова, уже не использующиеся в обиходе, лишь уродуют текст, судьёй в этом вопросе выступает узус (*Ars P.* 70–72, *Epist.* 2, 2, 111–119). При этом Гораций понимает, что такой отбор – достаточно трудная задача (древние слова отступают «неохотно» и часто принадлежат религиозной лексике, а значит и воспринимаются как нечто священное: *verba movere loco, quamvis invita recedant*). Луцилия Гораций критикует и за многословность, и за неразборчивость в лексике, за недостаточное внимание к стилю и грубость слога (*Sat.* 1, 4, 6–13). Именно язык Луцилия, а не его язвительность Гораций считает главным недостатком сатирика. Недовольство архаическими латинскими поэтами Г. – Х. Гюнтер считает одной из причин, по которым Гораций не мог добиться успеха до своего знакомства с Мecenатом: его вкусы слишком отличались от того, что было модным в литературных кругах.<sup>1</sup> Как отмечает Ч. О. Бринк, ввиду сдержанного отношения Горация к неологизмам и архаизмам, «ни пуристы, ни архаисты, ни модернисты не могли утешиться его словами».<sup>2</sup> Так или иначе, поэты августовского времени, хотя и не отказались от архаизмов полностью, предпочитали их не использовать. Поэтому какими бы ни были вкусы читателей до того, как Гораций стал известен, новые поэты диктовали новые принципы, и устаревшей лексике в их произведениях не было места. Конечно, это не означало полного отказа от наследия древних латинских поэтов – наоборот, Гораций отмечает, что у них есть чему поучиться и что упускают поклонники неотериков (*Sat.* 1, 10, 16–19). Гораций возвращается ко многим темам, разрабатываемым архаическими поэтами, но способом отдать им должное становятся сами эти темы и стихотворные размеры, а не подражание в плане лексики.<sup>3</sup>

Р. Мараш называет Персия поэтом, говорящим во имя римской традиции и морали и желающим возродить славу Акция и Пакувия.<sup>4</sup> Тем не менее, несмотря на его очевидную увлечённость Луцилием, его трудно назвать архаизатором. Его

<sup>1</sup> Günther, Hans-Christian. *Horace's Life and Work* // Brill's Companion to Horace, ed. by Hans-Christian Günther. Leiden, Boston: Brill, 2013. P. 25.

<sup>2</sup> Brink C. O. *Horace on Poetry: The 'Ars Poetica'*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 134.

<sup>3</sup> Tarrant, Richard. *Horace and Roman literary history* // The Cambridge Companion to Horace, ed. by Stephen Harrison. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 66–68.

<sup>4</sup> Marache, René. *La critique...* P. 34.

язык действительно выделяется своей сложностью, но древние слова (которые он изредка использует, например, *aerumna*) нельзя назвать причиной, по которой идеи и образы Персия требуют особого внимания. Во многом язык Персия объясняется влиянием Горация и, соответственно, необходимостью вкладывать в свои сатиры вдохновлённые Горацием элементы, хотя при всём влиянии Горация и Луцилия Персий – стилистически, как и содержательно, очень своеобразен.<sup>1</sup>

Несмотря на общую тенденцию минимизировать количество архаичных слов в поэзии и прозе периода правления Августа, есть достаточно свидетельств о том, что использование архаизмов всё ещё было в почёте у некоторых авторов. Так, о самом Августе Светоний пишет, что тот избегал «зловония вычурных слов» (*reconditorum verborum fetoribus*) и одинаково осуждал претенциозных писателей и любителей древних словес (*cacozelos et antiquarios*), поэтому упрекал Мecenата за пустые украшения, а Тиберия за склонность к устаревшим и труднопонимаемым фразам.<sup>2</sup> В обоих этих грехах Август обвинял Марка Антония, который, по его словам, не мог выбрать, подражать ли ему почитателям древности Аннию Цимбру и Веранию Флакку или же сторонникам пышности и вычурности азианского красноречия (Suet. *Aug.* 85, 1–3). Анний Цимбер прославился как оратор, воспевающий древность, но от его речей до нас ничего не дошло. Судя по тому, как о нём отзываются Светоний и поэт *Appendix Vergiliana*, он принадлежал к сторонникам аттицизма (последний прямо называет его *tyrannus Atticae febris*; App. *Verg. Catalepton* 2). При этом свои речи Цимбер писал на греческом, используя устаревшие слова этого языка.<sup>3</sup> Ещё меньше можно сказать о Верании Флакке. Возможно, этот архаизатор занимался религиозными вопросами: в период поздней республики жил Вераний, автор трудов

<sup>1</sup> Hooley, Daniel M. *Roman Satire*. Malden, Oxford, Carlton: Blackwell Publishing, 2007. P. 89. «Туманность» языка Персия возникает не из-за неясности самих слов, а из того, как Персий ими пользуется: Ferriss-Hill, Jennifer L. *Roman Satire and the Old Comic Tradition*. New York: Cambridge University Press, 2015. P. 83, n. 144, p. 235; Позднев М. М. *Ipse semiraganus*. К интерпретации «Холиямбов» Персия // *Hyperboreus* 3, 1 (1997). С. 100, 116.

<sup>2</sup> Тиберий описывается не только как любитель архаизмов, но и как человек, увлекающийся мифологическими тонкостями из сочинений древних, обладатель тёмного и запутанного стиля (Suet. *Tib.* 70, 1–3, Tac. *Ann.* 1, 11, 4), см. Klooster, Jacqueline. *Tiberius and Hellenistic Poetry* // *Aitia*, 7, 1 (2017). P. 41.

<sup>3</sup> Frank, Tenney. *Tau Gallicum, Vergil, Catalepton II 4* // *The American Journal of Philology*, Vol. 56, № 3 (1935). P. 254, O'Sullivan, Neil. «Rhetorical» vs «linguistic» Atticism: a false dichotomy? // *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric*, Vol. 33, № 2 (Spring 2015). Pp. 143–146.

«Auspicioꝝ libri» и «Pontificales libri», на которого ссылаются Фест и Макробий.<sup>1</sup> Вероятно, именно его Август высмеивал за пристрастие к устаревшим словам.

Сенека Старший хвалебно отзывается о Мамерке Эмилии Скавре (самом красноречивом ораторе того времени по мнению Тацита, *Ann.* 3, 31, 6), который мог удивительным образом сочетать в себе небрежность в поведении и возвышенность в речах, в которых прибегал к архаизмам (*genus dicendi antiquum, verborum quoque non vulgarium gravitas... mire ad auctoritatem oratoriam aptatus*; *Sen. Contr.* 10 praef. 2). Относительно Гая Вибия Руфа Сенека также отмечает, что тот любил в своих речах архаизировать (*Contr.* 9, 2, 25).

По-видимому, значительное влияние на писателей своего времени оказал Марк Валерий Проб, филолог и антиквар I в. н. э. из Бейрута. Как отмечает Р. Мараш, он не просто выписывал необычные слова, но стремился их систематизировать.<sup>2</sup> Светоний отзывается о Пробе как о весьма неплодовитом писателе (*De Gramm.* 24): область его интересов была узка (исправление и комментирование рукописей), а количество последователей – небольшим. Вместе с тем, он высоко ценит свод наблюдений Проба над речью предшественников (возможно, это произведение использовалось некоторыми архаизаторами для поиска подходящих слов). У Геллия Проб был в бóльшем почёте: он называет этого грамматика известным (*inlustris*) (*Gell.* 1, 15, 18) человеком выдающегося ума (4, 7, 1), имеющим своих учеников (9, 9, 12). По словам Геллия, оратор Фаворин называл Проба не иначе как *noster* (3, 1, 6). О том, что Проб был более влиятельным, чем его описывает Светоний, может говорить и количество грамматических трудов, которые ошибочно ему приписывались, например, *Appendix Probi* (III–IV вв. н. э.), и то, как часто его цитировали Геллий, Донат и Сервий.

<sup>1</sup> Honigmann E. *Veranius 1* // RE II, 15 Hb. 1955, Sp. 937. Рональд Сайм высказывает предположение, что антикваром, о котором пишет Светоний, был не Вераний Флакк, а Граний Флакк, см. Syme, Ronald. *Names and Identities in Quintilian* // *Acta Classica*, Vol. 28 (1985). P. 42.

<sup>2</sup> Marache, René. *La critique...* P. 62.

Интересны и взгляды Сенеки-младшего на данную проблему, так как он оказывал огромное влияние на молодых авторов своего времени. Как представитель «модернизма», поклонник ярких и лаконичных фраз, особенно популярных при декламациях, Сенека не мог симпатизировать сложным, туманным оборотам, которые обычно использовались любителями архаической поэзии и прозы. Он не одобряет, когда писатель увлекается красотой какого-то отдельного слова и подчиняет этому слову содержание целого пассажа (*Ep.* 59, 5; 108, 35; 114, 13)<sup>1</sup> – то, в чём действительно можно упрекнуть некоторых авторов, придающих слишком большое значение подбору лексики. Древних ораторов в принципе представляли как людей, способных произносить речи огромной длины, в которых любой аспект разбирался в мельчайших подробностях, а ко всякой теме было принято подходить издалека (*Tac. Dial. Orat.* 19). Такой стиль повествования полностью противоречил вкусам Сенеки. Естественно, его модернизм был уязвим для критики и со стороны приверженцев классического стиля, и со стороны архаизаторов: Геллий отмечает, что некоторые считают его речь обыденной, образованность – плебейской, а незнание мудрости древних – удручающим (*Gell.* 12, 2, 1).<sup>2</sup>

О том, кого именно превозносят любители древних, вкратце сказал Тацит: «это те, кто предпочитает читать не Горация, а Луцилия, не Вергилия, а Лукреция, кому столь блестящие писатели, как Авфиций Басс или Сервилий Нониан, по сравнению с Сизенною или Варроном кажутся жалкими пачкунами, кто с презрением отвергает сборники наших риториков и в восторге от речей Кальва» (*Tac. Dial. Orat.* 23).<sup>3</sup> В этой краткой характеристике Тацита отсутствуют крайне важные имена. Конечно, Луцилий, Лукреций, Сизенна и Варрон почитались как

<sup>1</sup> При этом сам Сенека не избегает слов, очевидно имеющих архаический оттенок, если понимание их значения не представляет трудностей: Goldberg, Sander M. *Greek and Roman Elements in Senecan Tragedy* // *Brill's Companion to Seneca, philosopher and dramatist*, ed. by Gregor Damschen, Andreas Heil ; with the assistance of Mario Waida. Leiden, Boston: Brill, 2014. P. 650, n. 30, Albrecht, Michael von. *Seneca's Language and Style* // *Brill's Companion to Seneca, philosopher and dramatist*, ed. by Gregor Damschen, Andreas Heil ; with the assistance of Mario Waida. Leiden, Boston: Brill, 2014. P. 702, n. 16.

<sup>2</sup> *De Annaeo Seneca partim existimant ut de scriptore minime utili, cuius libros adtingere nullum pretium operae sit, quod oratio eius vulgaria videatur et protrita, res atque sententiae aut inepto inanique impetu sint aut levi et caudicali argutia, eruditio autem vernacula et plebeia nihilque ex veterum scriptis habens neque gratiae neque dignitatis.*

<sup>3</sup> В переводе А. С. Бобовича.



писатели, чей слог обладал величием древности, но в своём творчестве они уже оглядывались на произведения более древних авторов: Лукреций в стилистическом плане многое заимствовал у Энния, Сизенна, предположительно, любил архаические речи, за что порицался современниками, а Варрон был знатоком древности, и в область его научных интересов входили комедии Плавта и встречающиеся в них редкие слова. Всё-таки главной фигурой для архаизаторов разных временных периодов был Энний, чей авторитет настолько священен, что и Апри, герой диалога Тацита, не рискует назвать его в своей обличительной речи. Отсутствует в ней и Катон, не менее важный для любителей древности автор. Апри и у них мог бы обнаружить те же недостатки, какие перечислял у ораторов древности: затянутость, шаблонность, грубость определённых слов, недостаточное внимание к композиции. Однако и Катон, и Энний действительно принадлежат иному времени. О них Апри уже не может сказать, будто они отстоят от его современников всего на одну человеческую жизнь (так он показывает, что Цицерон жил в совсем недалёкие времена, *Dial. Orat.* 17). Но не только сама древность ставит Катона и Энния на пьедестал поклонников архаики: оба автора отличались большим талантом и новаторством, именно их творчество внесло огромный вклад в развитие римских поэзии и прозы.

Возвращение к истокам, к тому, из чего произошли многие жемчужины латинской словесности, ко времени, когда не только стали создаваться достойные литературные произведения на латинском языке, но и Рим превратился в сильнейшую мировую державу, ностальгия по тому величию стали главным принципом для архаизаторов II в. н. э. Обращение к старине обеспечивало яркий контраст по сравнению с современной ситуацией, когда такие важные события, как завоевание Греции, падение Карфагена, республиканская форма правления уже стали страницами истории, а в культурном плане греческая словесность стала опережать латинскую. И «золотой век», и «серебряный век» римской литературы остались в прошлом, на первый план вышло греческое ораторское искусство. Назрела необходимость вдохнуть нечто новое в латинскую литературу, и этим

новым стали архаизаторские тенденции, надолго воспринятые талантливыми авторами Римской империи и в самом Риме, и в далёких провинциях.

Приверженцем новых веяний в литературе стал знаменитый наставник Марка Аврелия, Марк Корнелий Фронтон. Как и Апулей, Фронтон родился в Африке (в столице Нумидии Цирте) и, получив в Риме достойное образование, стал знаменитым и влиятельным оратором. Несмотря на многочисленные восторженные отзывы о его красноречии, оставленные различными авторами от панегириста III в. н. э. Эвмения до поэта V в. н. э. Сидония Аполлинария, от Фронтонна целиком не дошло ни одной речи. Тем не менее, в 1815 году филолог Анджело Май обнаружил палимпсесты, содержащие переписку Фронтонна с его учениками и друзьями. Переписка имеет частный характер и, хотя она ценна для понимания того, как Фронтон смотрел на обучение ораторскому искусству, она не может служить примером его речей, предназначенных для широкой публики. Из писем мы также узнаём детали биографии великого оратора, в частности, нам известно о его тесном знакомстве с литературными кругами греческой части Римской империи: своими учителями он называет философа Атенодота и ритора Дионисия (именно связь философии с ораторским искусством отличает Вторую софистику, хотя сам Фронтон любителем философии не был). Ч. Р. Хейнс также не подвергает сомнению то, что обучался Фронтон в Александрии.<sup>1</sup> Естественно, Фронтон был сведущ и в греческой, и в латинской литературе, знал различные приёмы ораторского искусства и все тонкости латинского языка. Отсюда иногда действительно возникает впечатление, что Фронтон – педант, строго предписывающий своим ученикам, какими словами им следует пользоваться, а каких стоит избегать. Однако его письма демонстрируют искренний интерес и любовь к родному языку, а желание наполнить речи новыми, непривычными словами из сочинений древних авторов показывает его стремление обогатить современную ему литературу, стать в определённом смысле новатором и развить иной путь оформления своего литературного дарования, нежели тот,

---

<sup>1</sup> The Correspondence of Marcus Cornelius Fronto / Ed. by C. R. Haines. Vol. I. London, New York: W. Heinemann, 1919. P. xxiii.

который выбрал, к примеру, Сенека-младший. Любые устоявшиеся литературные традиции ставят рамки, в которых те или иные писатели уже не могут полностью раскрыть свой талант. Развитию этого нового пути в латинской литературе поспособствовали и вкусы императора Адриана, восхищавшегося не только греческой культурой, но и римскими авторами архаического периода – Эннием и Катоном.

Несмотря на недостаточность свидетельств, мы можем утверждать, что Фронтон не переполнял свои речи непривычными словами, слепо выискивая их у древних авторов, но искал только такие, какие были более подходящими и лучше передавали смысл, чем слова современного ему языка. Кроме того, Фронтон внимательно относился к семантическим отличиям синонимов, что также показывает, насколько трепетно он рассматривал каждое слово и то, какой эффект оно должно произвести в тексте. При этом не так важно, является ли оно архаизмом или словом поэтического языка. Необходимыми условиями были лишь прозрачность его значения и уместность использования. Таким критериям прекрасно соответствовали слова, почерпнутые из произведений Плавта,<sup>1</sup> Теренция, Энния и Катона, ведь они были знакомы всем образованным гражданам и в определённом контексте смотрелись бы лучше своих синонимов (сейчас мало кто может в обычном разговоре назвать арестованного человека *арестантом*, однако понимание смысла этого слова ни у кого не вызовет трудностей).<sup>2</sup> Вряд ли Фронтон стремился намеренно исказить привычный литературный язык, сделать его искусственным, добавив умышленные и неожиданные архаизмы. Более вероятно, что он хотел точнее выражать свои мысли, отдав при этом должное великим писателям прошлого, хотя за использованием архаизмов совершенно не обязательно нужно подразумевать поклонение авторам, их использовавшим: сама древность слова уже придаёт ему особый шарм.

---

<sup>1</sup> Согласно исследованию, проведённому Р. Марашем, именно у Плавта Фронтон заимствовал большинство архаизмов: Marache, René. La critique... P. 157.

<sup>2</sup> Слово помечается как устаревшее, см. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : «Норинт», 2000. С. 46.

Несмотря на то что Фронтон в каком-то смысле является антагонистом Цицерона, нельзя сказать, что он недооценивает последнего. Фронтон признаёт талант и авторитет арпинского оратора, сетуя лишь на то, что он мало внимания уделял поиску подходящих слов (*ad M. Caesarem* 4, 3 = 1, 1 Haines). В этом отношении Фронтому больше нравилась та манера Цицерона, в которой он писал письма, а не речи: *epistulis Ciceronis nihil est perfectius* (*ad Anton. Imp.* 3, 8 = 2, 156 Haines). Фронтон отмечает, что с той степенью усердия в выборе лексики, какой он требует, работали лишь немногие писатели древности: Катон, Саллюстий, Плавт, Энний, Луций Целий, Невий, Лукреций, Акции, Цецилий и Лаберий (*ad M. Caesarem* 4, 3, 2 = 1, 1 Haines). Отдельно он ставит тех, кто продемонстрировал особое внимание к подбору слов определённого пласта языка, например, Сизенна выделяется в эротическом повествовании, а Помпоний и Новий – в деревенских выражениях, шутках и островах. Цицерон же, по мнению Фронтона, хотя умело пользовался различной лексикой, слишком редко использовал такие слова, которые были бы «неожиданны» (*insperata atque inopinata*).

Фронтон в своих речах продемонстрировал, что успешный оратор может отойти от традиций цицероновского красноречия и обогатить свой лексикон архаическими словами, нужными не для слепого подражания Эннию и Катону и не для насмешки над их устаревшими выражениями. Фронтон показал, что в поиске нужного слова автор свободен раздвинуть границы и обратиться к старым сочинениям, если именно архаизм имеет то значение, которое требуется автору. Такое отношение к языку перенял и Апулей, но он пошёл дальше и, не имея возможности найти подходящее слово ни в современном ему языке, ни в трудах древних авторов, свободно сочинял неологизмы, смело ставил рядом слова разной стилистической окраски и не боялся показаться напыщенным из-за обилия необычных слов. Для Фронтона такая практика была бы неприемлемой: с его точки зрения, вульгаризмам и неологизмам не место в речи оратора (*ad Anton. de orat.* 12 = 2, 100 Haines). Однако именно Фронтон дал толчок этой свободе использования разнообразной лексики: “*sit sane audax orator*” (*ad M. Caesarem* 4, 3, 7 = 1, 1 Haines).

Таким же почитателем древних авторов, как и Фронто́н, был Авл Геллий, современник Апулея и автор сборника *Noctes Atticae*. Эрик Гундерсон рассматривает «Аттические ночи» как автобиографию Авла Геллия, но не ту, в которой можно найти обыкновенные для такого жанра сведения. Геллий рассказывает не о том, где он родился и получил образование, а о том, что он читает, что его интересует, каких людей он слушает.<sup>1</sup> Именно благодаря его труду до нас дошли фрагменты таких архаических авторов, как Цецилий Стаций, Квадрий Квадригарий, Катон. Конечно, если Фронто́н в своих дидактических письмах пишет о том, как развить в себе ораторский навык и какими произведениями воспитывать в себе хороший вкус, то Геллий, желая дать общее образование своим детям, освещает более широкий круг вопросов: культура, религия, право. Однако тема латинского языка и литературных произведений на этом языке занимает в его книге центральное место. Чаще всего Геллий цитирует Катона, Варрона и Цицерона, хотя в своём сборнике он приводит строки более чем 250 авторов.

Его мало интересуют современники: несмотря на то, что он даёт, к примеру, описания случаев из жизни своего учителя философа Фаворина, они часто касаются вопросов древности и языка. Например, он передаёт взгляды Фаворина на стиль Платона и Лисия, его речи о названиях ветров и цветов на греческом и латинском языках, мысли по поводу значения различных слов и уместности их употребления. Многие такие пассажи касаются архаических слов. К примеру, Геллий цитирует Фаворина, упрекающего некоего молодого человека в том, что тот использует редкие устаревшие слова в обыденной речи. Приводя эту историю, Геллий соглашается со своим учителем, что в вопросах морали нужно следовать авторитету древних, слова же стоит использовать лишь такие, которые будут ясны и понятны современнику (1, 10, 1–4). Р. Мараш на основании данного отрывка считает, что Геллий не одобрял тех, кто использует архаическую лексику,

---

<sup>1</sup> Gunderson, Eric. *Nox Philologiae. Aulus Gellius and the Fantasy of the Roman Library*. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2009. Pp. 13–14.

стараясь выделиться:<sup>1</sup> слово не может быть средством для демонстрации знаний, к выбору лексики нужно подходить разумно, чётко понимая значение используемого слова. Отсюда трепетное отношение Геллия к архаизмам, его стремление отметить редкие слова и разобраться во всех тонкостях значений. Он даже отмечает, как само звучание может придавать слову определённую стилистическую окраску: по его мнению, *perangusto freto* на месте *fretu* у Цицерона звучало бы более грубо и архаично (“*vetustius*”; 13, 21, 15). Критикуя использование новых и непонятных слов, Геллий также замечает, что и архаизмы могут расцениваться как новые, если никто уже не помнит их значения, и таких слов стоит избегать (11, 7, 1–2).

Таким образом, все три главных архаизатора II в. н. э. по-разному рассматривали архаическую лексику: Фронтон видел в архаизмах бесценный запас слов, которые могли не только обозначить желаемый предмет или явление более точно и ёмко, чем синонимы, но и придать повествованию определённый шарм за счёт эффекта новизны; для Геллия архаизмы – это и достояние прошлого, и изысканное украшение речей; Апулей же применил эти теории о значении архаических слов на практике и создал роман, чья языковая форма не менее интересна, чем содержание. Естественно, мы не можем утверждать, что именно творчество Фронтона и Геллия вдохновило Апулея на его лингвистические эксперименты.<sup>2</sup> Тем не менее, мы можем явно наблюдать, что в литературных кругах во II в. н. э. существовал спрос на литературу архаических писателей и, главным образом, на отдельные древние слова, и значение, и звучание которых могло тем или иным образом впечатлить публику.

Архаизирующие тенденции сохранялись в латинской литературе ещё долгое время. Об этом, к примеру, свидетельствует труд *De compendiosa doctrina* грамматика Нония Марцелла (III–IV вв. н. э., точные даты жизни неизвестны). Он представляет собой сборник словарных статей, адресованных сыну. Его главная

<sup>1</sup> Marache, René. *La critique...* P. 218.

<sup>2</sup> Р. Мараш касается этой теории в связи со сходством двух пассажей Апулея (*Apol.* 9, 8) и Геллия (19, 9, 10), где оба автора в одном и том же порядке называют латинских поэтов, писавших эротические стихи: Валерий Эдитуй, Порций Лицин и Квинт Катул. Однако он признаёт, что данная теория не получила широкой поддержки по хронологическим причинам, см. Marache, René. *La critique...* Pp. 330–331.

ценность состоит в большом числе цитат, приводимых из древних авторов, таких как Варрон, Луцилий, Вергилий и Цицерон. Тот факт, что подобные сборники существовали, указывает на то, что какие-то писатели могли обращаться к ним в поисках удачных заимствований из произведений архаических авторов. Возможно, такими справочниками или тетрадами с выписанными цитатами владели оратор Симмах (IV в.), поэт Пруденций (IV–V вв.), богослов Арнобий (IV в.) – писателей, симпатизирующих архаизмам, было достаточно. Можно упомянуть и такого автора, как Сидоний Аполлинарий (V в.), прославившийся стилистическим разнообразием своей переписки.<sup>1</sup> Тем не менее, под архаистами обычно понимают именно Фронтон, Геллия и Апулея: в их творчестве яснее всего проявились любовь к древним образцам латинской литературы и желание обогатить свою речь заимствованиями из них. Если Фронтон и Геллий прямо пишут об этом, то Апулей как нельзя лучше демонстрирует свои взгляды на архаизмы в романе «Метаморфозы». За редкими и архаическими словами Апулея стоит не только маньеризм и желание поразить читателя своей учёностью, но и филологическая работа: чтобы отыскать нужное слово, необходимо ознакомиться с лексикой различных временных периодов, внимательно прочесть тексты, которые и придают определённым словам особые коннотации. Невозможно оценить характер лексемы, рассматривая её отдельно от источников, от авторов и того времени, в котором они творили. Именно поэтому так ценны изыскания Фронтон, Геллия и Апулея: их сочинения – это результат кропотливой работы над внушительным количеством текстов, из которых они извлекли самое интересное, самое актуальное для своего времени.

## 2. Различение архаизмов и вульгаризмов

Перед теми, кто изучает произведения, написанные на древнегреческом и латинском языках, стоит проблема отсутствия живого носителя. Невозможно

---

<sup>1</sup> Л. Палмер называет Сидония типичным примером полного разложения литературного вкуса, Palmer L. R. The Latin Language... P. 147.

обратиться к кому-то за разъяснением, почему автор в данном контексте выбрал то или иное слово, как должны понимать его читатели, пользуются ли они им в повседневности. Поэтому особенно сложно сделать какие-либо выводы, касающиеся стилистической окраски слов. Очень многие слова несут в себе не только буквальное значение и свою звуковую оболочку, но и определённые стилистические характеристики, закрепившиеся за ними. Не имея возможности узнать, в каких условиях формировались эти характеристики, современный читатель вынужден искать способы для определения, как воспринималось конкретное слово носителями данного языка:

1) Наиболее простой вариант определить стилистическую окраску искомого слова – это найти прямое свидетельство античного автора. Например, необходимую оценку тому или иному слову иногда дают Цицерон и Квинтилиан. К сожалению, такой материал чрезвычайно ограничен и может отображать лишь ситуацию, актуальную для того временного периода, в который жил автор.

2) Более трудоёмкий способ – проследить, в произведениях какого жанра и временного периода встречается данное слово, и на основании собранного материала предположить его стилистическую окраску. Такой способ во многих отношениях ненадёжен: хотя в большинстве случаев слова, например, поэтического языка будут встречаться в произведениях высоких жанров и отсутствовать в комедии, сатире и бытовой переписке, изредка они могут употребляться и в текстах низких жанров для создания комического эффекта. Кроме того, многие античные тексты не сохранились до нашего времени, поэтому суждения исследователя касательно стилистической окраски слова в этом случае всегда определяются доступностью выборки.

В некоторых случаях оба метода дают одинаковый результат (например, об архаизме *custodela* Фест пишет, что его употребляли древние, и это подтверждается известными нам текстами), но такие случаи очень редки. Намного чаще приходится полагаться лишь на второй метод, который, к сожалению, зачастую не может помочь различить архаизмы и вульгаризмы в латинском языке. Во-первых, множество слов, которыми пользуется, в частности,



Апулей, встречаются в античной комедии. Как известно, этот жанр пользуется словами общеупотребительной и просторечной лексики,<sup>1</sup> поэтому многие такие заимствования можно рассматривать как вульгаризмы. Тем не менее, Апулея и Плавта разделяют более двух веков, и то, что считалось просторечием среди зрителей Плавта, могло поменять свою стилистическую окраску. Поэтому искомое слово может оказаться архаизмом (если в классический период оно изредка встречается в текстах, допускающих архаизмы, или не засвидетельствовано вовсе), вульгаризмом (если оно встречается в классический период в низких жанрах), словом общеупотребительной лексики (если на основании доступных свидетельств нельзя сделать вывод, что слово имеет какую-то стилистическую окраску). Нельзя также исключать возможность, что слово может являться прямым заимствованием из текста древнего автора, и тогда оно воспринималось читателями Апулея именно как заимствование из произведения определённого автора, а не как архаизм или вульгаризм.

Во-вторых, невозможно выделить достаточно строгие критерии для отнесения слова в ту или иную группу: как уже было отмечено, факт того, что слово было засвидетельствовано в античной комедии, не является достаточным аргументом для определения слова как архаизма или вульгаризма. Естественно, это касается не только жанра комедии. Логично считать, что слова, которые использовали авторы доклассического периода и которых избегали авторы классического, нужно считать архаизмами. Однако хронологических рамок для такого определения недостаточно, необходимо принимать в расчёт архаизирующие тенденции, касающиеся определённых жанров и конкретных авторов. Так, архаизмы типичны в контексте юридических и религиозных документов, в надписях подобного характера они встречаются и в классический период.<sup>2</sup> Как пишет Л. Палмер, именно в сфере закона и религии происходит чёткое разделение между литературными выражениями и повседневной речью.<sup>3</sup>

---

<sup>1</sup> Cf. Cic. *Or.* 20, 67: *apud quos (comicos poetas), nisi quod versiculi sunt, nihil ist aliud cotidiani dissimile sermonis.*

<sup>2</sup> Примеры архаизирования в достаточном количестве можно увидеть в книге Ernout, Alfred. *Recueil de textes latins archaïques.* Paris: Librairie C. Klincksieck, 1916. P. 13, 16, 18, 21, 25, 36 etc.

<sup>3</sup> Palmer L. R. *The Latin Language...* Pp. 118–119.

Древние законы и религиозные гимны были написаны тёмным, многим уже не понятным языком, что добавляло таким текстам торжественности. Поэтому и впоследствии авторы могли пользоваться архаизмами, если речь шла о столь важной вещи, как закон – человеческий или божественный. Устаревшие слова также фигурируют в юридических и религиозных формулах. Кроме того, хотя архаизмы и избегались писателями в классический период, это не значит, что они не употребляли их вовсе. К примеру, словом *exanclare* ‘претерпевать’ (об архаичности которого пишет Квинтилиан, *Inst.* 1, 6, 40) пользуется Цицерон в переводе пассажей из «Илиады» Гомера (*Div.* 2, 64 = *carm. frg.* 22, 27 M.) и из «Трахинянок» Софокла (*Tusc.* 2, 20). В этих случаях Цицерон мог использовать его как поэтизм, однако и в прозе этот оратор прибегал к архаизмам. Особенно выделяется его трактат «О государстве», где засвидетельствованы устаревшие *nuncipare, erus*, форма пассивного инфинитива *nectier*, герундивы на *-undus*.<sup>1</sup>

Архаизмы не были чужды и поэтическим жанрам.<sup>2</sup> Для поэтического языка характерны и устаревшие слова, и архаические формы (многие из которых, возможно, и были заимствованы из языка религии и закона). Такие слова зачастую являются более звучными и интересными с фонетической точки зрения, что делает их привлекательными для поэтов. Кроме того, язык поэзии достаточно консервативен и подвержен влиянию авторитетов, и устаревшие формы могут сохраняться из почтения к известным поэтам прошлого. Конечно, любые традиции рано или поздно ставятся под сомнение, и неоторики, ориентируясь на близкую им по духу александрийскую поэзию, также стремились освободить свои стихи от архаической лексики и стать ближе к живой, настоящей речи. Тем не менее, даже Катулл пользуется как морфологическими, так и лексическими архаизмами (к примеру, *oppido, autumare, postilla*).<sup>3</sup> Гораций, тоже не одобрявший использование архаизмов, не отказался от глагола *indecorare*, до него

<sup>1</sup> Cicero. *De re publica. Selections* / Ed. James E. G. Zetzel. Cambridge: Cambridge University Press, 1998 (repr. 1995). Pp. 30–31.

<sup>2</sup> Э. Каракасис в особенности выделяет эпос, дидактические стихи и трагедию: Karakasis, Evangelos. *Terence and the Language of Roman Comedy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 46.

<sup>3</sup> Palmer L. R. *The Latin Language...* P. 110; Stolz, Friedrich, Schmalz, J. H. *Lateinische Grammatik. Laut- und Formenlehre. Syntax und Stilistik*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1900. S. 476.

засвидетельствованного лишь в одном из фрагментов Акция. Вместе с тем, архаическая лексика – не просто дань традиции для поэтов, она должна придавать стиху некоторую величественность. Так, Ж. Марузо отметил, как архаизмы характеризуют речь богов в творчестве Вергилия,<sup>1</sup> а Э. Каракасис показал, что в комедии архаизмы могут маркировать речь пожилых персонажей.<sup>2</sup>

В конце концов, устаревшие слова пользуются симпатией у писателей-архаизаторов, среди которых выделяются, главным образом, историки Саллюстий и в меньшей степени Тацит и Ливий, поэт Лукреций, а также Фронто, Геллий и Апулей. Также следует помнить и о субъективности такого понятия, как «архаизм»: то, что считалось устаревшим во время жизни Цицерона, могло не рассматриваться как таковое читателями Энния, а те разговорные слова, которые Плавт использовал в своих комедиях, Апулей уже мог воспринимать как архаичные. Могли происходить и более сложные процессы, при которых какое-либо слово из разряда устаревшей лексики могло перейти в общеупотребительную, и такие лексемы особенно тяжело охарактеризовать. Например, прилагательное *iugis* ‘постоянный, непрерывный’ М. ван ден Хаут, комментируя письма Фронтонна, помечает как архаизм:<sup>3</sup> оно засвидетельствовано у Плавта (один раз) и у архаизирующих писателей (Саллюстий, Фронто, Апулей, Геллий), в классический период остаётся достаточно редким. Тем не менее, во II в. н. э. и позднее слово явно переживает расцвет и в большом количестве обнаруживается как в христианской поэзии, так и в прозе.<sup>4</sup>

Таким образом, и временной период, и жанровая принадлежность, и редкость или, наоборот, популярность слова в латинской литературе не всегда

<sup>1</sup> Marouzeau J. *Traité de Stylistique Latine*. Paris: Société d'édition "Les Belles Lettres", 1946. P. 180. См. также Harrison, Stephen J. *Sermones deorum: divine discourse in Vergil's Aeneid // Colloquial and Literary Latin*, ed. by Eleanor Dickey, Anna Chahoud. New York, 2010. Pp. 273–278.

<sup>2</sup> Karakasis, Evangelos. *Terence...* Pp. 60–61.

<sup>3</sup> Hout, Michel Petrus Josephus van den. *A Commentary on the Letters of M. Cornelius Fronto // Mnemosyne: Bibliotheca classica Batava. – Supplementum*, 190. – Leiden: Brill, 1999. P. 11.

<sup>4</sup> В русском языке как архаизмы обычно воспринимаются церковнославянизмы. И в настоящее время в достаточно широком употреблении можно слышать слова с архаическим оттенком, даже если сейчас они используются в несколько ином значении: «возлежать», «изрыгать», «веление». Устаревшие слова зачастую употребляются в художественных текстах, в особенности у поэтов (например, у О. Мандельштама, М. Цветаевой, В. Иванова). Примеры из английского языка приводит Л. Пёрсер: *The Story of Cupid and Psyche as related by Apuleius / Ed. Louis C. Purser...* P. XCIV (note 2). Несколько латинских примеров даёт Квинтилиан (*Inst.* 8, 3, 34).

могут дать точный ответ на вопрос, является ли слово архаизмом или нет. При рассмотрении отдельных лексем можно увидеть, что признаки, указывающие на архаическую окраску, и признаки, указывающие на то, что слово является просторечным, могут сосуществовать. Например, Геллий (17, 2, 25) упоминает «малоизвестное» (*ignobilis*) слово *arboretum* ‘роща’, приводя цитату из текста Клавдия Квадригария. С одной стороны, данное слово больше нигде не засвидетельствовано, кроме этих двух авторов, на основании чего исследователь предположит, что читатели Геллия увидели в нём архаизм. С другой стороны, именно это «малоизвестное» слово вошло в романские языки (ит. *arboreto*, исп. *arboledo*), а значит, оно продолжало жить в народной речи и использовалось обычными людьми в повседневных разговорах. Показателен также пассаж Геллия о слове *praeterpropter* (19, 10), которое употребляет один из друзей Фронтон. Он поясняет, что слышал это слово от многих людей, но его значение лучше объяснит грамматик. Грамматик, «смущённый туманностью самого обыкновенного и общепринятого слова» (*usitati pervulgatique verbi*), отказывается рассматривать это просторечие. Фронтон же замечает, что это самое слово, показавшееся грамматiku недостойным обсуждения, использовали Варрон, Катон и Энний в своей трагедии «Ифигения».

Отнесение того или иного слова в категорию архаизмов или вульгаризмов зачастую определяется субъективными взглядами исследователя. Так, Пьер Медан считает, что плавтовская лексика употребляется Апулеем для демонстрации разговорной речи, и не считает её архаичной,<sup>1</sup> а Макс Бернхард относит к вульгаризмам существительное *sessibulum* (Plaut. *Poen.* 268, Apul. *Met.* 1, 23),<sup>2</sup> с чем спорит Луи Каллеба, ссылаясь на редкость этого слова в дошедших латинских памятниках и отсутствие его в романских языках.<sup>3</sup>

Естественно, настоящий разговорный язык не представлен в доступных нам письменных источниках. Представление о живой речи римлян могут дать

<sup>1</sup> Médan, Pierre. La Latinité... P. 170.

<sup>2</sup> Bernhard, Max. Der Stil... S. 132.

<sup>3</sup> Callebat L. Sermo... P. 482.

современные романские языки, эпитафические памятники, сочинения грамматиков, глоссы и схолии. Примеры *sermo vulgaris* обнаруживают во множестве литературных произведений, чья жанровая принадлежность обуславливает использование разговорного языка, и в трудах авторов, не получивших специального литературного образования. И в том, и в другом случае разговорная речь передана ровно в той степени, в которой её хотел продемонстрировать автор, и уже это представляет трудность. Когда Цицерон пишет, что пользуется в своих письмах *sermo plebeius* (*Ep.* 9, 21, 1), он не имеет в виду речь простых горожан, ремесленников и вольноотпущенников. На язык образованных римлян неизбежно влияла прочитанная ими литература.

Хотя многие ораторы считали, что речи, обращённые к народу, должны быть ближе к языку повседневности, это должен был быть язык образованной верхушки, а не народных масс. Последнего стоило избегать так же, как стоило избегать и устаревших слов. Эти две крайности – архаизмы и вульгаризмы – Л. Палмер называет Сциллой и Харибдой, между которыми классические авторы должны были проплывать, сочиняя свои произведения.<sup>1</sup> Р. Мараш считает, что классический язык, несмотря на свои очевидные преимущества, также наложил строгие ограничения, определив одни обороты как общеупотребительные и естественные и заклеив другие как грамматически неправильные и непозволительные. С этой точки зрения язык архаической латинской литературы должен представляться менее скованным, допускающим больше творческой свободы.<sup>2</sup> Возможно, это и есть одна из причин, почему архаизмы и вульгаризмы так тяжело разграничить: и то, и другое – это отступление от норм классической латыни в поисках придания оригинальности своей речи. В таком случае Лаберий, к примеру, который, скорее всего, писал языком, близким к разговорному, оказывается в числе архаичных писателей. Время, в которое он творил, не

---

<sup>1</sup> Palmer L. R. *The Latin Language...* Pp. 127–128.

<sup>2</sup> Marache, René. *La critique...* P. 153. Интересно, что именно на основе архаического и народного языка создавался литературный язык: “hence a literary language... will be a blend of the colloquial and the archaic”, Palmer L. R. *The Latin Language...* Pp. 118–119.

является столь важным: дело в его манере, не скованной ограничениями классического языка.

Вульгаризмы и архаизмы соседствуют во многих монографиях, посвящённых лексике того или иного латинского писателя, именно в силу трудности их разграничения. Формальных признаков, таких как жанровая принадлежность или определённые суффиксы, типичные для архаической или народной латыни, зачастую оказывается недостаточно, поэтому для определения стилистической окраски слова требуется изучение контекста – подход, к которому призывает Л. Каллеба.<sup>1</sup> Во многих случаях такой подход действительно оправдан. К примеру, форма именительного падежа имени *Iovis* засвидетельствована как у архаических авторов (Энний, Акций), так и у Петрония, который мог писать и в разговорном стиле.<sup>2</sup> Апулей использует данную форму в речи оракула (*Met.* 4, 33, 2), где уместнее возвышенные слова религиозного языка, чем вульгаризмы, поэтому в романе Апулея *Iovis*, скорее всего, действительно представляет собой архаизм. Выражение *inibi esse* может восприниматься как разговорное (оно засвидетельствовано в комедийных фрагментах Цецилия, Афрания и Помпония), однако контекст пассажа Цицерона (*Phil.* 14, 5) предполагает скорее архаическое звучание.<sup>3</sup>

Некоторые исследователи отмечают, что разговорный язык более лоялен к тем словам, которые уже не допускались литературной нормой, и простонародный язык, несмотря на своё постоянное развитие и обогащение новыми элементами, достаточно консервативен и склонен сохранять устаревшие формы.<sup>4</sup> Такое предположение может объяснять данную ситуацию, при которой путаница между архаизмами и вульгаризмами не только представляет проблему для современных исследователей, но также, по всей видимости, существовала и в

<sup>1</sup> Callebat, Louis. L'Archaïsme dans les Métamorphoses d'Apulée // Revue des Études Latines, 42e année. Paris: Société d'édition "Les Belles Lettres", 1965. P. 347.

<sup>2</sup> Boyce, Bret. The Language of the Freedmen in Petronius' *Cena Trimalchionis*. Leiden: Brill, 1991. Pp. 50–51.

<sup>3</sup> Halla-aho, Hilla, Kruschwitz, Peter. Colloquial and literary language in early Roman tragedy // *Colloquial and Literary Latin*, ed. by Eleanor Dickey, Anna Chahoud. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 144.

<sup>4</sup> К примеру, об этом пишет П. Монсо (Monceaux, Paul. *Les Africains. Étude sur la littérature latine d'Afrique. Les Païens*. Paris: Lecène, Oudin et Cie, 1894. P. 105), хотя он считал, что все основные составляющие африканского диалекта (такие как лексика, синтаксис и даже литературные предпочтения) архаичны по своей природе из-за того, что язык в провинции развивался не так быстро, как в Риме.

античности. Ж. Марузо приводит цитаты нескольких филологов, либо анализировавших лексику отдельного автора, либо размышлявших о стилистике латинского языка вообще, и пришедших к выводу, что зачастую отличить одно от другого не представляется возможным.<sup>1</sup> Однако в античности разделение на архаичные и просторечные слова, очевидно, было: если первые считаются украшением речи, в особенности поэтического языка, то вторые не допускаются литературной нормой не по причине своей туманности, а по причине неблагозвучия и своей обыденности. Неуместность слов разговорного языка в литературной речи подчёркивается эпитетами, которыми античные авторы характеризуют вульгаризмы (Quint. *Inst.* 10, 1, 8: *humilis et vulgaris*; Gell. 11, 7, 1: *involgata et sordentia*; Sen. *Contr.* 4, 9: *sordida, ex cotidiano uso repetita*).

Ж. Марузо считает, что древние слова сохранялись в речи жителей провинций, где литературная норма влияла на язык не так сильно, как в столице. Пока язык жителей Рима претерпевал различные изменения в соответствии с тем, как должна была выглядеть “urbanitas”, безупречная речь образованного горожанина, язык в каждой отдельной провинции был достаточно стабилен. Если слово из такого языка попадало в литературное произведение, с одной стороны, оно имело оттенок архаичности, так как было распространено только в глубоком прошлом, а с другой стороны, ощущалось как просторечие, так как не допускалось в классическом языке. Но слово при этом не могло считаться ни архаизмом, ни вульгаризмом: оно было древним и принадлежащим провинциальному языку.<sup>2</sup>

Сохранилось достаточно большое количество свидетельств о том, что архаизмы могли ощущаться как нечто провинциальное, деревенское. И Цицерон, и Квинтилиан пишут о подражании речам древних с помощью использования

<sup>1</sup> Marouzeau J. *Traité...* Pp. 182–183. Например, Эдуард Вёльфлин рассуждает на данную тему и описывает, как манера речи человека во многом зависит от того, как говорили его родители, бабушки и дедушки, передающие своим потомкам слова и выражения, чуждые литературному языку. Исходя из этих соображений, он делает вывод, что просторечное и архаичное – часто одно и то же, см. Wölfflin E. *Bemerkungen über das Vulgärlatein // Philologus*, XXXIV, 1876. P. 149. Здесь же можно упомянуть, что Красс в диалоге Цицерона, рассказывая о манере речи своей тётки, говорит, что её говор напоминает ему Плавта или Невия и даёт представление о том, как говорили её предки (ведь речь женщин, как он считает, претерпевает меньше изменений и во многом остаётся такой, какой обучили родители; *De Orat.* 3, 12, 45).

<sup>2</sup> Marouzeau J. *Traité...* P. 184.

провинциализмов: «некоторым нравится грубый деревенский говор, ведь им кажется, что их речь таким звучанием лучше удерживает дух старины» (Cic. *De Orat.* 3, 11, 42; перевод наш. – С. Д.; ср. Quint. *Inst.* 11, 3, 10). Если Цицерон рассказывает о том, что некоторые ораторы (в числе которых Луций Котта) говорят по-деревенски, стараясь подражать речам древних, то Тацит прямо видит недостаток некоторых речей Целия в том, что они устарели, и эту старину им придаёт, в частности, «низменность слов» (*sordes... verborum*, Tac. *Dial. Orat.* 21). Геллий в 17-ой книге разбирает интересные слова и выражения, найденные им в 1-ой книге «Анналов» Клавдия Квадригария, и слово *sermonari* кажется ему звучащим по-деревенски (“*rusticius videtur*”), и он сравнивает его с более общеупотребительным *sermocinari* (Gell. 17, 2, 17). Кроме упоминания у Геллия этот глагол также засвидетельствован в одной римской *tabella defixionis*, датированной концом республиканского периода (CIL I 1012).

Простоватость некоторых архаичных слов может быть обоснована в тексте. Например, М. фон Альбрехт отмечает, что архаическая лексика, употреблённая Апулеем при описании встречи Психеи и Пана в V книге «Метаморфоз», придаёт повествованию «деревенский» характер.<sup>1</sup> По мнению Р. Мараша, архаическая лексика обладает особым звучанием, которое свойственно таким низким жанрам, как комедия и ателлана, популярным среди простого народа.<sup>2</sup> Цицерон пишет, что даже поэтам, в числе которых он называет Гомера и Энния, простительно иногда задеяться разговорный стиль (*ad cotidianum genus sermonis accedere*; Cic. *Orat.* 31, 109).

В русском языке тоже можно наблюдать такую зыбкость границ между архаичными и просторечными словами, хотя и в меньшей степени. Например, глагол *городить* в значении ‘ставить забор, ограду’ Большой толковый словарь русского языка снабжает пометами «устарелое» и «народно-разговорное».<sup>3</sup> Сюда же относятся слова *доброхотный, изрядный, ставец, долить* (в значении

<sup>1</sup> Альбрехт, Михаэль фон. История... Т. 3. С. 1588. Слова Пана, обращённые к Психее, действительно содержат несколько архаизмов: *scitulus, autumare, auscultare*.

<sup>2</sup> Marache, René. La critique... P. 20.

<sup>3</sup> Большой толковый словарь... С. 221.



‘одолевать’), *ломить*, *оборотить* (‘повернуть’), *обрядить(ся)*, *перестановить*, *сказывать*.<sup>1</sup> В повседневном разговоре мы можем пользоваться такими устаревшими словами, как *грамотей*, *греховодник*, употребляя их с оттенком иронии, но не обнаруживая в них возвышенности, свойственной другим архаизмам (как, например, у слова *изволить*, также нередко употребляющегося иронично).

Таким образом, различные слова, вышедшие из повседневного обихода, могут обладать разными стилистическими характеристиками, и одни архаизмы могут восприниматься как возвышенные слова, подходящие для высокой литературы, а другие могут иметь оттенок просторечия и/или провинциальности. Так и в латинском языке различные архаизмы могли быть уместны или не уместны в разных литературных жанрах и разных контекстах, поэтому, в конечном счёте, чтобы прояснить, как должно было восприниматься то или иное слово, необходимо изучить, в каком контексте оно фигурирует. В одних случаях он покажет, что слово нужно рассматривать как архаизм (как в случае номинатива *Iovis* в «Метаморфозах»), в других же точно определить стилистическую окраску будет нельзя: вполне возможно, что в каком-то контексте архаический и просторечный оттенок не будут взаимоисключающими (как в обращении Пана к Психее в том же романе).

Апулей, как и другие архаизаторы, искал для своих произведений звучные слова, интересные и приятные на слух.<sup>2</sup> Естественно, что лексика «Метаморфоз» – это результат долгой и кропотливой работы над поиском и подбором уместных слов, каждое из которых оказалось в тексте неслучайно (даже если единственной причиной было стремление автора продемонстрировать свои знания антиквара). Поэтому, хотя многие лексемы, безусловно, принадлежат народной латыни, отголоски разговорного языка в «Метаморфозах» скорее стоит искать среди элементов, употребляемых бессознательно: предлогов, частиц, междометий.

<sup>1</sup> Есть и такие слова, которые приобрели новое значение, характерное для разговорной речи и имеющее мало общего с исконным значением, в котором слово употребляется как архаизм, например, *колымага*.

<sup>2</sup> Becker, Henricus. *Studia Apuleiana*. Berolini: Apud Weidmannos, 1879. Pp. 7–8.

## Язык романа «Метаморфозы»

При разговоре о романе Апулея «Метаморфозы» невозможно не упомянуть особенности его языка. Редкое произведение на латинском языке может похвастаться таким изобилием необычной лексики, для понимания которой зачастую необходимы знания древних комедий, трагедий и эпоса.<sup>1</sup> Тот объём, в котором Апулей пользуется лексическими средствами, не допускавшимися классическим языком, определённо выделяет его на фоне других писателей. Архаизмы, вульгаризмы, слова юридической лексики, заимствования из греческого языка – всё это находится в романе в большом количестве. Разнообразие лексики, большое количество риторических фигур и тропов – характерные признаки азианского стиля красноречия, к которому принадлежат и роман «Метаморфозы», и собрание речей «Флориды». Такое обилие украшений призвано увлечь читателя красотой и изяществом слога и помешать монотонности повествования. Однако такая манера может запутать читателя и послужить причиной непонимания определённых эпизодов. К сожалению, по-видимому, именно непониманием некоторых слов объясняется большое количество испорченных мест в тексте «Метаморфоз».

Нельзя сказать, что Апулей особенно склонен к архаической лексике и предпочитает её другим лексическим средствам. Скорее, он избегает общеупотребительных слов, привычных для читателей Цицерона и других классических авторов, и подыскивает им подходящие синонимы из более необычной для классической прозы лексики. При этом желание разнообразить внешнюю сторону текста не ограничивается подбором слов определённой стилистической окраски. Апулей даже в мелочах старается быть оригинальным:

---

<sup>1</sup> Нечто подобное представляет собой загадочное вступление к стихам юного поэта Октавиана из «Латинской антологии» (Anth. Lat. 6 Bailey): прозаический текст небольшого размера переполнен архаизмами, поэтизмами, словами из области религиозной лексики. Подавляющее большинство из этих редких лексем обнаруживается в словаре Плакида – собрании глосс, где записаны слова и выражения из трудов многих архаических авторов. Хотя автор вступления к стихам Октавиана жил значительно позже Апулея, в манере этих писателей можно наблюдать определённое сходство. Во-первых, они подбирают образцы необычной лексики, выискивая их в особых источниках (например, в глоссарии Плакида или в ином сборнике подобного содержания), во-вторых, оба автора испытывают симпатию к архаической лексике. Любопытно также, что и автор вступления, скорее всего, был африканцем.

вместо *severitas* он пишет более редкое и архаичное *severitudo*, вместо классического *inanimus*, изменяющегося по 1, 2-ому склонению, Апулей ставит *inanimis*, склоняющееся по 3-ему, вместо привычного *semisomnus* мы видим в тексте *semisopitus*.

Апулей употребляет слова различных стилей, которые порой тяжело представить в одном контексте: технические термины у него соседствуют со словами повседневного характера, слова из древней комедии – с поэтизмами из языка эпоса и трагедии. От этого возникает ощущение, что Апулей разом пытается удовлетворить интересы всех читателей. Это желание угодить своим языком отчётливо видно в прологе: он обещает, что будет «ласкать уши прелестным шёпотом», и звуковая сторона романа действительно должна была производить неизгладимое впечатление на читателей. Ритмическая проза и аллитерации показывают, что роман нужно было читать вслух, архаические слова при этом тоже должны были отличаться особым звучанием. Кроме того, в прологе рассказчик прямо предупреждает о необычности своего языка и поясняет, что такая переменчивость (*vocis immutatio*)<sup>1</sup> соответствует предмету рассказа.

Р. Мараш посвятил книгу литературным вкусам в Риме I–II вв. н. э., в особенности архаическим тенденциям, но фигуре Апулея он уделил лишь несколько страниц, на основании которых об этом авторе складывается не самое приятное впечатление. По мнению Р. Мараша, Апулей, в отличие от Фронтон и Геллия, кропотливых исследователей прошлого, всего лишь фигляр и хвостун, провинциал, не знающий меры.<sup>2</sup> Читая сочинения древних, Апулей не вкладывает душу в это занятие, и поиск архаизмов для него – это только необходимость подстраиваться под вкусы читателей, а восхваление древности – литературный штамп, удобный для воспроизведения. Обнаруженные у архаических авторов

<sup>1</sup> «Переменчивость речи» может интерпретироваться по-разному: это и смена греческого и латинского языков, и переход от человеческого голоса к ослиному крику (Harrison, Stephen, Winterbottom, Michael. *The Prologue to Apuleius' Metamorphoses: Text, Translation, and Textual Commentary // A Companion to the Prologue of Apuleius' Metamorphoses*, ed. by Ahuvia Kahane and Andrew Laird. New York: Oxford University Press, 2001. P. 14), и поэтическая речь, переходящая в прозаическую (Carver, Robert H. F. *Quis ille? The Role of the Prologue in Apuleius' Nachleben // A Companion to the Prologue of Apuleius' Metamorphoses*, ed. by Ahuvia Kahane and Andrew Laird. New York: Oxford University Press, 2001. P. 166). *Immutatio vocis* также можно понимать как смену функциональных разновидностей языка, бесконечные переходы от одного стилистического уровня к другому.

<sup>2</sup> Marache, René. *La critique...* P. 321.

слова Апулей переносит в свои труды безразлично, не воспринимая их поэтической красоты.<sup>1</sup> Сложно сказать, прав ли Р. Мараш в своей оценке: на основании имеющихся источников невозможно с полной уверенностью описать личное отношение Апулея к литературным тенденциям его времени. Чуткое и бережное отношение к лексическому значению, внимание к подбору лексики, восхищение ясностью и точностью выражений древних Фронтоном и Геллий могут выразить в сюжетах, напрямую описывающих их жизнь и их мысли, тогда как Апулей не оставил подобных писем и литературных заметок. Действительно, он не знает меры в «Метаморфозах», но другие произведения, принадлежащие его перу, доказывают, что слепой маньеризм не является необходимым условием для его творчества.<sup>2</sup> То, что Апулей прекрасно умел писать без подспорья в виде списков экзотических лексем и цитат древних авторов, наводит на мысли о том, что безграничное разнообразие лексических средств в «Метаморфозах» должно быть чем-то обусловлено.

Если не рассматривать теорию о существовании африканской латыни, то основных причин для использования архаизмов Апулеем насчитывается три:

- 1) Архаизирующие тенденции в римской литературе II в. н. э.
- 2) Влияние источников романа «Метаморфозы»
- 3) Личность Апулея и его индивидуальные вкусы

Во II в. н. э. греческое ораторское искусство выходит на первый план, Вторая софистика переживает свой расцвет. Во многом это выражается в активной деятельности риторических школ, популярных и у греков, и у римлян. И Фронтон, и Апулей получили риторическое образование в Греции, и естественно предположить, что они усвоили и реализовали в своём творчестве те принципы, которые им преподавались. И греческая, и латинская словесность искали новые пути развития и новый материал. В Греции это выразилось, в частности, в

<sup>1</sup> *ibid.*, pp. 333–334.

<sup>2</sup> Отличие «Метаморфоз» от других сочинений Апулея также не говорит и о том, что этот роман совершенно нетипичен для его стиля или вовсе не принадлежит его перу. Каламбуры, аллитерации, простонародная и архаическая лексика являются неотъемлемой частью его стиля и наблюдаются не только в его «азиатских» произведениях: Apuleius of Madauros. *Pro Se De Magia (Apologia)* / Ed. with a commentary by Vincent Hunink. Amsterdam: J. C. Gieben, 1997. P. 24; Roncaioli, Cecilia. *L'Arcaismo nelle opere filosofiche di Apuleio* // *Giornale Italiano di Filologia*, Anno XIX, № 4 (1966). P. 331.

поддержке риторического течения аттицистов, призывавших вернуться к классическому языку IV в. до н. э. и подражать стилю определённых писателей этого времени (Фукидид, Платон, Демосфен). Это привело к тому, что авторы этого периода прибегали к той или иной степени архаизирования как формы маньеризма.<sup>1</sup> Дж. Кеннеди отмечает, что с исторической точки зрения аттицизм – это форма архаизма, с критической же – форма классицизма:<sup>2</sup> хотя принципы аттицистов обновляют и очищают язык, они же указывают строгие рамки и ограничивают возможности для проявления авторской оригинальности. Несмотря на негативные последствия такого подхода для содержания, стоит отметить, что именно благодаря Второй софистике сфера языка по-новому становится предметом интересов ораторов.<sup>3</sup> Это и тот факт, что греческое ораторское искусство побудило ориентироваться на именитых писателей прошлого, во многом повлияло на подобные тенденции в римской части империи (хотя не все исследователи считают моду на архаизмы в Риме следствием Второй софистики).

Несомненно, что Апулей является представителем Второй Софистики, что прекрасно видно по жанрам, в которых он работал: в его сочинениях объединяются интерес к философии и риторическое оформление.<sup>4</sup> Жизнь Апулея приходится на расцвет Второй софистики, его современниками были Геллий, Лукиан, Элий Аристид, с которыми он мог быть знаком. За свою жизнь Апулей побывал в нескольких интеллектуальных центрах Второй софистики (Афины, Карфаген, Александрия), возможно, он также путешествовал по Малой Азии. С. Харрисон считает, что Апулей, хотя знал о занятиях софистов и их культурных центрах, не мог соревноваться с ними на должном уровне ввиду недостаточно

<sup>1</sup> Anderson, Graham. *The Second Sophistic. A Cultural Phenomenon in the Roman Empire*. London and New York: Routledge, 1993. P. 87.

<sup>2</sup> Kennedy, George. *The Art of Rhetoric in the Roman World 300 B. C. – A. D. 300*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1972. P. 554.

<sup>3</sup> Гаспаров М. Л. Вторая софистика. Жанры и представители // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука. Т.1. 1983. С. 494.

<sup>4</sup> Помимо «Флорид», «Апологии» и сочинений на философские темы, демонстрирующих принадлежность Апулея ко Второй софистике, следует отметить недошедший трактат *De Proverbiis*, о существовании как минимум двух книг которого свидетельствует Харисий (Fr. 2. Charisius GLK 1.240). Паремнография была частью как греческой философской традиции, так и Второй софистики, приверженцы которой охотно пользовались пословицами как риторическими украшениями, см. Harrison S. J. *Apuleius. A Latin Sophist*. New York: Oxford University Press, 2000. P. 21.

хорошего владения греческим языком, поэтому избрал путь оратора в Северной Африке, где читал речи на латинском языке.<sup>1</sup> Он также разделял интерес софистов по отношению к языку, пользовался рифмами и антитезами. Дж. Татум называет Апулея последователем Горгия из Леонтин, софиста и учителя красноречия V в. до н. э.<sup>2</sup>

Тот факт, что именно в романе Апулей в полной мере продемонстрировал виртуозность своего владения языковыми средствами, подводит к мысли, что причины для столь выразительного стиля «Метаморфоз» кроются и в источниках, на которые Апулей опирался. Таковых было немало: ко II в. н. э. в латинской литературе существовало большое количество жанров, в развитие каждого из которых тот или иной автор внёс свой вклад. Основным источником для Апулея послужил греческий текст, к которому также предположительно восходит сочинение Лукиана «Лукий, или Осёл». Автором этого греческого оригинала константинопольский патриарх Фотий называет некоего Лукия из Патр.<sup>3</sup> По-видимому, это была история в комическом духе, в которую Апулей вносит разнообразие, вставляя различные новеллы комического и/или трагического содержания. Интересно также то, как «Метаморфозы» соотносятся с жанром греческого романа: несмотря на серьёзные отличия, можно обнаружить и некоторое сходство. История любви двух персонажей, переживающих разлуку и испытания ради счастливого воссоединения в финале истории, – классический сюжет греческого романа, также отразившийся в истории Амура и Психеи в изложении Апулея. Греческий роман кончается вмешательством доброго божества: если в романе Харитона это Афродита, в романе Лонга – Пан, то у Ксенофонта Эфесского и Апулея это Исида.

В прологе Апулей упоминает милетские рассказы – комические новеллы, автором которых был грек Аристид Милетский<sup>4</sup> и которые впоследствии были

<sup>1</sup> *ibid.*, p. 6.

<sup>2</sup> Tatum, James. *Apuleius and the Golden Ass*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1979. P. 140.

<sup>3</sup> Г. ван Тиль считает автора представителем Второй софистики: Thiel, Helmut van. *Der Eselroman // Zetemata: Monographien zur klassischen Altertumswissenschaft* (H. 54, № 1). München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1971. Pp. 40–42.

<sup>4</sup> Schmid W. *Aristeides* // *RE II*, 1 (1895). Sp. 886.

переведены на латинский язык историком Корнелием Сизенной. Точная природа Аристидовых *Μιλῆσιακά* неизвестна: краткие фрагменты, дошедшие до нашего времени, не дают исчерпывающих сведений. Однако судя по упоминаниям милетских рассказов в текстах других авторов, они представляли собой истории эротического содержания, по-видимому, не лишённые цинизма (яркий пример – история эфесской вдовы в романе Петрония «Сатирикон»). У самого Апулея такой милетский рассказ, к примеру, находится в IX книге «Метаморфоз», где описывается история неверной жены Ареты, её любовника Филезитера и раба Мирмекса. Возможно, что Апулей, опираясь на латинский перевод милетских рассказов, также пытался передать особенности языка Сизенны, который питал склонность к архаизмам. Например, и Сизенна (Gell. 12, 15, 1–2), и Апулей активно пользовались наречиями на *-tim*, *-im*,<sup>1</sup> характерными для архаического периода и утратившими свою популярность в сочинениях классических авторов. Возможно, эти фривольные рассказы по стилю были близки латинской комедии, поэтому пользовались одной и той же лексикой, которая, как известно, является одним из важнейших источников для Апулея.<sup>2</sup> Упоминание милетских рассказов в прологе романа – очень важная деталь, и очевидно их влияние на решение Апулея, каким образом выстраивать повествование и какие темы разрабатывать в романе. К. Доуден даже делает предположение, что именно чтение милетских рассказов вдохновило Апулея на создание «Метаморфоз».<sup>3</sup>

Ещё одним важным источником романа Апулея можно считать различные произведения приключенческого характера, такие как новеллы, включённые в «Историю» Геродота, «Одиссея» Гомера и вообще эпос. Так, одним из любимых авторов Апулея является Вергилий, и африканский писатель зачастую заимствует

<sup>1</sup> Вклад Апулея в развитие этой категории наречий очевиден: многие из них, впервые появившись в трудах Апулея, вновь встречаются у последующих авторов: Pasetti, Lucia. *Plauto...* P. 75.

<sup>2</sup> Как уже было отмечено, существующие фрагменты рассказов Сизенны мало могут сказать об их отношении к римской комедии, хотя некоторые исследователи и отмечают данное сходство: *ibid.*, pp. 94–95. «Плавтовскую живость» у Сизенны описывает Сильвия Маттиаччи: Mattiacci, S. *Apuleio e i poeti arcaici // Munus amicitiae. Scritti in memoria di Alessandro Ronconi*. Firenze: Le Monnier, 1986. P. 194.

<sup>3</sup> Dowden, Ken. *Prologic, Predecessors, and Prohibitions // A Companion to the Prologue of Apuleius' Metamorphoses*, ed. by Ahuvia Kahane and Andrew Laird. New York: Oxford University Press, 2001. Pp. 126–127.

у него как лексику, так и сюжетные мотивы.<sup>1</sup> К примеру, трагическая история Хариты из «Метаморфоз» напоминает историю Дидоны Вергилия: обе героини видят во сне своих погибших мужей, целуют супружеское ложе, проклинают своих обидчиков и совершают самоубийство, закалывая себя мечом человека, разрушившего их жизнь.

Наконец, многое Апулей черпает из римской комедии и мима. История о запретной любви матери к сыну в X книге «Метаморфоз» вызывает воспоминания не только о популярном сюжете трагедии «Федра», но и одном из мимов Лаберия (Belonistria). У него же был мим под названием Fullo (‘суконщик’), который, возможно, повлиял на историю соответствующего персонажа в «Метаморфозах», хотя сам Апулей в своих произведениях авторов мимов не называет. Как подозревают некоторые исследователи, уже пролог романа вдохновлён прологами плавтовских пьес,<sup>2</sup> а комические и трагические элементы пронизывают всю книгу. Театр в целом, по-видимому, был важной темой для Апулея: благодаря ему сохранились начальные строки трагедий «Филоктет» и «Финикиянки» Акция, несколько цитат из Энния. Театр трижды является местом действия для событий романа: там справляют Праздник Смеха, боги собираются на совет, чтобы решить судьбу Амура и Психеи, а в финале именно там планируется представление с ослом и осуждённой женщиной. Несколько раз Апулей обращается к театральным терминам: *aulaeum* (театральный занавес), *siparium* (театральная ширма), *coturnus* (высокая обувь на толстой подошве для трагических актёров), *persona* (театральная маска), *spectaculum* (представление). Некоторые герои его романа напоминают театральные маски: Милон – типичный скряга, похожий на плавтовского Эвклиона из комедии «Клад». Имя его жены – Памфила – часто встречается в комедии. Так обычно звалась девушка, обиженная юношей и

<sup>1</sup> См., например, Frangoulidis, Stavros Antonios. Epic Imitation in the *Metamorphoses* of Apuleius. The Ohio State University, 1990; Finkelppearl, Ellen D. Metamorphosis of Language in Apuleius: A Study of Allusion in the Novel. Ann Arbor, 1998.

<sup>2</sup> May, Regine. Apuleius and Drama... Pp. 110–115; Smith, Warren S. Jr. The Narrative Voice in Apuleius' *Metamorphoses* // Oxford Readings in the Roman Novel, ed. by S. J. Harrison. New York: Oxford University Press, 1999. Pp. 196–201. Общей темой для прологов Апулея и Плавта является акцент на переводе истории с греческого на латинский язык, а также обращение к слушателям с просьбой быть благосклонными и обещанием удовольствия от просмотра/чтения.



впоследствии выходящая за него замуж,<sup>1</sup> – полная противоположность героини Апулея. Безусловно, Плавт является одним из главных источников для Апулея: он цитирует этого комедиографа и во «Флоридах» (2, 18), и в сочинении «О божестве Сократа» (10), в большом количестве заимствует лексику его комедий. Апулей и Плавт близки в своём отношении к языку: они не только пользуются одними и теми же лексемами, ставшими ко времени Апулея архаичными, но также разделяют любовь к различным каламбурам, неологизмам, уменьшительно-ласкательным словам. Возможно, такая связь романа с театром обоснована не только вкусами Апулея, но и культурной обстановкой в Римской империи II века. Реджина Мэй отмечает небывалый рост строительства театров в провинции в этот период, что говорит о растущих запросах публики.<sup>2</sup> Любопытный образованный римлянин, скорее всего, знал и любил различные образцы театрального искусства, поэтому без труда мог распознать в тексте романа аллюзии к самым известным комедиям и трагедиям.

Учитывая то, какой объём литературы Апулей должен был просмотреть, чтобы подобрать нужные архаизмы для своего романа, и сколько времени он должен был потратить на литературную обработку текста, чтобы убедиться, что он воспринимается на слух именно так, как задумано, сложно поверить, что он не был увлечён процессом. Вряд ли Апулей слепо следовал модным литературным тенденциям и готовым образцам – скорее всего, он сам был заинтересован в том, чтобы подбирать нужную лексику, рассматривать разные варианты, выискивать наиболее звучные слова. Кроме очевидной любви к антикварным изысканиям и свойственному любому софисту вниманию к собственной речи, Апулей также обладал особым взглядом на язык: замечено, что различные эксперименты с языковыми средствами свойственны людям, которые владеют несколькими языками.<sup>3</sup> В латинской литературе таким автором был Энний, кроме латинского знавший также греческий и оскский языки, в английской – Джозеф Конрад и

---

<sup>1</sup> May, Regine. *Apuleius and Drama...* P. 167.

<sup>2</sup> *ibid.*, p. 22.

<sup>3</sup> Mattiacci, Silvia. *Apuleius...* P. 101.

Владимир Набоков, в русской – Марина Цветаева, хотя стиль «Метаморфоз» скорее сравним с манерой, в которой писали Александр Бестужев-Марлинский и Андрей Белый. Сам Апулей владел латинским и греческим языками, а также, по-видимому, пуническим.<sup>1</sup> Он, безусловно, обладал этимологическим мышлением и увлекался игрой с внутренней формой слова. Например, он использует слово *enervus* (*Met.* 1, 4, 4)<sup>2</sup> в значении ‘лишённый жил’ вместо классического ‘обессилевший’, *praesentarius* (*Met.* 2, 25, 4) в значении ‘наступающий сразу, немедленный’ вместо обычного для языка Плавта ‘оплачиваемый наличными’, *candidatus* ‘обелённый’ (*Met.* 9, 12, 4) вместо ожидаемого ‘претендент на должность’. Хотя Апулей ничего не говорит напрямую о своих вкусах, на основании его произведений можно сделать вывод, что он увлекался поэзией, главным образом, Вергилием и Эннием. Также Апулей определённо зачитывался Лукрецием: его влияние чётко прослеживается в сочинении «О мире», но особенно – в тексте «О божестве Сократа». Там Апулей явно ориентировался на поэму Лукреция, когда излагал концепции о луне и природе демонов. Количество прямых цитат Плавта в текстах Апулея невелико, однако не возникает сомнений, что именно Плавт – его любимый комедиограф.

Таким образом, у Апулея было несколько причин для использования такого обилия архаизмов в своих текстах. Хотя он употреблял слова различной стилистической окраски во всех произведениях, именно жанр романа позволил Апулею лучше проявить себя в языковых экспериментах. В судебных речах и философских сочинениях просто нет места тому барочному стилю, который мы видим в «Метаморфозах».

Тем не менее, по мнению некоторых исследователей, активное использование Апулеем архаизмов в романе не объясняется лишь приведёнными

<sup>1</sup> О свидетельствах пунического языка в Африке и языках Апулея см. *ibid.*, p. 95. О латинско-пуническом билингвизме см. Adams J. N. *The Regional Diversification...* Pp. 569–573. Кроме того, в «Апологии» (98) Апулей отзывается о Пуденте, как о человеке, неспособном говорить по-латыни, а лишь по-финикийски с заученными греческими словами: *Loquitur nunquam nisi Punice et si quid adhuc a matre graecissat; enim Latine loqui neque uult neque potest.* Это показывает, что в Африке в то время могли говорить на трёх языках.

<sup>2</sup> Апулей употребляет выражение *enervam et exossam saltationem*, говоря о пляске мальчика, танцующего на древке копы, которое погрузил себе в рот уличный фокусник. Очень похоже Апулей отозвался о Гереннии Руфине, одном из обвинителей писателя в использовании магии: *saltandis fabulis exossis plane et enervis* (*Apol.* 74).

выше причинами. К примеру, Л. Каллеба заметил, что некоторые слова, принадлежащие лексике Плавта и Теренция, употребляются при разработке комедийных тем, таких как продажная любовь и обжорство, а также заимствуются известные из комедий ласковые обращения и, наоборот, ругательства.<sup>1</sup> Реджина Мэй в своей работе «Апулей и драма» пишет: «Подражание Плавту у Апулея имеет мало общего с простыми архаизмами и подражанием, но должно быть функциональным: язык – это средство для передачи смысла».<sup>2</sup> Естественно предполагать, что если в комедийном контексте появляется слово, характерное для лексики древней комедии, это произошло неслучайно. Но вместе с тем роман «Метаморфозы» настолько переполнен архаизмами, что, если принимать теорию, что каждый архаизм выполняет в тексте особую функцию помимо стилистического украшения, то приходится признать, что весь роман представляет из себя аллюзию на древнюю комедию или трагедию (что, безусловно, не так). Понятно, что все использованные Апулеем архаизмы – результат сознательного решения автора, и с этой точки зрения ни один из них не случаен. Однако во многих случаях единственной задачей того или иного устаревшего слова является украшение текста. Опасно придавать слишком большое значение заимствованным из Плавта словам: к примеру, по мнению Р. Мэй плавтовское *divorto* в формуле развода в эпизоде сказки об Амуре и Психее может намекать на то, что разрыв пары будет временным и лишённым серьёзных последствий.<sup>3</sup> В большинстве случаев невозможно утверждать, что то или иное слово намекает читателю на что-то, прямо не высказанное в тексте. Когда Психея умоляет Амура разрешить ей принять в гостях своих сестёр и божится, что любит своего невидимого мужа так, что и с самим Купидоном не сравнит, подсказывает ли читателю что-то тот факт, что она использует наречие *efflictim*, характерное для любовных ситуаций в комедии? Вполне возможно, что

<sup>1</sup> Callebat, Louis. L'Archaïsme... Pp. 355–356; Pasetti, L. Plauto... P. 31.

<sup>2</sup> Р. Мэй говорит о том, что архаизмы в той или иной степени встречаются во всех трудах Апулея, но, тем не менее, он адаптирует язык согласно выбранному жанру, и плавтовские слова в «Метаморфозах» – осознанный приём, позволяющий намекнуть читателю на знакомые сцены из комедий Плавта, см. May, Regine. Apuleius and Drama... P. 39.

<sup>3</sup> *ibid.*, p. 40.

это наречие подчёркивает некоторую комичность эпизода, но оно также может служить лишь украшением для речи Психеи.

Вместе с тем, нельзя и игнорировать связь Апулея и Плавта, списывая все необычные слова в романе на действие архаизирующих тенденций в римской литературе. Вопрос о том, пользуется ли Апулей языком комедии для подчёркивания наиболее смешных эпизодов, очень важен. Какие-то плавтовские слова действительно должны были быть хорошо знакомы читателю Апулея и в комических сценах усиливать впечатление, что Апулей разыгрывает пьесу внутри романа. Самый яркий подобный эпизод – это посещение Луцием рынка в I книге «Метаморфоз». Эта сцена не имеет аналога в сочинении псевдо-Лукиана «Лукий, или Осёл» и обнаруживает множество типично римских элементов, особенно хорошо заметных на фоне греческой истории. Это и упоминание названия рынка, известного в Риме периода Республики и уже многими забытого ко времени жизни Апулея, и сама тема высмеивания чванства и глупости чиновника, которая является излюбленной для римской сатиры. Всё это подтверждается и лексикой данного эпизода. Рассмотрим, к примеру, первое же предложение (*Met.* 1, 24):

*His actis et rebus meis in illo cubiculo conditis pergens ipse ad balneas, ut prius aliquid nobis cibatus prospicerem, forum cupedinis peto, inque eo piscatum opiparem expositum video et percontato pretio, quod centum nummis indicaret, aspernatus viginti denariis praestinavi.* («После этого, когда мои вещи были сложены в той комнате, сам я направился в бани, а чтобы прежде раздобыть чего-нибудь съестного, я иду на Лакомый рынок и вижу, что там выложено много прекрасной рыбы, и, расспросив о цене, которая составляла сто нуммов, я, поспорив, купил её за двадцать денариев» (перевод наш. – С. Д.)).

В данном предложении мы видим архаизмы *cibatus* ‘еда’ (вместо классического *cibus*), *forum cupedinis* ‘Лакомый рынок’ (название древнего рынка; при этом и само слово *cupedo* редкое и архаичное),<sup>1</sup> *piscatus* ‘рыба, улов’, *opiparis*

<sup>1</sup> У Лукреция *cupēdo* употребляется 5 раз, и его значение всегда совпадает с *cupido*. У других авторов *cupedo* либо фигурирует именно как часть названия античного рынка (в комментариях Доната к Тер. *Eun.* 256, Var. *De ling. Lat.* V, 146, Paul. Fest. p. 42 Lindsay), либо (только у Плавта *Stich.* 713–714) для обозначения какого-то лакомства.

‘обильный’ (слово характерно для комедии, при этом Апулей использует форму 3-его склонения вместо 2-ого, даже в этом проявляя некоторую оригинальность), *praestinare* ‘покупать’. Все эти слова встречаются и в комедиях Плавта. Не лишено архаизмов и продолжение данного эпизода, особенно интересным является употребление слова *severitudo* ‘строгость’. Оно характеризует действия эдила Пифия, распекающего продавца рыбы за неоправданно высокую цену товара. До Апулея мы видим его у Плавта (*Epid.* 609), а после – в глоссах и юридических текстах, которые употребляют его в значении ‘суровое наказание’ по отношению к магистратам, злоупотребляющим своей властью, нагоняя на людей страх.<sup>1</sup>

В «Метаморфозах» также встречаются эпические мотивы, например сцена собрания богов (*Met.* 6, 23). В этом эпизоде Апулей не только использует эпическую формулу *sic fatus* ‘так сказав’, но и архаическую форму датива *coetu* (*caelestium*) ‘собрание небожителей’.<sup>2</sup>

Вопрос о функциональности архаизмов в тексте тесно связан с тем, на какого читателя роман ориентирован: на искущённого знатока литературы и юридических терминов или на широкую аудиторию. Дж. Винклер поясняет, что, с одной стороны, язык «Метаморфоз» включает в себя слова из языка повседневного общения, а с другой стороны, требует от читателя понимания литературных аллюзий, знакомства с трудами Цицерона, Вергилия и Плавта.<sup>3</sup> То, что обычный читатель брал в руки роман Апулея и ясно понимал всё, что написано между строк, благодаря точно подобранной лексике, – весьма сомнительно. По-видимому, разные заимствования из того или иного архаического автора выполняют в романе три следующие роли: 1) архаизмы, употреблённые как риторическое украшение; 2) слова, характерные для определённого жанра (комедии, трагедии, эпоса) и создающие соответствующую

<sup>1</sup> Keulen W. H. *Apuleius, Metamorphoses. Book I: Text, Introduction and Commentary.* Groningen: Egbert Forsten, 2007. P. 451.

<sup>2</sup> Zimmerman M. – Panayotakis S. – Hunink V.C. – Keulen W.H. – Harrison S. J. – McCreight Th. D. – Wesseling B. – Mal-Maeder D. van. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books IV 28–35, V and VI 1–24. The Tale of Cupid and Psyche.* Groningen: Egbert Forsten, 2004. Pp. 537–538.

<sup>3</sup> Winkler, John J. *Auctor & Actor. A Narratological Reading of Apuleius's Golden Ass.* Berkeley and Los Angeles, London, 1985: University of California Press. Pp. 16–18.

атмосферу; 3) слова, требующие знания сочинения-источника и отсылающие к конкретному произведению.

Апулей также использует трагическую лексику в своём романе. Его герой Сократ описывает волшебные силы колдуньи Мерои, говоря, что она обладает силой «манов вознести, богов низринуть» (*Met.* 1, 8, 4: *manes sublimare, deos infimare*). Здесь Сократ употребляет архаизм *sublimare* (*Cato hist.* 63, *Enn. trag.* 234), придающий фразе определённый пафос, так что Аристомен даже просит своего собеседника: “Oro te” inquam “aulaeum tragicum dimoveto et siparium scaenicum complicato et cedo verbis communibus” («Опусти трагический занавес и сложи эту театральную ширму, говори-ка попросту»)<sup>1</sup> Вместе с тем язык Сократа ничем не отличается от того языка, которым говорит любой другой герой романа и сам рассказчик. Оказиональные архаизмы вроде *sublimare* и *domuitio* (*Met.* 1, 7, 7) не выделяют речь этого героя на фоне остального повествования, хотя, возможно, и добавляют трагического пафоса его фигуре, гармонично сочетаясь с его трагическим одеянием в виде изорванного плаща (к трагическим жестам относится и его восклицание *me miserum*, засвидетельствованное в ряде театральных пьес, в том числе в трагедиях Акция (*trag.* 346) и Пакувия (*trag.* 264)). Когда Психея, в ужасе от мысли, что её супруг может оказаться чудовищем, говорит, бормоча и выговаривая слова лишь с третьей попытки (*tertiata verba semihianti voce substrepens, Met.* 5, 18, 5), её волнение никак не влияет на то, как она обращается к сёстрам.<sup>2</sup> Апулей не наделяет своих героев специфической манерой речи. С. В. Полякова пишет, что он лишь «намечает языковую характеристику героев», не демонстрируя при этом, что она рассматривает как таковую.<sup>3</sup>

Тем не менее, один персонаж романа, по-видимому, характеризуется пристрастием к архаической лексике несколько более явно, чем другие. Например, архаический футурум *faxo* встречается в сказке об Амуре и Психее 3

<sup>1</sup> Апулей. Золотой осёл. М. : Эксмо, 2008. С. 14.

<sup>2</sup> Zimmerman M. – Panayotakis S. – Hunink V.C. – Keulen W.H. – Harrison S. J. – McCreight Th. D. – Wesseling B. – Mal-Maeder D. van. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books IV 28–35, V and VI 1–24... P. 246.

<sup>3</sup> Полякова С. В. «Метаморфозы», или «Золотой осёл» Апулея. Отв. ред. К. Н. Юзбашян. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. С. 91.

раза. В двух случаях он обнаруживается в репликах Венеры, при том, что и третий случай тесно связан с этим персонажем: на собрании богов в театре Юпитер рассказывает всем о любви Амура и Психеи, утешает Венеру, что ей не придётся запятнать свой род браком сына со смертной, и в конце концов поздравляет Психею с тем, что её принимают в сонм богов как законную жену Амура. За всю свою речь он использует 2 архаизма (*prosapia, congruus*) и 3 архаичные формы (*facho* и архаические дативы *statu* и *iure*), все они встречаются только в тех двух предложениях, которые обращены к Венере.

Таким образом, хотя архаизмы часто помогают читателю связать тот или иной эпизод романа с характерным для жанра стилистическим оформлением или даже конкретным произведением автора архаического периода, в большинстве случаев они просто служат украшением, риторическим приёмом. Апулей не стремится подчинить форму содержанию, он шокирует читателя обилием туманных слов, желает выставить напоказ всё, что знает.<sup>1</sup>

## **1. Классификация, задачи исследования и статистический анализ лексики романа «Метаморфозы»**

Чтобы оценить особенности стиля «Метаморфоз» в плане архаической лексики и неологизмов, необходимо рассмотреть как количественный аспект употреблённых в романе лексем, так и их принадлежность к различным категориям, что впоследствии облегчает их систематизацию.

Архаизмы, использованные Апулеем, можно разделить на несколько крупных классов:

1. Собственно архаизмы. Сюда в первую очередь относятся слова, бывшие в употреблении в доклассический период римской литературы, т. е. те,

---

<sup>1</sup> Л. Пёрсер пишет, что мы не должны считать, будто Апулей выискивал необычные слова и разбрасывал их в тексте из слепой претенциозности, хотя сам признаёт, что была соответствующая литературная тенденция и что Апулею действительно нравились некоторые слова, по каковой причине он и включал их в повествование: см. *The Story of Cupid and Psyche as related by Apuleius / Ed. Louis C. Purser ... P. XCIV.*

которые засвидетельствованы в произведениях латинских авторов до времени Цезаря и Цицерона: во фрагментах Ливия Андроника, Гнея Невия, Энния, Пакувия, Акция, в стихах Лукреция и Катулла, в пьесах Плавта и Теренция. Некоторые из них были заимствованы лишь Апулеем (по крайней мере, насколько мы можем судить на основе существующего материала), а некоторые вновь вошли в употребление в его время из-за моды на архаизмы и встречаются у последующих писателей, переживая расцвет в сочинениях христианских авторов.

2. Слова, засвидетельствованные в работах авторов классического периода, но употреблённые Апулеем в архаическом значении, например, *adorare* ‘обращаться’, *provincia* ‘поручение’, *arbitrari* ‘наблюдать’, *litteratus* ‘помеченный буквами’.

3. Слова с необычными морфемами: *oculeus* (2, 23, 4) – ‘обладающий множеством глаз’ (об Аргусе), тогда как суффикс *-eus* обычно используется для обозначения материала; *Spartiacus* (1, 1, 3) вместо *Sparticus* (ср. *Spartiacus*,<sup>1</sup> Plaut. *Poen.* 719). Для архаической лексики также характерно обилие наречий на *-tim*, *-im*, существительные на *-tudo*<sup>2</sup> и композиты с приставкой *per-*.<sup>3</sup>

4. Имена собственные, принадлежащие антикварным реалиям, уже давно не существовавшим при жизни Апулея: *Forum Cuppedinis* (1, 24, 4; 1, 25, 1; 2, 2, 2), рынок в Риме, переставший существовать ещё во II в. до н. э.; упоминание древних богов Портуна и Палемона (4, 31, 6) по отдельности, хотя ко времени жизни Апулея эти морские божества отождествлялись.

5. Юридическая лексика, архаичная по своей природе: например, *divorto* «покидать, разводиться» (5, 26, 6).

6. Кроме обозначенных выше лексических архаизмов можно выделить архаизмы морфологические: это необычный императив 2 л. ед. ч. *opperimino* (Plaut. *Truc.* 197, Apul. *Met.* 1, 22, 4), характерная для архаического периода форма будущего времени *faxo*, активная форма глагола *praestolare* вместо привычного

<sup>1</sup> Именно *Spartiacus* М. Циммерман принимает в текст в своём издании «Метаморфоз»: Apulei Metamorphoseon libri XI / Rec. M. Zimmerman. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 2012. P. 1.

<sup>2</sup> Callebat L. L'archaïsme... P. 349.

<sup>3</sup> McCreight, Thomas D. Apuleius... P. 48.



*praestolari* (5, 20, 6 *praestolabimus*; ср. *Andr. trag.* 25 *praestolaras*, *Turp. com.* 153 *praestolabo*), склонение *diadema* по 1-ому склонению, а не по 3-ему (10, 30, 6 *diadema* (аблатив); ср. *Pompon. com.* 163 *diademam*).<sup>1</sup>

7. В романе также можно обнаружить некоторые синтаксические особенности, прежде замеченные в пьесах Плавта, к примеру, употребление предлога *ex* с аблативом там, где для классического языка обычен аблатив без предлога (2, 32, 2 *ex summis viribus*, ср. *Plaut. Merc.* 111 *ex summis opibus viribusque*), конструкция *diu est quod* (1, 24, 6, ср. *Plaut. Amph.* 302 *iam diu est quom*).

Конечно, в романе, столь богатом различной лексикой, в том числе технического характера, можно обнаружить и заимствования из греческого языка, которые, возможно, имели архаический оттенок. Так, Апулей употребляет слово *patagium* ‘кайма туники’ (2, 9, 7) – заимствованное из греческого слово *παταγεῖον*,<sup>2</sup> до Апулея засвидетельствованное только у Невия, а также в словаре Феста. Ещё один предмет обихода, чьё название было заимствовано из греческого – *baxeia* ‘сандалия’ (2, 28, 2; 11, 8, 3), гр. \*πάξεια,<sup>3</sup> до Апулея встречающееся в пьесе Плавта (*Men.* 391).

Неологизмы, обнаруженные в романе Апулея, проще всего систематизировать в зависимости от части речи и способа словообразования. Отдельно следует выделить те неологизмы, которые, вероятно, были построены Апулеем на основе образцов архаической лексики. Например:

*adlubentia* (1.7.4) ‘склонность’ (гапакс), ср. *libentia/lubentia* (*Plaut. St.* 276, *As.* 268, *Gell.* 15, 2, 7)

*dicacule* (1, 9, 5; 8, 25, 3) ‘язвительно’ (встречается только у Апулея), ср. *dicaculus* (*Plaut. As.* 511, *Cas.* 529)

<sup>1</sup> Подобные примеры особенностей спряжения и склонения, общие для Плавта и Апулея, разбирает А. Дезертин в 3 главе своей работы: *Desertine, Adolphus Henricus Josephus Victor Marius. De Apulei studiis...* Pp. 69–80. Кроме обозначенных форм, которые встречаются у архаических авторов, в «Метаморфозах» Апулея также присутствуют формы, которые пока нельзя объяснить заимствованием у предшественников, например, *gen. sg. fidi* (10, 8, 2).

<sup>2</sup> *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet.* Paris: Librairie C. Klincksieck, 1967<sup>4</sup>. P. 861.

<sup>3</sup> *Lateinisches Etymologisches Wörterbuch von A. Walde und J. B. Hofmann.* Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1938. S. 99.

*repigro* (1, 9, 5; 8, 15, 8) ‘задерживать’, ср. *pigro*, 1 ‘медлить’ (Асс. *trag.* 267, 294, *Lucr.* 1, 410). Глагол *repigrare* также засвидетельствован у Марциана Капеллы и в одной из речей Зенона Веронского, богослова IV в. н. э. По-видимому, все три автора объединяются общей родиной.<sup>1</sup>

Неологизмы, использованные Апулеем в «Метаморфозах», принадлежат различным частям речи:

1. **Имена существительные.** Среди них огромное количество уменьшительно-ласкательных слов (например, *civitatula*, *gallinula*, *seniculus*, *unctulum*), существительных с суффиксом *-tio* (*adiuratio*, *iubilatio*, *ostensio*), с суффиксами *-men*, *-mentum* (*amicimen*, *decernina*, *protrimentum*),<sup>2</sup> с суффиксом *-tus* (*cavillatus*, *inscensus*, *monstratus*), а также существительных, обозначающих действующее лицо (*abactor*, *consiliatrix*, *commeator*).

2. **Глаголы.** Глаголы, введенные Апулеем, чаще всего приобретают оригинальность благодаря приставкам, которые Апулей добавляет к словам из общеупотребительного лексикона: *dispaciscor*, *substrepo*. Уникальным является глагол *cantilare*: по-видимому, это единственный глагол, полученный Апулеем благодаря обратному словообразованию от существительного (*cantilena*).

3. **Имена прилагательные.** Апулей первым употребляет довольно большое количество сложных прилагательных (*horricomis*, *multiforabilis*, *negantinummius*, *omnimodus*), однако большинство прилагательных-неологизмов образовано суффиксальным способом (*caseatus*, *cinerosus*,<sup>3</sup> *farinulentus*, *machinarius*, *triduanus*, *rimabundus*).

4. **Наречия.** Как уже отмечалось, Апулей испытывает склонность к наречиям на *-tim* (*agminatim*, *capreolatim*, *granatim*, *fistulatim*).

Кроме того, логично выделить следующие группы неологизмов:

<sup>1</sup> О Зеноне Веронском как уроженце Северной Африки см. Wegenast, Klaus. Zenon von Verona // RE XA, 1 (1972). Sp. 147.

<sup>2</sup> Л. Гаргантини считает, что Апулей-архаизатор предпочитает этот суффикс благодаря его древности, см. Gargantini, Luisa. Ricerche intorno alla formazione dei temi nominali nelle Metamorfosi di Apuleio // Rendiconti, vol. 97 (1963). P. 37. Единственный неологизм с суффиксом *-tudo* у Апулея – *tristitudo*, о величественности образований с этим суффиксом пишет Геллий (17, 2, 19).

<sup>3</sup> Прилагательные с суффиксом *-osus*, по-видимому, имели архаическую окраску, см. Keulen W. H. – Tilg. S. – Nicolini L. – Graverini L. – Harrison S. J. – Panayotakis S. – Mal-Maeder D. van. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book XI. The Isis Book. Text, Introduction and Commentary. Leiden: Brill, 2015. P. 203.

5. Заимствования из греческого, впервые засвидетельствованные в латинском тексте у Апулея (*byssus, helcium, teleta*).

6. Слова, которые приобрели у Апулея новое лексическое значение (*captivitas, orbitas, postliminio, semenstris*).

7. Отдельно стоит отметить неологизм неизвестного происхождения – *borrio, -ire*.

Есть некоторое количество слов, которые впервые засвидетельствованы в сочинениях Апулея и Геллия (например, *avicula, locator, parilitas*). Так как эти авторы жили в одно и то же время, невозможно сказать, кто первым создал тот или иной неологизм. Например, Л. Гаргантини приписывает эти лексемы перу Апулея, а Л. Каллеба считает, что одно из таких слов (*fallaciosus*) было заимствовано Апулеем у Геллия.<sup>1</sup> Эти слова не учитываются в настоящем исследовании как неологизмы авторства Апулея, так как на наш взгляд маловероятно, что Геллий заимствовал их у африканского писателя. В этой ситуации возможен также и такой вариант, что оба архаизатора употребили в своих сочинениях редкое слово, уже существовавшее на тот момент в языке, но не засвидетельствованное в источниках предыдущих временных периодов.

В нашем исследовании мы остановимся на лексических архаизмах и неологизмах и попытаемся сделать выводы о том, в каком объёме архаическая и новаторская лексика представлена в романе по сравнению с лексикой, более современной автору. Кроме того, одной из задач исследования является составление перечня авторов, в произведениях которых мы видим редкие слова, которым отдаёт предпочтение Апулей. В конце концов, выявление прямых заимствований из трудов предшественников также входит в область наших интересов.

Нами был проведён анализ лексики, использованной Апулеем в I–XI книгах романа «Метаморфозы» с целью рассмотрения случаев употребления и характера выбранных автором архаизмов и неологизмов. Полученные статистические

---

<sup>1</sup> Callebat L. Sermo... P. 388.

данные представлены в Таблице 1 (в графе «Архаизмы» отображены слова, встречающиеся у архаических авторов и Апулея, но не засвидетельствованные в классический период, в графе «Архаический колорит» – все слова, в отношении которых есть основания считать, что читателями Апулея они воспринимались как архаичные;<sup>1</sup> в каждой ячейке слева представлен процент использования архаизмов/неологизмов от общего числа лексем в данной книге, а справа в скобках количество архаизмов/неологизмов в книге):

Таблица 1

Книга «Метаморфоз»	Архаизмы	Архаический колорит	Неологизмы	Общее кол-во лексем
I	1,89% (30)	4,98% (79)	3,4% (54)	1585
II	1,96% (37)	3,93% (74)	3,6% (68)	1884
III	1,64% (27)	3,7% (61)	2,37% (39)	1646
IV	0,78% (16)	2,54% (52)	2,44% (50)	2045
V	0,87% (15)	3,32% (57)	3,09% (53)	1716
VI	1,04% (19)	3,56% (65)	2,79% (51)	1827
VII	1,16% (20)	3,3% (57)	3,47% (60)	1727
VIII	0,85% (17)	3,2% (64)	3,4% (68)	1997
IX	1,44% (34)	3,63% (86)	3,3% (78)	2366
X	1,32% (29)	3,55% (78)	2,82% (62)	2195
XI	0,86% (16)	2,31% (43)	3,98% (74)	1860

Чтобы нагляднее продемонстрировать, насколько велико количество используемых Апулеем архаизмов и какое впечатление оно могло произвести на читателя, мы провели аналогичный анализ нескольких писем Фронтонна, другого знаменитого архаизатора II в. н. э., в размере 20 тойбнеровских страниц. У этого

<sup>1</sup> Сюда относятся 1) те же слова, которые отображены в первой графе, 2) слова, которые были засвидетельствованы в классический период, но либо редко, либо в сочинениях архаизирующих авторов, либо такие, о которых тот или иной античный автор прямо написал, что они архаичны, 3) неологизмы, по-видимому, сочинённые на основе архаизмов.

автора процент слов, имеющих архаический колорит, составляет 1,49%.<sup>1</sup> Сравнив эти показатели, мы можем сказать, что роман Апулея выделяется своей лексикой даже в рамках литературных тенденций в римской литературе II в. По результатам анализа, приведённым в таблице, ясно видно, что наибольший процент слов с архаическим колоритом (каждое 20-е слово) наблюдается в первой книге. Это может объясняться сильным влиянием творчества Плавта, особенно заметным именно в этой книге.<sup>2</sup> Наименьшее количество устаревших слов встречается в XI книге и в процентном, и в количественном отношении, зато именно в ней Апулей чаще всего прибегал к неологизмам.

При проведении статистического анализа были подсчитаны употреблённые Апулеем лексемы отдельно для каждой книги.<sup>3</sup> Важно также учитывать, что нами было выяснено соотношение архаизмов и неологизмов с остальной лексикой без учёта поэтизмов, грецизмов и других особенностей, которые делают лексику «Метаморфоз» еще более разнообразной и необычной, чем может продемонстрировать наше исследование.

Итак, рассмотрев лексику, использованную Апулеем в романе «Метаморфозы», мы можем сделать вывод, что Апулей использует архаическую лексику целого ряда авторов. В первую очередь следует назвать Плавта: есть достаточно много слов, которые не встречаются у других авторов, писавших на латыни, кроме как у Плавта и Апулея. К их числу относятся, например, *praesegmen* ‘обрезок’ (2, 20, 2, Plaut. *Aul.* 313), *severitudo* ‘суровость’ (1, 25, 5, Plaut. *Epid.* 609), *saepicule* ‘частенько’ (1, 12, 1; 2, 3, 3 и др., Plaut. *Cas.* 703), *anulatus* ‘закованный в цепи’ (9, 12, 4; Pl. *Poen.* 981 (у Плавта – об ушах, украшенных кольцами)), *causificor* ‘отговариваться, ссылаться на что-то’ (10, 9, 2; Pl. *Aul.* 755). В таких обстоятельствах тяжело отрицать связь одного писателя с

<sup>1</sup> Были проанализированы следующие письма: *ad M. Caesarem* 4, 3 (1, 1 Haines), *ad M. Caesarem* 3, 12 (1, 12 Haines), *ad M. Caesarem* 3, 8 (1, 34 Haines), *Laudes fumi et pulveris* (1, 38 Haines), *Laudes negligentiae* (1, 44 Haines), *ad M. Caesarem* 3, 11 (1, 52 Haines), *ad M. Caesarem* 3, 1 (1, 52 Haines), *ad M. Caesarem* 5, 74 (1, 52 Haines), *Arion* (1, 54 Haines).

<sup>2</sup> Keulen W. H. Apuleius, *Metamorphoses. Book I...* P. 10.

<sup>3</sup> Таким образом, в одну лексему объединялись разные парадигматические формы. В одну лексему объединялись формы глаголов, причастий, герундия и герундива. Разные лексемы составляли степени сравнения прилагательных и наречий. Имена собственные из подсчётов были исключены.

другим. Нет сомнений в том, что Апулей читал пьесы Плавта и иногда заимствовал некоторые слова или даже создавал свои по типу плавтовских (например, *negantinummius* и *poscinummius*).

Есть у Апулея и слова, которые он разделяет с другим известным комедиографом, Теренцием, хотя их несравнимо меньше, например, *habitudo* ‘внешний вид’ (5 раз в «Метаморфозах», Ter. *Eun.* 242), *sorbillo* ‘пить маленькими глотками’ (2, 16, 3, Ter. *Ad.* 591). Язык Теренция менее ценился софистами II в. н. э., чем смелый, яркий и образный язык Плавта: *vera autem et propria huiusmodi formarum exempla in Latina lingua M. Varro esse dicit ubertatis Pacuvium, gracilitatis Lucilium, mediocritatis Terentium* («Марк Варрон сказал, что правдивые и истинные образцы этих стилей – Пакувий – пышного, Луцилий – простого, Теренций – среднего» (Gell. 6, 14, 6; перевод наш – С. Д.)). Тем не менее, многие лексемы были характерны для языка комедии в целом, и иногда нельзя сказать, что Апулей заимствовал то или иное слово напрямую у какого-то автора.

Мы также можем увидеть в романе слова, которые сохранились только у других писателей архаического периода: *succussus* ‘дрожание’ (1, 13, 1; 3, 21, 4; Pacuv. *trag.* 257), *mundule* ‘опрятно’ (2, 7, 3; Acc. *trag.* 602), *severiter* ‘сурово’ (2, 27, 4; 3, 3, 9; 4, 31, 2; Titin. *com.* 67). Кроме лексики, общей с уже названными авторами, Апулей также использует архаизмы, засвидетельствованные у Лаберия (*efflictim* ‘сильнейшим образом’, Laber. *com.* 12, Apul. *Met.* 1, 8, 6; 3, 16, 1; 5, 6, 7; 5, 23, 3), Энния (*exancto* ‘претерпевать’, Enn. *scen.* 102, Apul. *Met.* 1, 16, 2; 6, 4, 3; 6, 11, 3; 7, 6, 5; 8, 1, 1; 11, 2, 4; 9, 12, 1; 9, 15, 1), Катона (*esito* ‘есть’, Cato. *Agr.* 157, 10, Apul. *Met.* 1, 19, 1; 7, 27, 3; 9, 36, 4; 10, 16, 2) и других.

---

<sup>1</sup> Лексемы перечислены в алфавитном порядке, независимо от части речи. В скобках к каждой лексеме даются случаи употребления в романе «Метаморфозы». Далее перечисляются авторы, использовавшие данную лексему, или труды, автор которых неизвестен, в следующем порядке: 1) доклассические авторы 2) авторы классического периода и I, II вв. н. э., где возможно, Фронтон, Геллий и другие работы Апулея с точными местами 3)

## 2. Слова с архаическим оттенком<sup>1</sup>

**abligurrio** ‘лакомиться’ (10, 14, 2; Enn. *sat.* 17, Ter. *Eun.* 235, Suet. *gramm.* 23, Apul. *apol.* 59, 7, Arnob. *nat.* 7, 3, Aug. *c. Faust.* 16, 6; 16, 30, Heges. 4, 7; 4, 32; Non. 134, Sidon. *ep.* 9, 6, 2, Gloss.) В прямом значении этот глагол употребляет Арнобий (‘слизывать’ – о жертвенной крови, которую слизывают собаки, ср. *abligurrire* ‘облизывать’ (в обценном смысле) у Светония). Впервые он засвидетельствован у Энния и Теренция в значении ‘проматывать, проедать’ (у обоих авторов о состоянии, *bona*). Такое же значение он имеет в «Апологии» Апулея (*patrimonium omne... abligurrivit*). Л. Каллеба считает эти слова прямой отсылкой к Теренцию,<sup>1</sup> но, возможно, Апулей просто выбрал слово, свойственное языку комедии (Л. Каллеба не учитывает фрагмент Энния).<sup>2</sup> В «Метаморфозах» этот глагол относится к Луцию-ослу, пожирающему сладости у братьев повара и кондитера, объединяя близкое к прямому значение (осёл съедает лакомства) и метафорическое (он проедает товары братьев, лишая их заработка).

**absque** ‘вдали, без, если бы не’ (9, 25, 3; Pl., Ter., Cic., Quint., Fronto, Gell., Apul. *Plat.* 2, 23, Ambr., Amm., Aug., Hier., Mart. *Cap.*, Min. *Fel.*, Prisc., Prud., Sidon., Symm., Tert., Vulg., Gloss...) Об архаичности этого предлога пишет Чечилия Ронкайоли.<sup>3</sup> L&S предполагают, что использование предлога в классическое время объясняется тем, что он является частью некой юридической формулы, вроде *absque argumento* (‘без содержания’), а ThLL отмечает, что в качестве союза *absque* характерно для языка Плавта и Теренция.<sup>4</sup> Употребление этого предлога у Апулея также походит на

позднелатинские авторы (если слово часто встречается в литературе позднего периода, то перечисляются лишь некоторые авторы, после которых ставится многоточие) 4) грамматические сочинения (*Gramm.*), глоссы (*Gloss.*), надписи (*Inscr.*). Точные места даются, если слово встречается в латинской литературе достаточно редко, отдельно помечается, если слово является конъектурой (*conj.*). В большинстве случаев места приводятся согласно ThLL. Лексемы подобраны на основании текста в издании Р. Хельма, также учитывается издание М. Циммерман.

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo...* Pp. 512–513.

<sup>2</sup> Traill, Ariana. *Plautus and the Origins of Roman Satire // Plautus' Erudite Comedy. New Insights into the Work of a Doctus Poeta*, ed. by Sophia Papaioannou and Chrysanthi Demetriou. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2020. P. 283.

<sup>3</sup> Roncaioli, Cecilia. *L'Arcaismo...* P. 349.

<sup>4</sup> Lommatzsch, Ernst. *Absque // ThLL, Vol. I (1900)*. P. 185.

использование формульного выражения (*Met.* 9, 25, 3: *absque noxa nostri* ('без вреда для нас / без вреда с нашей стороны')).<sup>1</sup>

**actutum** 'сразу' (5, 24, 5; 6, 8, 7; 7, 23, 4; 9, 7, 2; Acc., Caecil., Naev., Pacuv., Pl., Ter., Liv., Ovid., Quint., Sen., Sil., Stat., Verg., Fronto, Apul. *Soc.* 18, Anth., Auson., Ennod., Prisc., Sidon., Symm...) Л. Каллеба считает, что Апулей употребил это слово именно как архаизм, отсылающий к языку римской комедии (*actutum* очень часто встречается в творчестве Плавта). Соответственно, с его точки зрения, именно атмосферу комедии Апулей пытается воссоздать, когда использует это наречие, особенно в V и VI книгах, где оно употребляется в соседстве с выражением *dare poenas*, характерным для языка комедии Плавта и Теренция.<sup>2</sup> Однако стоит учитывать, что это слово использовалось не только в комедии, но и в трагедии, и вряд ли Вергилий пытался добавить комизма, употребив это наречие в «Энеиде» – для Апулея не менее важном источнике, чем античная комедия. Контекст V книги «Метаморфоз» также не располагает к комической обстановке: Амур покидает Психею и обещает, что и она, и её сёстры быстро понесут наказание за свой поступок.

**adaeque** 'таким же образом' (4, 8, 1; 8, 31, 1; 10, 2, 2; Pl., Fronto, Apul., Ambrosiast., Amm., Cassiod., Char. *gramm.*, Cod. Theod., Hil., Leo M., Mar. Victorin., Opt. Porf., Optat., Pelagon., Sol., Sulp. Vict., Vict. Vit., Zeno, Gloss.) Г. Беккер считает, что слово воспринималось слушателями Плавта как просторечное, и Апулей стремится повторить этот эффект.<sup>3</sup> Интересно, что до Апулея это наречие не употреблялось в утвердительных высказываниях (у Плавта есть 6 пассажей с *adaeque*, и все они представляют собой отрицательные высказывания).

<sup>1</sup> Hijmans B. L. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Wesseling B. – Zimmerman M. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book IX: Text, Introduction, and Commentary. Groningen: Forsten, 1995. Pp. 221–222.

<sup>2</sup> Callebat L. Sermo... P. 521.

<sup>3</sup> Becker, Henricus. Studia... P. 15.



**adambulo** ‘прогуливаться (рядом с чем-то)’ (3, 12, 2; 8, 26, 5; 11, 8, 4; Pl. *Bacch.* 768, Apul., Not. Tir. 90, 33) Плавт использует этот глагол с предлогом *ad* и винительным падежом, а Апулей – с дательным падежом без предлога.

**adlibesco / adlubesco** ‘находить удовольствие’ (2, 10, 4; 7, 11, 4; 9, 3, 3; Pl. *Mil.* 1004, Apul., Mart. Cap. 1, 25; 1, 31; 2, 181; 7, 726; 9, 913, Ps. Ambr. *paenit.* 22, Gloss. V 616, 2) У Плавта этот глагол употребляется безлично в значении ‘нравиться, вызывать желание’ (ThLL: *libido me movet*), тогда как Апулей (а также Марциан Капелла и автор сочинения *De paenitentia*) использует его в значении ‘желать чего-то, тяготеть к чему-то’ (с дательным падежом). В первых двух пассажах романа этот глагол употребляется в эротическом контексте (о поцелуях Фотиды и Хариты), что соответствует контексту в пьесе Плавта (о чувствах Пиргополиника), однако в IX книге «Метаморфоз» речь идёт о проверке здоровья осла и его желании пить воду.

**admolior** ‘приниматься за что-то’ (1, 10, 4; 6, 10, 4; Pl. *Rud.* 598, *Asin.* 570, Apul. *flor.* 7, Iul. Val. 1, 35; 1, 45; 1, 51; Itin. Alex. 2) Апулей всегда употребляет этот глагол с прямым дополнением *manus* (как в комедии Плавта «Ослы»). Это выражение обозначает некое порочное действие по отношению к чему-то священному (ср. Pl. *Asin.* 570: *ubi sacro manus sis admolitus*; Apul. *flor.* 7: *si quis uspiam repperiretur alius sanctissimae imagini regis manus admolitus*). Примерно тот же смысл оно имеет в I книге «Метаморфоз», где жертвы колдуньи Мерои клянутся не поднимать на неё руки (*sanctissime deierantes sese neque ei manus admolituros*), однако в сказке об Амуре и Психее религиозный смысл отсутствует: в интересующем нас эпизоде Психея отказывается прикасаться к куче зёрен, которую ей приказывает разобрать Венера.

**adnuto** ‘кивать’ (10, 32, 3; Naev. *com.* 76, 111, Pl. *Merc.* 437, Apul.) Возможно, глагол относится к сфере языка комедии. Примечательно, что у Апулея этот глагол употребляется в контексте театрального произведения – пантомимы «Суд Париса», где он описывает действия танцующей Венеры, покачивающей головой.

**adoro** ‘говорить, обращаться’ (2, 29, 5; 3, 3, 1; 10, 12, 1; Lex XII tab. Fest. p. 158 L, Apul., Serv.) Сервий пишет о глаголе в этом значении как об архаизме (ad Verg. *Aen.* 10, 677: *adoro id est iuxta veteres, qui adorare adloqui dicebant*; cf. Paul. Fest. p. 17 L: *adorare apud antiquos significabat agere*). Во II и III книгах «Метаморфоз» Апулей использует глагол *adorare* в одном и том же выражении *populum sic adorat*.

**adprime** ‘особенно’ (9, 14, 2; 10, 17, 4; Pl., Quadrig., Ter., Nep., Var., Gell., Apul. *Soc.* 17, 19, 20, 23, *flor.* 4, 15, 17, *apol.* 31, 5, *Plat.* 2, 19, Amm., Aug., Avell., Chalc., Hier., Macr., Prisc., Sol., Symm., Gloss...) Геллий отмечает *adprime* как одно из редких слов, импльзуемых Клавдием Квадригарием (17, 2, 14). Гронингенский комментарий к X книге описывает это слово как архаизм, заново введённый в литературный язык Геллием и Апулеем.<sup>1</sup>

**adstituo** ‘устанавливать, помещать’ (3, 2, 5; 9, 11, 3; Acc. *trag.* 55 (ap. Non. 315), Pl. *Capt.* 846, *Rhet.* Her. 3, 33, Apul., Not. Tir. 24, 61; 24, 69) Несмотря на своё прозрачное значение, глагол *adstituere* достаточно редкий. Апулей в обоих случаях использует его без предлога с разными падежами (с accusativом в *Met.* 3, 2, 5: *forum eiusque tribunal adstituo*; с дативом в 9, 11, 3: *molae, quae maxima videbatur, matutinus adstituo*).

**adulescentula** ‘молодая девушка’ (1, 22, 2; Pl. *Epid.* 43, *Rud.* 416, Ter. *Andr.* 118, *Haut.* 654, Var. ap. Non. 550, Apul., Ambr., Aug., Itala, Hier., Vict. Vit., Vulg., Gloss.) Здесь, судя по случаям употребления существительного *adulescentula*, связь с древней комедией очевидна. Л. Каллеба пишет об имитации языка Плавта и Теренция,<sup>2</sup> а Р. Мэй, разрабатывая тему комических клише и масок в «Метаморфозах», предлагает видеть здесь отсылку к Плавту.<sup>3</sup>

**adulo** ‘ластиться’ (5, 14, 3; Acc., Lucr., Apul., Aug., Auson., Avien., Don., Paneg., Paul. Nol., Pomp. *gramm.*) Подобные формы (*arbitro* вместо *arbitror*,

<sup>1</sup> Zimmerman M. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book X. Text, Introduction and Commentary.* Groningen: Egbert Forsten, 2000. P. 244; Hijmans B. L. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Wesseling B. – Zimmerman M. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book IX...* P. 135.

<sup>2</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 508.

<sup>3</sup> May, Regine. *Apuleius. Metamorphoses...* P. 160.

*contemplo* вместо *contemplor*, *patio* вместо *patior*, *laeto* вместо *laetor*, *populo* вместо *populor* и др.) считаются архаичными.<sup>1</sup> Например, таково свидетельство Сервия: *populant antique dixit, nam hoc verbum apud veteres activum fuit, nunc autem deponens est* (*Aen.* 4, 403). Л. Каллеба считает, что о таких формах нельзя строго говорить «архаизм» или «поэтизм», но они, очевидно, не принадлежали классической художественной прозе.<sup>2</sup>

**adventor** ‘пришелец, посетитель’ (1, 9, 3; 10, 21, 2; Pl. *Truc.* 96, 616, *Asin.* 359, *Var. Men.* 263, *Apul.*, *Prisc.* 2, 35, 3, *Corp.* XIV 2978, *Lex Urson* (*Corp.* II 5439) 4, 1, 31, *Corp.* III 7728, *Corp.* VI 33145, *Gloss.*) В обоих случаях Апулей использует это существительное для обозначения посетителя заведения (кабака в I книге, борделя в X книге). Как отмечает Л. Каллеба, Апулей, по видимому, опирался на Плавта, употребляя это слово.<sup>3</sup> Это особенно заметно в X книге в сравнении с борделем (в «Грубияне» Плавта под словом *adventor* тоже понимаются клиенты проституток, у Апулея эта тема также подчёркивается такими неологизмами в стиле Плавта, как *poscinummius* и *negantinummius*).<sup>4</sup>

**aerumna** ‘бедствие, мучение’ (1, 6, 5; 1, 7, 5; 1, 16, 2; 3, 29, 1; 6, 5, 2; 6, 12, 2; 6, 15, 1; 6, 32, 2; 7, 2, 4; 7, 6, 4; 7, 16, 1; 7, 27, 3; 8, 1, 1; 8, 12, 3; 8, 12, 6; 8, 26, 6; 10, 5, 3; 10, 5, 5; 11, 2, 4; 11, 15, 4; 11, 19, 1; *Acc.*, *Caecil.*, *Enn.*, *Lucil.*, *Расув.*, *Pl.*, *Ter.*, *trag. inc.* (*Quint. inst.* 9, 3, 15), *Cic.*, *Iuv.*, *Liv.*, *Lucr.*, *Ovid.*, *Pers.*, *Petr.*, *Quint.*, *Sall.*, *Sen.*, *Gell.*, *Apul. Plat.* 2, 18, *Ambr.*, *Amm.*, *Iord.*, *Lact.*, *Macr.*, *Paul. Fest.*, *Paul. Petric.*, *Gloss.*, *Gramm.*...) Квинтилиан утверждает, что слово *aerumna* – устаревшее (*Inst.* 8, 3, 26), поэтому groningenский комментарий к VIII книге «Метаморфоз» пишет о торжественности этого слова.<sup>5</sup> ThLL говорит о поэтическом оттенке, которое оно приобрело, начиная с Цицерона,

<sup>1</sup> Flobert P. *Recherches sur les verbes déponents latins: Thèse prés. devant l'Univ. de Paris IV...* Lille, 1975. P. 522; ThLL отмечает, что активная форма *adulo* используется древними и архаизирующими писателями: Oertel, Heinrich. *Adulo* // ThLL, Vol. I (1900). P. 877.

<sup>2</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 295.

<sup>3</sup> *ibidem*, p. 481.

<sup>4</sup> Zimmerman M. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book X...* P. 276.

<sup>5</sup> Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Settels C. B. J. – Wesseling B. – Westendorp Boerma R. E. H. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book VIII. Text, Introduction and Commentary.* Groningen: Egbert Forsten, 1985. P. 28.

хотя со II в. н. э. оно всё чаще встречается в прозаической речи.<sup>1</sup> В I книге Апулей использует слово *aerumna*, подкрепляя аллюзию на обращение Адгербала к своему убитому брату Гиempсалу в «Югуртинской войне» Саллюстия (Apul. Met. 1, 16, 2, Sall. Jug. 14, 22–23): Аристомен, герой «Метаморфоз», намереваясь совершить самоубийство, после того как увидел гибель своего друга Сократа от рук колдуньи, практически дословно повторяет слова Адгербала «*iam iam, frater animo meo carissime*», заменив «брата» на «кровать», а затем называет кровать свидетельницей перенесённых им тягот (*tecum tot aerumnas exantlasti*). Адгербал у Саллюстия этим же словом называет несчастья, которые его тяготят (*omnis has quae me premunt aerumnas... amisisti*).

**aerumnabilis** ‘тягостный’ (1, 1, 4; 8, 9, 3; 9, 15, 6; Lucr. 6, 1231, Apul., Ps. Aug. serm. 120, 1) Несмотря на то, что это прилагательное очень редкое, Апулею оно, по-видимому, очень нравилось. Тягостным рассказчик называет для себя труд изучения латинского языка (1, 1, 4: *indigenam sermonem aerumnabili labore... excolui*), своё превращение в осла (9, 15, 6: *aerumnabilis deformitatis meae*), а также жизнь Хариты после гибели её мужа (8, 9, 3: *aerumnabili vitae*).

**aetatula** ‘юный возраст’ (1, 12, 4; 7, 9, 5; 10, 29, 4; 10, 31, 2; 11, 15, 1; Pl., Caecil., Cic., Suet., Var., Apul. apol. 2, 4, Greg. Tur., Iul. Val., Prud., Schol. Cic., Sidon., Sulp. Sev., Gloss.) Хотя слово засвидетельствовано и у Цецилия, исследователи не без оснований считают, что Апулей заимствовал его именно у Плавта.<sup>2</sup> Естественно, что слово *aetatula* у Апулея в большинстве случаев относится к молодым девушкам и юношам, но кроме того интересно ироничное употребление этого существительного в I книге: волшебница Мероя сетует на то, как она потратила на Сократа свою молодость (1, 12, 4: *hic Catamitus meus, qui diebus ac noctibus inlusit aetatulam meam*), хотя прежде Мероя называется не иначе как старухой (1, 7, 7: *cauponam Meroen, anum sed*

<sup>1</sup> Bögel, Theodor. *Aerumna* // ThLL, Vol. I (1900). P. 1066.

<sup>2</sup> Pasetti, Lucia. *Plauto...* Pp. 28–29; May, Regine. *Apuleius. Metamorphoses...* P. 153.

*admodum scitulam*; 1, 12, 2 *video mulieres duas altioris aetatis*). В X книге Апулей также преобразует известное выражение *florere aetatis*,<sup>1</sup> обозначающее цветущую юность, в *virenti florere aetatula* (*Met.* 10, 29, 4).

**alimonia** ‘пропитание, воспитание’ (2, 3, 1; 5, 18, 1; 6, 4, 1; Var., Gell., Apul. *apol.* 85, 7, Ambr., Arnob., Aug., Auson., Cassiod., Cod. Theod., Don., Greg. Tur., Hier., Iul. Val., Lact., Macr., Paul. Nol., Prud., Serv., Sidon., Symm., Tert., Ulp. *dig.*, Vulg., Zeno, Gloss...) Как отмечает Д. ван Маль-Медер, слово *alimonia*, судя по дошедшим до нас случаям употребления, можно считать архаизмом.<sup>2</sup> Более распространённым в этом значении является существительное *alimentum*, хотя в поздней литературе *alimonia* тоже встречается регулярно.

**aliorsum** ‘в другое место’ (8, 16, 7; Cato, Pl., Ter., Labeo, Flor., Gell., Apul., Amm., Boeth., Cael. Aur., Chalc., Claud. Mam., Don., Iul. Vict., Iust., Lact., Scaev. *dig.*, Tert., Gloss.) Это наречие представлено в латинской литературе в нескольких вариантах: *aliovorsum* (Pl. *Aul.* 287), *alioversus* (Lact. *inst.* 1, 17, 1) и самый распространённый – *aliorsum*.

**aliquantisper** ‘на какое-то время’ (1, 11, 6; 6, 27, 3; Caecil., Pl., Quadrig. *hist.*, Ter., Flor., Gell., Apul. *apol.* 73, 7, *mund.* 16, Alc. Avit., Amm., Boeth., Hier., Nil., Iust., Sidon., Sol., Sulp. Sev., Symm., Gloss...) М. Мольт пишет, что наречие *aliquantisper* часто встречается у комедиографов,<sup>3</sup> однако это утверждение спорно (согласно данным ThLL, *aliquantisper* дважды засвидетельствовано у Теренция и всего по одному разу у Плавта и Цецилия).<sup>4</sup>

**alterco** ‘спорить’ (2, 29, 6; 5, 16, 1; 6, 26, 3; 9, 3, 1; 9, 33, 4; *Racuv. trag.* 210, Ter. *Andr.* 653, Apul.) Архаичность активной формы этого глагола (*altercare* вместо *altercari*) подтверждает словарь Эрну–Мейе, также отмечая оттенок

<sup>1</sup> OLD s. v. *floreo* 5b, p. 714.

<sup>2</sup> Mal-Maeder D. van. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Livre II. Texte, Introduction et Commentaire. Groningen: Egbert Forsten, 2001. Pp. 82–83.

<sup>3</sup> Molt, Margaretha. Ad Apulei Madaurensis Metamorphoseon librum primum commentarius exegeticus. Groningae: M. De Waal, 1938. P. 72.

<sup>4</sup> Vollmer, F. Aliquantisper // ThLL, Vol. I (1900). P. 1602.

юридического термина.<sup>1</sup> У Апулея этот глагол встречается в нескольких значениях: ‘беседовать’, ‘спорить’, ‘обмениваться чем-либо’, при этом разницы в значении по сравнению с пассивными формами в «Метаморфозах» не наблюдается (пассивные формы этого глагола в романе встречаются всего дважды: *altercamur* (2, 3, 6), *altercati* (10, 15, 1)).

**altrinsecus** ‘с другой стороны’ (1, 16, 4; 1, 21, 4; 2, 18, 5; 3, 17, 3; 5, 2, 1; Pl., Apul., Alc. Avit., Amm., Aug., Auson., Avien., Boeth., Cael. Aur., Fulg., Hier., Lact., Mar. Victor, Prud., Sidon., Sol., Vulg., Gloss...) Интересно, что в III и V книгах Апулей употребляет это наречие в качестве предлога с родительным падежом, чего нет больше ни у одного латинского автора. Л. Каллеба подозревает, что Апулей употребил *altrinsecus* как предлог под влиянием греческого языка (*ἐξω*, *ἐκτός* как предлоги тоже требуют родительного падежа).<sup>2</sup> Кроме того, и Плавт, и Апулей используют *altrinsecus* в значении ‘с другой стороны’, тогда как большинство поздних авторов обычно наделяет это слово значением ‘с обеих сторон’.

**amoene** ‘прелестно’ (10, 32, 1; Pl. *Mil.* 412, *Rhet. Her.* 4, 12, 18, *Plin. epist.* 3, 23, 1, *Gell.* 14, 1, 32, *Apul.*, *Nil. in psalm.* 118) ThLL не указывает в статье к *amoene* пассаж из Плавта, а пассаж из «Метаморфоз» Апулея сопровождает знаком вопроса (*amoene* – позднее чтение (в издании De Vuxis 1469 года), принимаемое современными издателями).<sup>3</sup> Если в оригинальном тексте Апулея действительно стояло это наречие, то только у него и у Плавта оно засвидетельствовано в положительной степени (у Плиния и в «Риторике к Гереннию» – превосходная степень, у Геллия и Илария Пиктавийского – сравнительная).

**ampliter** ‘щедро, в большом количестве’ (1, 21, 5; 10, 26, 3; *Acc. trag.* 282, *Lucil.* 443, *Pl. Bacch.* 677, *Cas.* 501, *Cist.* 598, *Merc.* 99, *Mil.* 758, *Stich.* 692, *Pompon. Atell.* 54, *Gell.* 2, 6, 11; 10, 3, 4, *Apul.*, *Macr. sat.* 6, 7, 14, *Char.* 1, 79, 14,

<sup>1</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 40; Flobert P. Recherches... P. 217.

<sup>2</sup> Callebat L. *Sermo*... P. 240.

<sup>3</sup> Burger, Franz Xaver. *Amoene* // ThLL, Vol. I (1900). P. 1964.

Prisc. 3, 58, 3; 59, 3; 71, 2, Roman. Char. gramm. 1, 195, 12) Слово *ampliter* определённо должно было восприниматься как архаичное: оно засвидетельствовано в основном либо у архаичных, либо у архаизирующих авторов, а в сочинениях грамматиков оно фигурирует со ссылками на Плавта и Луцилия.

**anulatus** ‘закованный в цепи’ (9, 12, 4; Pl. *Poen.* 981, Apul., Prisc. 2, 139, 7) Значение этого слова несколько отличается у Плавта и у Апулея: в комедии «Пуниец» так описаны уши рабов-пунийцев, в которые продеты кольца, а в «Метаморфозах» речь идёт о закованных в цепи ногах рабов на мельнице.

**apage** ‘прочь’ (1, 17, 6; Afran., Pl., Rhet. Her., Ter., Cic. *epist.*, Var., Apul. *Soc.* 5, Ambr., Iul. Val., Mart. Cap., Gloss.) *Apage* – грецизм, характерный для латинской комедии (в основном засвидетельствован в комедиях Плавта). В «Метаморфозах» *apage* говорит Сократ, отталкивая от себя своего друга Аристомена.

**apertio** ‘открытие’ (11, 20, 3; 11, 22, 7; Var., Apul., Ambr., Ambrosiast., Aug., Cael. Aur., Cassian., Greg. Tur., Isid., Pallad., Serv., Tert., Vulg...) Очевидно, данное слово не было распространено у классических авторов (словарь L&S считает его до- и постклассическим), но приобрело большую популярность в позднелатинской литературе. Апулей оба раза применяет слово *apertio* по отношению к некоему торжественному обряду открытия дверей храма (*Met.* 11, 22, 7: *rituque sollemni apertionis celebrato*), что соответствует значению этого существительного, которое поясняет Сервий (*Aen.* 4, 301: *moveri enim sacra dicebantur, cum sollemnibus diebus aperiebantur templa instaurandi sacrificii causa... hoc vulgo apertiones appellant*).

**aquilinus** ‘орлиный’ (2, 2, 9; Pl. *Pseud.* 852, Apul., Aug. *medit.* 27, *spec.* 16, Boeth. *in Porph.* Migne 64, Dares 12, Marcell. *med.* 8, 22, Tert. *paen.* 12, 69, Philarg. *Verg. ecl. proem.*, 8, 27, Prisc. 2, 80, 3, Gloss.) Так как прилагательное

*aquilinus* довольно редкое, возможно, Апулей заимствовал его напрямую у Плавта.<sup>1</sup>

**arbitror** ‘смотреть’ (1, 18, 1; 2, 29, 1; 3, 21, 3; 4, 2, 2; 4, 12, 6; 7, 1, 4; 9, 12, 2; 10, 16, 1; Pl. *Aul.* 605, *Capt.* 220, *Epid.* 267, *Apul. apol.* 16, 13, *Iul. Val.* 3, 16) Апулей пользуется глаголом *arbitrari* как в его классическом значении ‘думать, считать’, так и в более архаичном – ‘смотреть, разглядывать’. Л. Цурли<sup>2</sup> отмечает, как он обыгрывает плавтовское значение глагола ‘смотреть тайком, наблюдать исподтишка’ (особенно это касается сцен проявляемого персонажами любопытства).<sup>3</sup>

**ariolor** ‘предсказывать’ (2, 7, 2; Pl., *Pompon.*, *Ter.*, *Cic.*, *Apul. Soc.* 18, *Arnob.*, *Char. gramm.*, *Eugraph.*, *Iul. Val.*, *Vulg.*, *Gloss.*) Разные исследователи приписывают этому слову разные стилистические оттенки: комический,<sup>4</sup> религиозный,<sup>5</sup> просторечный.<sup>6</sup> Поставить в этом вопросе точку, по-видимому, не представляется возможным: слово лучше всего засвидетельствовано у архаических авторов и достаточно редко, чтобы признать его архаизмом, свойственным религиозному языку,<sup>7</sup> однако тот факт, что глагол встречается в таких сочинениях, как «Письма к Аттику» Цицерона<sup>8</sup> и «Вульгата», может говорить и о просторечности этого слова. В «Метаморфозах» Апулея контекст комичен: Луций, заходя в дом Милона, по запаху «предсказывает», насколько вкусное кушание готовит Фотида.

**armillum** ‘винный сосуд’ (6, 22, 1; 9, 29, 1; *Lucil.* 676, *Varro vit. pop. Rom.* apud *Non.* 547, *Apul.*, *Paul. Fest.* p. 2 L, *Gloss.*) Это слово обычно употребляется провербиально: *ad armillum redire* ‘браться за старое’ (у

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 509.

<sup>2</sup> Zurli, Lorian. Un Arcaismo in Apuleio // *Giornale Italiano di Filologia* XXXIX, 2 (1987). P. 217.

<sup>3</sup> Mal-Maeder D. van. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Livre II...* P. 377.

<sup>4</sup> Flobert P. *Recherches...* P. 152.

<sup>5</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 76.

<sup>6</sup> Jonge B. J., de. *Ad Apulei Madaurensis Metamorphoseon librum secundum commentarius exegeticus.* Groningae: M. de Waal, 1941. P. 39.

<sup>7</sup> Словарь Эрну–Мейе признаёт слова (*h*)*ariolus*, (*h*)*ariolor* архаичными: *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots* / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 516.

<sup>8</sup> *Cic. ad Att.* 8, 11, 3: *προβεσπίζω igitur, noster Attice, non hariolans ut illa cui nemo credit sed coniectura prospiciens, iamque mari magno — non multo, inquam, secus possum vaticinari.* Стоит отметить, что жанр писем Цицерона не обязательно говорит о просторечности данного слова. Возможно, в данном случае Цицерон, говоря о пророческом даре Кассандры, решил воспользоваться архаизмом, который мог подчёркивать священность дара прорицания.



Апулея – о Купидоне, в обход матери договаривающемся с Юпитером о браке, и о негодной жене мельника, разыскивающей способ отомстить выгнавшему её мужу). Дж. Ханссен заостряет внимание на том, что *armillum* – технический термин, возводя его к *armus* ‘предплечье, рука’,<sup>1</sup> хотя, на самом деле, этимология этого слова не столь очевидна.<sup>2</sup>

**arrabo** ‘залог’ (1, 21, 6; Pl., Quadrig. ap. Gell., Ter., Var., Gell., Apul., Beda, Greg. Tur., Hier., Isid., Itala, Paul. Nol., Tert., Vulg.) Геллий отмечает *arrabo* как одно из редких слов, употребляемых Клавдием Квадригарием, которое хоть и низкое (*in sordidis verbis*), но обладает сильным и метким значением (*vis huius vocabuli... gravior acriorque est*; Gell. 17, 2, 21). Апулей вкладывает это слово в уста старухи, которую Луций спрашивает о Милоне. Возможно, здесь имеет значение то, что старуха пользуется “*sordidum verbum*”, злословя на Милона, “*sordis infimae infamis homo*”.<sup>3</sup>

**asinarius** ‘ослиный’, ‘погонщик ослов’ (в качестве прилагательного 7, 8, 1; 10, 19, 3, в качестве существительного 6, 20, 2; прил.: Cato, Apul., Greg. M., Hier., Itala, Vulg., Gloss.; сущ.: Cato, Suet., Apul., Serv., Tert., Val. Max., Gloss.) Как архаизм слово *asinarius* помечает Л. Гаргантини,<sup>4</sup> но в данном случае скорее стоит согласиться с Л. Каллеба, приписывающим этому слову разговорный оттенок (*caractère familier*).<sup>5</sup>

**attineo** ‘удерживать, захватывать, интересоваться’ (1, 7, 6; 3, 20, 4; 4, 1, 4; Pl., Sall., Tac., Aurel. ad Fronto, Fronto, Apul. *mund.* 5, Amm., Arnob., Aug., Aur. Vict., Heges., Paneg., Priscill., Cod. Iust., Cod. Theod....) В латинском языке всех периодов этот глагол очень распространён в значениях ‘касаться’ (с предлогом *ad*, особенно в формуле *quod attinet*) и ‘быть важным, иметь значение’ (безличное употребление). Однако в качестве переходного глагола (‘держат’ и – в переносном значении – ‘увлекать, захватывать’) он редко

<sup>1</sup> Hanssen J. S. Th. *The Latin Diminutives: A Semantic Study*. Bergen, 1953. P. 107.

<sup>2</sup> Слово, по-видимому, является заимствованием: *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots* / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 84.

<sup>3</sup> Keulen W. H. *Apuleius, Metamorphoses. Book I...* P. 382.

<sup>4</sup> Gargantini, Luisa. *Ricerche...* P. 34.

<sup>5</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 25.

встречается в литературе классического периода.<sup>1</sup> В «Метаморфозах» Апулей воспользовался этим глаголом всего 3 раза, всегда в переходном значении, а в «Апологии» мы видим более распространённую, характерную для классического языка, формулу (Apul. *apol.* 67: *quod ad Pudentillam attinet*).

**aulula/ollula** ‘кастрюлька’ (2, 7, 5; 5, 20, 2; Var. *rust.* 1, 54, 2, Apul., Arnob. *nat.* 5, 18; 5, 19; 6, 14, Garg. *Mart. pom.* 2, 13, Marcell. *med.* 9, 72) *Aulula* – более древний вариант деминутива *ollula* (форма *aulula* засвидетельствована только в V книге «Метаморфоз», а также очевидна в названии пьесы Плавта «*Aulularia*»). Как архаизм слово помечает Л. Гаргантини.<sup>2</sup>

**ausculto** ‘слушать’ (1, 2, 5; 5, 25, 6; 6, 17, 4; 6, 31, 4; 8, 31, 4; 9, 3, 1; Afran., Caecil., Cato, Enn., Pacuv., Pl., Pompon., Ter., Catull., Cic., Hor., Var., Plin. *nat.*, Sen., Scaevola, Fronto, Apul. *Soc.* 16, 18, *apol.* 38, 7; 83, 4; 94, 2, Ambr., Arnob., Aug., Beda, Cassian., Char. *gramm.*, Fulg., Greg. Tur., Hier., Itala, Mart. Cap., Non., Paul. Nol., Prisc., Rufin., Sidon., Vulg., Gloss...) Глагол *auscultare* часто встречается в древней комедии, но до Фронтоня его обычно избегали в прозе. Л. Николини считает, что хотя слово и существовало в разговорном языке, Апулей рассматривал его прежде всего как архаизм,<sup>3</sup> Л. Каллеба также полагает, что на выбор этого глагола повлияла частотность его употребления в комедиях Плавта.<sup>4</sup> Глагол *ausculto* был широко распространён в более поздний период и вошёл в романские языки.

**autumo** ‘утверждать, называть’ (1, 18, 4; 5, 25, 5; Acc., Atta, Lucil., Pacuv., Pl., Ter., Catull., Hor., Quint., Sen., Vell., Gell., Apul. *apol.* 4, 8, *Soc.* 6, 8, 16, Amm., Aug., Auson., Boeth., Claud. Mam., Greg. Tur., Hier., Macr., Non., Prud., Sidon., Tert., Vict. Vit., Gloss...) Квинтилиан относит глагол *autumare* к древним словам и считает его трагичным (Quint. *inst.* 8, 3, 26), несмотря на то,

<sup>1</sup> В I книге «Метаморфоз» употреблено причастие от этого глагола (1, 7, 6: *mense decimo ibidem attentus nummator revortor*). Форма *attentus* также может быть причастием от глагола *attendere* (именно так её рассматривает Index Apuleianus), что в данном случае сомнительно.

<sup>2</sup> Gargantini, Luisa. *Ricerche...* P. 42.

<sup>3</sup> Nicolini, Lara. *La Novella di Carite e Tlepolemo*. Napoli: M. D'Auria Editore, 2000. P. 202. Гронингенский комментарий к «Сказке об Амуре и Психее» называет выражение *mihi ausculto* “a slightly archaizing expression”: Zimmerman M. – Panayotakis S. – Hunink V.C. – Keulen W.H. – Harrison S. J. – McCreight Th. D. – Wesseling B. – Mal-Maeder D. van. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books IV 28–35, V and VI 1–24...* P. 308.

<sup>4</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 171.

что слово часто встречается в комедии и засвидетельствовано в сатирах Луцилия и Горация. Апулей использует этот глагол, когда ссылается на авторитетов в обсуждаемом вопросе (*apol.* 4, 8: *ut Plato autumat* – о приятной наружности философа Зенона; *Soc.* 6: *ut Plato in Symposio autumat* – о роли демонов в творении знамений и передаче пророчеств; *Soc.* 16: *Plato autumat* – о том, что у каждого человека есть свой демон; *Soc.* 8: *ut geometrae autumant* – о высоте горы Олимп). В «Метаморфозах» с помощью этого глагола приводится авторитетное мнение врачей о дурном влиянии переедания и пьянства на качество сна (*Met.* 1, 18, 4) и доказывається талант прорицания Пана (*Met.* 5, 25, 5).

**aviditer** ‘жадно’ (4, 7, 3; *Apul.*, *Arnob. nat.* 5, 1, 6, *Gloss. Plac.* V 7, 19) Строго говоря, наречие *aviditer* впервые засвидетельствовано именно у Апулея. Однако это слово также встречается в трактате Арнобия «Против язычников», где автор то ли пересказывает, то ли цитирует сочинение Валерия Анциата, древнеримского историка I в. до н. э., одного из важнейших источников «Истории от основания города» Тита Ливия. Арнобий пишет о глупости античных богов и, желая привести подходящий пример, он стремится сослаться не на плоды фантазии поэтов, а на серьёзное историческое сочинение. Историю о том, как царь Нума Помпилий хитростью вынудил Юпитера изменить очистительный обряд после удара молнии, Арнобий предваряет такими словами: *in secundo Antiatis libro – ne quis forte nos aestimet concinnare per calumnias crimina – talis perscripta est fabula* (*Arnob. nat.* 5, 1, 4). В связи с тем, что наречие *aviditer* встречается в этом отрывке из сочинения Валерия Анциата, словарь L&S отмечает данное слово как доклассическое. Интересно, что и в сочинении Валерия Анциата, и в романе Апулея наречие *aviditer* употреблено в контексте невоздержанного употребления вина.

**baxeа** ‘сандалия’ (2, 28, 2; 11, 8, 3; *Pl. Men.* 391, *Apul. flor.* 9, *Dub. Nom. gramm.* 5, 572, 21, *Isid. orig.* 19, 34, 13, *Tert. idol.* 8, *pall.* 4, *Gloss.*) Согласно глоссам, слово *baxeа* обозначает женскую обувь, однако у Апулея это обычно атрибут философа или жреца (в *Met.* 2, 28, 2 такие сандалии из пальмовых

листьев носит молодой юноша, похожий на жреца Исида, в *Met.* 11, 8, 3 – некий философ, а в *flor.* 9 – сам автор). *Vaxeae* также упоминает Тертуллиан, но у него это более роскошный вид обуви.

**bellule** ‘красиво’ (5, 31, 4; 10, 16, 4; 11, 30, 2; Pl. frg. ap. Paul. Fest. p. 32 L, Pl. *Bach.* 1068 (*conj.* Leo, *codd.* veluti); Apul.) В художественной литературе кроме романа Апулея это наречие встречается только у Плавта, и то с полной уверенностью нельзя сказать, что в тексте «Вакхид» было именно *bellule* (конъектура *bellule* была сделана на основании пассажа из труда Павла Диакона: *bellule apud Plautum deminutivum adverbium est a bene, quod facit belle et bellule*). Прилагательное *bellulus* засвидетельствовано только у Плавта, причём только в женском роде (Pl. *Cas.* 848, *Mil.* 989, *Poen.* 347).

**blatero** ‘болтать’ (4, 24, 1; 8, 26, 5; 9, 10, 4; 10, 9, 2; Afran., Pacuv., Hor., Suet., Ter. Maur., Gell., Apul. *flor.* 9; *apol.* 3, 7; 34, 2, Mart. Cap., Non., Paul. Fest., Prud., Sidon., Symm., Gloss...) Исследователи отмечают просторечный характер этого слова,<sup>1</sup> которое Апулей заимствовал, по представлению Л. Каллеба,<sup>2</sup> у Афрания (Afran. *com.* 13, 195). Это одно из любимых слов Апулея, которое он использует по отношению к второстепенным героям своего романа.

**boo** ‘реветь’ (5, 29, 1; 7, 3, 4; 9, 20, 4; Enn., Pacuv., Pl., Ov., Var., Apul. *flor.* 17, Drac., Non., Paul. Fest., Ps. Fulg. Rusp., Gloss.) *Boare* – довольно редкое слово, поэтизм с архаическим оттенком.<sup>3</sup> Однако Апулей использует этот глагол для комического эффекта: так кричит Венера, распекая своего сына за дурное поведение, Луций-осёл силится сказать, что он невиновен, но может только промычать “*non non*”, обманутый муж Ареты с гневными криками врывается в спальню жены (во «Флоридах» комические коннотации отсутствуют: Апулей рассказывает, что трагические актёры при хрипоте

<sup>1</sup> Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Settels C. B. J. – Wesseling B. – Westendorp Boerma R. E. H. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book VIII...* P. 228; B/O, p. 11.

<sup>2</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 513.

<sup>3</sup> Zimmerman M. – Panayotakis S. – Hunink V.C. – Keulen W.H. – Harrison S. J. – McCreight Th. D. – Wesseling B. – Mal-Maeder D. van. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books IV 28–35, V and VI 1–24...* Pp. 333–334; *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet...* P. 131.

прибегают к крику (*flor.* 17: *boando purgant ravim*)). Возможно, такое использование этого глагола связано с народной этимологией (*Non.* p. 79: *bount dictum a boum mugitibus*), хотя применительно к людям это слово употребил уже Варрон (*Men.* 386).<sup>1</sup>

**breviculus** ‘маленький, короткий’ (1, 11, 8; 6, 25, 4; *Pl. Merc.* 639, *Fronto* p. 146, 16 N, *Apul.*; в качестве существительного (означает то же, что и *breviarium*): *Alc. Avit. epist.* 87, *Aug. retract.* 2, 39, *Rufin. apol. adv. Hier.* 2, 36) *Breviculus* – редкое прилагательное, по-видимому, заимствованное Апулеем у Плавта и, скорее всего, не лишённое оттенка просторечия.<sup>2</sup>

**calcitro** ‘лягающийся’ (8, 25, 1; *Pl. Asin.* 391, *Var. Men.* 479, *Cael. Sab. ap. Gell.* 4, 2, 3, *Apul.*, *Non.* p. 44, *Gloss.*) М. Бернхард отметил это слово как вульгаризм,<sup>3</sup> с чем не согласился Л. Каллеба:<sup>4</sup> слово *calcitro* встречается только у архаичных и архаизирующих писателей, а его употребление у Апулея похоже на сознательное заимствование из текста Варрона. У Варрона (а также у юриста Целия Сабина, процитированного Геллием) лошадь называется *mordax* и *calcitro*, а у Апулея в «Метаморфозах» глашатай, пытаясь продать Луция, расхваливает смирную натуру осла (*Met.* 8, 25, 1: “*Vervecem*” *inquit* “*non asinum vides, ad usus omnes quietum, non mordacem nec calcitronem quidem...*”).

**caleor** ‘быть горячим’ (4, 1, 1; *Pl. Capt.* 80, *Truc.* 65, *Apul.*, *Prisc.* 2, 393, 10) Присциан пишет о том, что пассивные формы глаголов вместо активных предпочитали древние, приводя в пример этот глагол: *passivas quoque pro activis vel neutralibus vocibus ex contrario idem antiquissimi proferebant...* ‘*caleor*’ *pro* ‘*caleo*’. Возможно, на использование безличного пассива Апулеем повлияли подобные случаи употребления этого глагола в комедиях Плавта.

**candidatus** ‘обелённый’ (9, 12, 4; в значении ‘одетый в белое’: *Pl. Cas.* 446, *Rud.* 270, *Suet. Aug.* 98, (*Apul.*), *Vulg.*, *Zeno...*) В классическую эпоху

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 514.

<sup>2</sup> Nicolini, Lara. *La Novella...* P. 179.

<sup>3</sup> Bernhard, Max. *Der Stil...* S. 131.

<sup>4</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 479.

слово *candidatus* обладало значением ‘домогающийся должности, претендент’, а прежде значило ‘одетый в белую одежду’ (в классическом языке *albus*). Апулей преобразует изначальное значение *candidatus*, так что в его романе рабы на мельнице «выбелены» из-за осевшей на их коже мучной пыли. При этом рабы *sordide candidati* – ‘выбелены по-грязному, окрашены в грязно-белый цвет’. У христианских писателей развивается символическое значение *candidatus* ‘белый = чистый, непорочный’.

**cantio** ‘заклинание’ (1, 10, 2; Cato, Pl., Cic., Suet., Vitruv., Fronto, Apul. *flor.* 12, Arnob., Aug., Cael. Aur., Don., Mar. Victorin., Mart. Cap., Paul. Fest., Vulg., Gloss...) *Cantio* – достаточно редкий в классической латыни синоним более распространённого *carmen* (у Цицерона *cantio* встречается только единожды, Cic. *Brut.* 217: *veneficiis et cantionibus Titiniae* “чары и колдовство Титинии”).<sup>1</sup> В постклассический период слово стало более распространённым и даже вошло в романские языки.<sup>2</sup>

**cantito** ‘петь’ (6, 6, 3; Afran., Ter., Cic., Suet., Var., Apul., Ambr., Amm., Aug., Drac., Obseq., Prisc., Sedul., Sidon., Spart., Ter. Maur.) Этот фреквентативный глагол достаточно редко встречается в латинской литературе, как до, так и после Апулея. В «Метаморфозах» этим словом описывается чириканье птиц, сопровождающих Венеру.

**caperratus** ‘сморщенный’ (9, 16, 1; Naev. *com.* 49b, Var. *Men.* 134, Apul. *Soc. praef.* 1, Auson. 335, Cael. Aur. *acut.* 2, 3, 16, Fulg. *Virg. cont.* p. 85, 17, Gloss.) Причастие *caperratus* обсуждают многие грамматикологи (Варрон, Фест, Ноний), и в большинстве случаев оно употребляется по отношению к лицу (*frons*, у Фульгенция *optutus* ‘глаза, взгляд’, у Апулея *supercilium* ‘бровь’ в «Метаморфозах» и *vela* ‘паруса’ в предисловии к трактату «О божестве Сократа»). Архаичен также редкий глагол *caperrare*, который Апулей не употребляет, но который засвидетельствован у Плавта (*Epid.* 609).

<sup>1</sup> В этимологическом словаре Эрну–Мейе слово помечено как архаическое и постклассическое: Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 167.

<sup>2</sup> Romanisches etymologisches Wörterbuch von W. Meyer-Lübke. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1911. P. 125.

**capesso** ‘идти, удаляться’ (1, 22, 5;<sup>1</sup> Pl. *Rud.* 178, Apul., Serv. *auct. Aen.* 4, 346) Глагол *capessere* без прямого дополнения в значении ‘уходить’ встречается у Апулея только один раз, Л. Каллеба считает его употребление в контексте I книги сознательным архаизмом (речь идёт о том, как Фотида уходит в дом, чтобы доложить Милону о приходе гостя).<sup>2</sup> Также в этом же значении *se capessere* засвидетельствовано в комедии: Pl. *Amph.* 262, *Asin.* 158, *Vacch.* 113, 1077, *Rud.* 172, *Titin. com.* 180.

**capulus** ‘гроб’ (4, 18, 2; 8, 13, 4; 10, 12, 2; Lucil., Nov., Pl., Lucr. (2, 1174 *conj.*), Var., Apul., Comment. *Lucan.*, Isid., Non., Paul. Fest., Schol. Hor., Schol. Iuv., Serv., Tert., Gloss.) Существительное *capulus* – одно из тех слов, чья стилистическая краска неочевидна: одни считают его вульгаризмом,<sup>3</sup> другие – архаизмом.<sup>4</sup> Л. Каллеба полагает, что этим термином пользовались в повседневности.<sup>5</sup> Тем не менее, относительная редкость использования *capulus* в этом значении в классический период может говорить о том, что Апулей заимствовал слово как архаизм (ср. также Non. p. 4: *nam sarcophagum, id est sepulcrum, capulum dici veteres volunt*). Кроме того, *capulus* может иметь значение ‘рукоять’, хорошо засвидетельствованное в классической латинской литературе и зафиксированное у Апулея.

**caupona** ‘трактирщица’ (1, 7, 7; 1, 8, 3; 1, 21, 2; Lucil. 128, Apul., Prisc. 2, 146, 12; 209, 8) Слово *caupona* может иметь два значения: ‘трактир’ и ‘трактирщица’ (Prisc. 2, 146, 12: *caupo... caupona facit quod est tam taberna quam mulier*; 209, 8: *caupona, quod significat tam ipsam tabernam quam mulierem*). В художественной литературе *caupona* ‘трактирщица’ встречается только у Луцилия и Апулея, тогда как слово *caupo* ‘трактирщик’ представлено в латинской литературе всех периодов.

<sup>1</sup> Следует отметить, что М. Циммерман в своём издании принимает конъектуру *facessit*: Apulei *Metamorphoseon libri XI* / Rec. M. Zimmerman... P. 18.

<sup>2</sup> Callebat L. *Sermo*... P. 300.

<sup>3</sup> Bernhard, Max. *Der Stil*... S. 134.

<sup>4</sup> Zimmerman M. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book X*... P. 189; Médan, Pierre. *La Latinité*... P. 171.

<sup>5</sup> Callebat L. *Sermo*... P. 44.

**causificor** ‘отговариваться, ссылаться на что-то’ (10, 9, 2; Pl. *Aul.* 755, Apul.) Так как до Апулея глагол *causificari* встречается только у Плавта, естественно предположить, что Апулей заимствовал его напрямую у комедиографа. В «Метаморфозах» мы видим *causificor* во вставной новелле о мачехе, полюбившей пасынка и решившей ему отомстить за отказ: врач, свидетель этого дела, рассказывает о визите раба этой женщины, который хотел купить яд и ссылался (*causificantem*) на то, что этот яд якобы предназначается для больного, мечтающего прекратить свои мучения. Как отмечает Л. Каллеба,<sup>1</sup> этот глагол стоит по соседству с архаичным *blaterare* и *verbero* (словом, характерным для языка комедии). Такое скопление слов из лексики архаичной комедии вполне подходит этому повествованию в жанре милетского рассказа.

**cautela** ‘осторожность’ (2, 6, 2; 5, 5, 2; Pl. *Mil.* 603, Apul., Alc. Avit., Ambr., Amm., Aug., Avell., Boeth., Cassiod., Cod. Iust., Coripp., Ennod., Gaius *dig.*, Greg. M., Greg. Tur., Hier., Iul. Val., Min. Fel., Pompon. *dig.*, Prisc., Serv., Ulp. *dig.*, Vict. Vit...) *Cautela* – одно из слов на -ela, многие из которых хорошо представлены в позднелатинской литературе. Слово зачастую употребляется как юридический термин (в значении ‘гарантия’), но и Плавт, и Апулей используют его в более широком смысле (‘осторожность’). Многие слова на -ela переосмыслились как деминутивы, что отражалось на их написании (у Плавта засвидетельствовано именно *cautella*),<sup>2</sup> возможно, именно поэтому Л. Гаргантини считает *cautela* у Апулея неологизмом.<sup>3</sup>

**cavillum / cavillus** ‘шутка’ (1, 7, 4; 2, 19, 4; Apul., Aug. *c. Iul. op. imperf.* 3, 50, Aur. Vict. *epit.* 9, 14; 9, 19; 23, 6; 23, 6, Paul. Fest. p. 40 L, Ps. Prud. *perist.* 2, 318, Gloss.) Хотя слово *cavillum* не засвидетельствовано до Апулея в мужском или среднем роде, есть основания полагать, что оно всё же воспринималось как архаизм (*cavilla* в женском роде в том же значении засвидетельствовано у

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 514.

<sup>2</sup> Dubova, Svetlana S. *Turbela* in Apuleius' Novel // *Philologia Classica* 13, 2 (2018). Pp. 221–222.

<sup>3</sup> Gargantini, Luisa. *Ricerche...* P. 35.



Плавта и позже: Pl. *Aul.* 638, Mart. Cap. 4, 423, Gloss. Plac. V 14, 41). Возможно, Апулей заимствовал это существительное у Плавта, поменяв на форму другого рода в целях благозвучия (*Met.* 1, 7, 4: *Iam adlubentia proclivis est sermonis et ioci et scitum etiam cavillum, iam dicacitas timida, cum ille imo de pectore cruciabilem suspirium ducens dextra saevientem frontem replaudens*; в *Met.* 2, 19, 4 Д. ван Маль-Медер отмечает благозвучное соответствие слову *risus*, обеспеченное за счёт употребления *cavillum* в мужском роде: *iam risus adfluens et ioci liberales et cavillus hinc inde*).<sup>1</sup>

**cernuo** ‘падать вниз головой’ (1, 19, 10; Var. ap. Non. p. 21, Fronto p. 208 N, Apul., Iul. Val. 1, 12; 2, 27, Prud. c. *Symm.* 1, 350, Sol. 17, 7; 45, 13, Gloss.) Глагол *cernuare* появляется в контексте последних мгновений жизни Сократа: когда он наклоняется к реке попить, на его шее открывается рана, нанесённая колдуньей Мероей предыдущей ночью, и он чуть не падает замертво в воду (*corpus exanimatum in flumen paene cernuat*). Как архаизм слово помечают Р. Мараш и Р. Мэй.<sup>2</sup> Очень редким является также прилагательное *cernuus* ‘падающий вниз головой’ (Lucil. 703, Verg. *Aen.* 10, 892, также засвидетельствовано в глоссах и сочинениях поздних авторов).

**cibatus** ‘еда’ (1, 18, 7; 1, 24, 3; 9, 5, 5; Pl., Lucr., Plin. *nat.*, Var., Gell., Apul. *Plat.* 1, 16, Chalc., Fest., Lact., Macr., Marcell. *med.*, Nemes., Sol., Gloss.) Хотя слово *cibatus* до Апулея засвидетельствовано у очень небольшого числа авторов, большинство из которых следует считать архаичными, по-видимому, оно звучало достаточно буднично и принадлежало *sermo cotidianus*.<sup>3</sup> Об этом может говорить большое количество упоминаний этого слова в трактате Варрона «Сельское хозяйство (7 раз) и в «Естественной истории» Плиния

<sup>1</sup> Mal-Maeder D. van. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Livre II...* P. 291.

<sup>2</sup> Marache, René. *Mots nouveaux et mots archaïques chez Fronton et Aulu-Gelle.* Rennes, 1956. P. 61; May, Regine. *Apuleius. Metamorphoses...* P. 188.

<sup>3</sup> По-видимому, с этим не согласен Л. Каллеба, так как он не рассматривает это слово в своём труде о повседневной лексике в романе «Метаморфозы» (Callebat, L. *Sermo cotidianus dans les Metamorphoses d'Apulee.* Caen: Association des Publications de la Faculté des Lettres et Sciences Humaines de l'Université de Caen, 1968).

Старшего (6 раз). И Варрон, и Плиний чаще используют это слово, говоря о пище для животных, но у Апулея это исключительно человеческая еда.<sup>1</sup>

**circumcirca** ‘вокруг’ (11, 3, 5; Cato, Pl., Sulp. Ruf. (Cic. *epist.* 4, 5, 4), B. Hisp., Apul., Aug., Cledon., Don., Fulg., Iord., Prisc., Serv., Gloss. Plac....) *Circumcirca* – редкое для классической латыни наречие. Апулей использует его при описании одеяния Исиды: её чёрный плащ (*palla*) обёрнут вокруг (*circumcirca*) её тела и протянут под правой рукой к левому плечу.

**comperco/comparco** ‘щадить’ (9, 36, 5 *conj.*; Pl. *Poen.* 350, Ter. *Phorm.* 44, Turpil. *com.* 145, Apul., Fronto p. 216, 6 N, Char. *gramm.*, Eugraph., Macr., Non., Paneg., Paul. Fest., Ps. Sol., Schol. Ter., Gloss.) В латинской литературе глагол *compercere* имеет несколько значений: ‘собрать, накопить’ (таково значение глагола, например, у Теренция, где раб Гета откладывает деньги из жалованья), ‘прекращать, воздерживаться от чего-либо’ (например, в комедии Плавта «Пуниец», где Адельфасия просит Агорастокла её не трогать: *comperce amabo te attractare*), и, наконец ‘щадить’ (только Апулей использует глагол *compercere* в том же значении, что и бесприставочный *parcere*). В романе Апулея этот глагол используется по отношению к псам, терзающим людей и не дающим пощады даже спасающимся бегством. *Compercunt* в тексте «Метаморфоз» – это конъектура Ф. Роальда (в издании Ф. Удендорпа) вместо рукописного *compescunt* (ср. Paul. Fest. p. 52 L: *comparsit Terentius pro compescuit posuit*; Paul. Fest. p. 52 L: *comperce pro compesce dixerunt antiqui*).

**complaceo** ‘нравиться’ (4, 32, 4; 5, 9, 2; Pl., Ter., Col., Eleg. *in Maecen.*, Gell., Apul. *Plat.* 2, 22, *apol.* 15, 5, Ps. Apul. *Ascl.* 11, Ambr., Arnob., Aug., Auson., Cod. Theod., Fulg., Heges., Hier., Itala, Macr., Mart. Cap., Rufin., Sedul., Sol., Sulp. Sev., Symm., Tert., Vulg., Gloss...) Глагол *complacere* достаточно часто встречается в поздней латинской литературе, однако до Апулея его

<sup>1</sup> У. Койлен в своём комментарии к I книге также ссылается на не дошедшее до нас сочинение Апулея «Гермагор» (Prisc. 2, 528: *et cibatum, quem iucundum esse nobis animadverterant, eum adposiverunt*), фрагментарность которого не позволяет выяснить, кому в данной ситуации предлагается пища: Keulen W. H. Apuleius, *Metamorphoses*. Book I... P. 337.

избегали авторы классического периода (*complacere* засвидетельствован в основном в комедии). Во II в. н. э. он вновь обретает популярность в сочинениях Апулея (4 случая употребления) и Геллия (3 случая).

**compotio** ‘привлекать к участию’ (11, 22, 2 *conj.*; Pl. *Rud.* 205, 911, Apul. *Soc. prol.* 4, Paul. Nol. *epist.* 5, 2; 17, 1, Tert. *adv. Val.* 11) Рукопись *F* в этом месте даёт чтение *competeret*, но все современные издания принимают конъектуру Ю. Липсия *compotiret*. Апулей использует этот глагол дважды, и оба раза с родительным падежом (*Met.* 11, 22, 2: *advenisse diem... quo me maximi voti compotiret* (речь идёт о дне посвящения Луция в жрецы Исиды); *Soc. prol.* 4: *corvus... praedae... inductricem compotivit*), тогда как у Плавта дополнение стоит в аблативе (*Rud.* 205: *solis locis compotita sum*, *Rud.* 911: *horiae, quae... piscatu novo me uberi compotivit*). Тертуллиан сохраняет то же управление глагола, что и у Апулея.

**concinno** ‘прилаживать’ (3, 13, 5; 5, 27, 1; 6, 24, 3; 7, 11, 3; 7, 20, 4; 7, 26, 3; 8, 12, 1; 10, 13, 3; Afran., Cato, Naev. ap. Non., Pl., Col., Lucr., Petr., Plin. *nat.*, Sen., Trebon. ap. Cic., Vitruv., Gell., Apul., Amm., Arnob., Auson., Cod. Theod., Hier., Lact., Mart. Cap., Min. Fel., Sidon., Tert., Vulg., Gloss...) Очевидно, что данное слово существовало во все периоды развития латинской литературы, однако избегалось писателями классического периода. Оно считается излюбленным словом Плавта и Апулея.<sup>1</sup>

**condecet** ‘подобает’ (6, 9, 2; Pompon., Pl., Turp., Apul., Aug., Avell., *Carm. epigr.*, Cod. Theod., Faust., Fulg., Greg. Tur., Hier., Symm., Tert., Ven. Fort., Vulg...) До Апулея этот глагол засвидетельствован только у комических поэтов. В «Метаморфозах» он встречается один раз, в реплике Венеры, когда она порицает пришедшую к ней Психею. Венера – такой персонаж, в речи которого нередко встречаются архаические слова (зачастую это элементы

<sup>1</sup> Paardt R. T., van der. L. Apuleius Madaurensis the Metamorphoses. A Commentary on Book III. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1971. P. 105; Zimmerman M. – Panayotakis S. – Hunink V.C. – Keulen W.H. – Harrison S. J. – McCreight Th. D. – Wesseling B. – Mal-Maeder D. van. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books IV 28–35, V and VI 1–24... P. 551.

юридической лексики или заимствования из языка комедии).<sup>1</sup> Например, в этом же предложении (*Met.* 6, 9, 2: *Sed esto segura, iam enim excipiam te ut bonam nulum condecet*) Венера пользуется архаичным императивом *esto*. Такие формы повелительного наклонения будущего времени обычно встречаются в юридических и комических текстах,<sup>2</sup> а в «Сказке об Амуре и Психее» ими пользуются исключительно боги и говорящая башня.

**condigne** ‘достойно, подобающе’ (7, 9, 6; 11, 25, 7; Pl., Aur. Fronto, Gell., Apul., Aug., Cassian., Char. *gramm.*, Cod. Theod., Fulg., Greg. Tur., Novatian., Fulg. Rusp., Zeno...) Наречие *condigne* не единожды встречается у Плавта (засвидетельствовано 6 раз), возможно, именно у этого автора его заимствовал Апулей (хотя наречие в целом переживает определённый «расцвет» во II в. н. э.: им дважды пользуется Геллий и один раз Марк Аврелий в письме своему учителю Фронту). В XI книге Апулей употребляет *condigne* с аблативом: «в соответствии с такими благодеяниями» (*Met.* 11, 25, 7: *veniam postulabam, quod eum condigne tantis beneficiis munerari nequirem*), что является очень редкой конструкцией: до Апулея она засвидетельствована только в Pl. *Cas.* 131, после – Ps. Aug. *serm.* 290, 2. Возможно, такое употребление является чертой разговорной латыни и основывается на том, что прилагательное *condignus* требует при себе отложительного падежа.<sup>3</sup>

**condignus** ‘достойный’ (7, 14, 2; 7, 22, 2; 10, 12, 5; Pl., Ps. Quint., Gell., Apul., Ambr., Arnob., Aug., Cassiod., Cod. Iust., Cod. Theod., Cypr., Fulg., Gaudent., Greg. Tur., Hier., Itala, Novatian., Paul. Nol., Porphyry., Prud., Rufin., Fulg. Rusp., Tert., Vulg., Zeno...) Л. Николлини считает *condignus* плавтовским словом, заимствованным Апулеем у этого комедиографа.<sup>4</sup> Интересно, что дважды Апулей использует *condignus* с дательным падежом (*Met.* 7, 14, 2:

<sup>1</sup> Dubova, Svetlana. Apuleius' Venus and Speech Characterization // *Hyperboreus* 26, 2 (2020). Pp. 308–319.

<sup>2</sup> Hofmann J. B., Szantyr A. *Lateinische Syntax und Stilistik*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1972. S. 340–341.

<sup>3</sup> Keulen W. H. – Tilg. S. – Nicolini L. – Graverini L. – Harrison S. J. – Panayotakis S. – Mal-Maeder D. van. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book XI...* P. 441.

<sup>4</sup> Nicolini, Lara. *La Novella...* P. 249.

*condignas Photidi diras devotiones; Met. 10, 12, 5: providentiae divinae condignum accepit exitum*), хотя обычно это прилагательное требует аблатива.

**conducibilis** ‘подходящий’ (7, 9, 6; Pl. *Bacch. 52, Cist. 78, Epid. 256, 260, 393, Trin. 25, 36, Rhet. Her. 2, 14, 21, Apul., Aug. c. Faust. 16, 4, trin. 12, 2, 2, Avell. p. 53, 6, Cael. Aur. chron. 2, 13, 164, acut. 2, 19, 114; 3, 8, 85, Cod. Theod. 5, 13, 30; 11, 5, 3; 15, 3, 4; Heges. 3, 19, Sidon. epist. 1, 5, 10; 4, 8, 2, Zacch. 1, 37; 2, 1, Gloss.*) Прилагательным *conducibilis* называет своё предложение Тлеподем в конце речи, обращённой к разбойникам, в которой он убеждает их не подвергать ужасной смерти Хариту и Луция-осла, а продать девушку своднику. Возможно, Апулей заимствовал это прилагательное у Плавта.

**confoveo** ‘уделять внимание’ (8, 7, 6; Afran., Apul., Alc. Avit., Ambrosiast., Aug., Avell., Cassian., Chalc., Cod. Theod., Hier., Hil., Isid., Leo M., Paul. Fest., Paul. Nol., Prud., Ps. Ambr., Ps. Rufin., Sidon., Ven. Fort., Vulg., Gloss...) Глагол *confovere* хорошо засвидетельствован в поздней латинской литературе, но до Апулея мы видим его только в одном контексте (Afran. *com. 143*). В «Метаморфозах» с помощью этого глагола описывается, как Тразилл заставляет Хариту взять себя в руки после смерти Тлеподема, умыться и поесть: *extorquet tandem iam lure et inlucie paene conlapsa membra lavacro, cibo denique confoveret* (*Met. 8, 7, 6*).

**congermanesco** ‘соединяться’ (2, 10, 4; *Quadrig. hist. 93* (Non. p. 90), Apul., Gloss. IV 41, 5; V 639, 46) Причастие *congermanescens* в романе Апулея относится к Фотиде, которая страстно целует Луция (*Met. 2, 10, 4: aemula libidine in amoris parilitatem congermanescenti tecum*). Насколько можно судить по дошедшей до нас литературе, этот глагол использовался крайне редко, возможно даже, что Апулей прямо заимствовал его у Клавдия Квадригария. Квадригарий был одним из самых любимых архаичных поэтов во II в. н. э., Геллий приводит множество цитат из этого автора. К сожалению, фрагментарность его «Анналов» не позволяет выяснить контекст, но жанр этого труда и цитата, которую сохранил Ноний (Non. p. 90: *facite exempla eorum, ut vos cum illis congermanescere sciatur*) наводят на мысль о значении

вступления в некий союз, вероятно, на фоне военных действий (Ноний поясняет значение словами *coalescere, coniungi vel consociari*). Возможно, Апулей воспринимал этот глагол как военный термин. Сравнение любовных утех с битвами не ново для латинской литературы и обыгрывается также и в данном эпизоде «Метаморфоз» (по соседству с *congermanescere* можно обнаружить такие слова, как *aemulus* ‘соперничающий’, *occursare* ‘совершать набег’, *mancipare* ‘сдавать’, *proeliari* ‘сражаться’). Глагол *congermanescere* образован от прилагательного *germanus* ‘истинный, единокровный, братский’.<sup>1</sup> Д. ван Маль-Медер предполагает, что употребление этого глагола связано здесь с эпизодом из «Любовных элегий» Овидия (2, 5, 23: *inproba tum vero iungentes oscula vidi... qualia non fratri tulerit germana severo*).<sup>2</sup>

**congruus** ‘соответствующий’ (6, 23, 4; 7, 1, 5; Pl., Apul. *Plat.* 2, 13, Anth., Amm., Arator, Aug., Avien., Cens., Chalc., Cod. Theod., Cypr., Fulg. Rusp., Greg. Tur., Hier., Hil., Itala, Iul. Val., Pallad., Papin. *dig.*, Ps. Origen., Vulg., Gloss...) В латинском языке вместо прилагательного *congruus* обычно используется причастие *congruens* с тем же значением. Тем не менее, после Плавта и Апулея (на которых приходится всего 4 случая употребления) это прилагательное достаточно часто появляется в текстах различных христианских писателей. И в комедии Плавта «Хвастливый воин», и в труде Апулея «О Платоне и его учении» *congruus* управляет дательным падежом (Pl. *Mil.* 1116: *cum illa sane congruos sermo tibi*; Apul. *Plat.* 2, 13: *necessitudinum et liberorum amor naturae congruus est*). Интересно, что в «Сказке об Амуре и Психее» *congruus* встречается в речи Юпитера, которая начинает пестрить архаизмами тогда, когда он обращается к Венере:<sup>3</sup> он завершает своё выступление словами о том, что сделает брак между Амуром и Психеей *legitimas et iure civili congruas* ‘законным и соответствующим гражданскому праву’. Форма *iure* в этом контексте представляет собой архаический датив

<sup>1</sup> Ср. перевод этого контекста «Метаморфоз», выполненный М. А. Кузминым: «И вот она уже соревнуется со мною в страсти и равную степень любви по-братски разделяет» (Апулей. Золотой осёл... С. 45).

<sup>2</sup> Mal-Maeder D. van. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Livre II... P. 189.

<sup>3</sup> Dubova, Svetlana. Apuleius' Venus... P. 315.

(Апулей также использует формы *luctu* и *habitu* – поэтические дативы с архаическим оттенком – при употреблении причастия *congruens* в *Met.* 4, 33, 3 и глагола *congruere* в *Met.* 11, 15, 4).

**conrado** ‘наскрести, накопить’ (7, 8, 2; 8, 28, 6; 9, 8, 5; 10, 19, 2; 11, 28, 3; *Pl.*, *Ter.*, *Lucr.*, *Var.*, *Apul.*, *Cael. Aur.*, *Cels. dig.*, *Eugraph.*, *Lact.*, *Marcell. chron.*, *Mart. Cap.*, *Oros.*, *Ulp. dig.*) Глагол *corradere* ‘соскабливать’ встречается в разных жанрах, но можно отметить, что он характерен для языка комедии (по мнению Л. Каллеба, Апулей мог воспользоваться им под влиянием Плавта или Теренция).<sup>1</sup> У комедиографов он обычно употребляется в контексте собирания денег, в этом же значении этот глагол использует и Апулей.

**conspondeo** ‘взаимно обязаться’ (5, 14, 1; *Corp.* X 104 (SC de Bacch.), *Naev. com.* 133a, *Var. ling.* 6, 69, *Apul.*, *Auson.* 399, 11, *Itala Ruth* 1, 15 (*Ambr. in Luc.* 3, 31), *Paul. Fest.* p. 36 L, *Gloss.*) *Conspondere* – архаизм (ср. *Paul. Fest.* p. 36 L: *consposos antiqui dicebant fide mutua conligatos*), который практически не засвидетельствован в латинской литературе после Апулея. В «Метаморфозах» причастие *consponsus* относится к преступному заговору сестёр Психеи (*Met.* 5, 14, 1: *iugum sororium consponsae factionis*).

**continor** ‘встречать, настигать’ (1, 24, 5; 5, 31, 1; 6, 18, 4; 7, 25, 7; 11, 22, 4; *Sis. hist.* 125 (Non. p. 93), *Apul.*, *Claud. Mam. anim.* p. 190, 1, *Paneg.* 12, 36, *Itin.* *Alex.* 6, *Iul. Val.* 2, 27 (cod. P), *Symm. epist.* 1, 53, 2; 4, 44, *Gloss.* *Plac.*) Встречается также вариант написания *continuor* (например, у Нония в приведённой цитате Сизенны). Сложно сказать, есть ли разница между *continari* и *continuari*: возможно, *continuari* – лишь испорченная форма под влиянием неродственного прилагательного *continuus*,<sup>2</sup> но с точки зрения А. Кисслинга это пассивная форма глагола *continuaré*.<sup>3</sup> В любом случае, в романе Апулея во всех приведённых выше случаях используется один и тот же глагол со значением ‘встречать’, хотя в различных изданиях написание

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 514.

<sup>2</sup> *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet...* P. 250.

<sup>3</sup> Kiessling A. *Coniectaneorum spicilegium, I. Index scholarum*, Gryphiswaldiae: Typis Frid. Gvil. Kvnike, 1883. Pp. 3–5. Помимо не всегда очевидной разницы в значении, глаголы имеют разное управление: *continari* управляет прямым дополнением в винительном падеже, а пассивная форма *continuari* употребляется с дательным падежом.

может отличаться в зависимости от того, как строго издатель придерживается текста *F* (важно отметить, что в *Met.* 11, 6, 2 рукопись даёт чтение *continuare*, которое сохраняют большинство издателей; издание М. Циммерман 2012 года предпочитает чтение *continare*).

**contrunco** ‘съесть’ (1, 4, 1; 6, 31, 1; 9, 13, 2; Pl. *Bacch.* 975, *Stich.* 554, Apul., Amm. 17, 10, 6; 19, 9, 2; 29, 5, 31; 31, 10, 19, Lampr. *Alex.* 61, 6, Not. Tir. 90, 80, 103, 68b) Первоначальное значение глагола – ‘рассекать, разрубать’ (именно такое значение он имеет у Плавта в «Вакхидах»), но уже Плавт использовал *contruncare* применительно к еде (Pl. *Stich.* 554: *meum ne contruncet cibum*). Апулей во всех трёх случаях употребляет глагол во втором значении, хотя в I книге можно отчётливо распознать и первое: Луций рассказывает историю о том, как он чуть не подавился сырным пирогом, не измельчив кусок до подходящего размера (*Met.* 1, 4, 1: *offulam grandiorem... contruncare gestio*). И редкость этого глагола, и комичность данного эпизода говорят о возможности его заимствования у Плавта.<sup>1</sup> Позднейшие авторы употребляют *contruncare* в первоначальном значении.

**cordatus** ‘благоразумный’ (5, 31, 5: Enn. *ann.* 331 (ap. Cic.), Sen. *apocol.* 12, Fronto p. 87, 14 N, Apul., Aug., Facund., Firm., Lact., Pass. Paul., Vulg., Gloss.) По-видимому, прилагательное *cordatus* у античных писателей ассоциировалось с Эннием: его трижды цитирует Цицерон в «Тускуланских беседах», в трактатах «О государстве» и «Об ораторе» (Cic. *Tusc.* 1, 9, 18, *Rep.* 1, 30, *De Orat.* 1, 198: *egregie cordatus homo, catus Aelius Sextus*), *cordatus homo* называется Клавдий у Сенеки (Sen. *apocol.* 12). Апулей иронично называет Венеру *cordata mulier*, хотя такой эпитет не соответствует её образу спесивой и мстительной богини в «Сказке об Амуре и Психее». Можно также отметить архаичное наречие *cordate*, не засвидетельствованное у Апулея, но дважды встречающееся у Плавта (Pl. *Mil.* 1088, *Poen.* 131).

---

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 514.



**cordolium** ‘душевная скорбь’ (9, 21, 2; Pl. *Cist.* 65, *Poen.* 299, Apul.) Так как кроме произведений Плавта и Апулея слово *cordolium* больше нигде не засвидетельствовано, можно предполагать, что Апулей с большой вероятностью заимствовал эту лексему у комедиографа. Кроме того, в «Метаморфозах» словом *cordolium* обозначаются чувства рогатого мужа, когда он находит под кроватью сандалии Филезитера, любовника своей жены. Вполне возможно, что Апулей, описывая комичную сцену, захотел прибегнуть к лексике известного комедиографа. Несмотря на свою редкость, это существительное выжило в романских языках: ит. *cordoglio*, исп. *cordojo*.<sup>1</sup>

**corpulentus** ‘дородный’ (7, 23, 2; 8, 26, 5; Enn., Pl., Col., Quint., Gell., Apul., Ps. Apul. *Ascl.*, Aug., Cael. Aur., Cassian., Cassiod., Claud. Mam., Hier., Isid., Macr., Mart. Cap., Sidon., Tert., Vulg., Gloss...) Как предполагает Л. Каллеба, Апулей использовал прилагательное *corpulentus* из-за оттенка, присущего плавтовской лексике.<sup>2</sup> Судя по словарю Феста, слово *corpulentus* также фигурировало в каком-то неизвестном фрагменте Энния (Paul. Fest. p. 54 L: *corpulentis Ennius pro magnis dixit; nos corpulentum dicimus corporis obesi hominem*). У позднейших авторов *corpulentus* может употребляться в значении *corporalis*.

**cossim** ‘сидя на корточках’ (3, 1, 2; Pompon. *Atell.* 129, Var. *Men.* 471 (Non. p. 40), Apul.) Редкое наречие *cossim* описывает положение, в котором Луций плакал, вспоминая своё убийство винных бурдюков (которых он тогда считал людьми) и опасаясь суда за это преступление. Как отмечает Л. Каллеба, Апулей, по-видимому, воспользовался этим наречием как древним и выразительным словом, хотя оно и является просторечным.<sup>3</sup>

**crumina** ‘кошелёк’ (2, 13, 4; Pl., Labeo (ap. Gell.), Hor., Iuv., Apul. *apol.* 42, 7, Non., Paul. Fest., Prud., Ps. *Ascon.*, Schol. Iuv, Gloss.) *Crumina* – довольно

<sup>1</sup> Romanisches etymologisches Wörterbuch von W. Meyer-Lübke... S. 176.

<sup>2</sup> Callebat L. *Sermo*... P. 509.

<sup>3</sup> *ibid.*, p. 476. Многие исследователи считают наречие *cossim* родственным глаголу *conquinisco* ‘склоняться’ (Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 262; Lateinisches Etymologisches Wörterbuch von A. Walde und J. B. Hofmann... P. 283.), но возможна также связь с существительным *coxa* ‘бедро’ (Vaas, Michiel de. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden, Boston: Brill, 2008. P. 140).

редкое существительное, в основном засвидетельствованное в комедиях Плавта (16 случаев). Гораций и Ювенал употребляют *crumina* в переносном значении ('деньги, состояние'), тогда как в большинстве случаев в латинской литературе это слово обозначает нечто вроде маленькой сумки. Ноний (р. 78) отмечает древность этого слова: *bulga est folliculus omnis, quam et cruminam veteres appellarent*).<sup>1</sup>

**cuiatis** 'откуда родом?' (1, 5, 3; 1, 21, 4; 5, 19, 2; 8, 24, 3; Асс., Енн., Пл., Циц. *Tusc.*, Лив., Вал. Мах., Гелл., Апул., Серв.) OLD отмечает, что именительный падеж единственного числа местоимения *cuiatis* засвидетельствован только у доклассических писателей и Апулея.<sup>2</sup> В «Метаморфозах» это слово обычно встречается в репликах персонажей (например, так о себе заявляет Аристомен перед удивительным рассказом о товарище Сократе и колдунье Мерое, а также так жалуется сёстрам Психея, что не знает ничего о своём супруге). Как отмечает Л. Каллеба, при употреблении этого местоимения Апулей мог подражать языку древних комедиографов,<sup>3</sup> хотя, по-видимому, слово *cuiatis* воспринималось именно как архаизм, а не как слово, характерное для античной комедии.

**cuius** 'чей' (5, 15, 3; Cato, Пл., Рет. Нер., Тер., Циц., Верг., Гелл., Апул. *apol.* 3, 5) Как отмечает Ж. Марузо, это вопросительно-относительное местоимение могло восприниматься и как архаизм, и как провинциализм:<sup>4</sup> как архаизм мы видим его у Цицерона в юридических формулах (Циц. *Verr.* 2, 1, 142: *ut optima condicione sit is cuius res sit, cuius periculum*; 2, 3, 16: *ne is redimeret cuius res esset*; 2, 3, 68: *cuius res erat*), как провинциализм – у Вергилия (Верг. *Ecl.* 3, 1) в речи пастуха Меналка. Так как *cuius* достаточно часто употреблялось в комедии, Л. Каллеба считает, что Апулей таким образом подражал языку Теренция и Плавта.<sup>5</sup> В «Метаморфозах» с помощью этого местоимения

<sup>1</sup> А. Уотсон также подозревает, что слово *crumina* может быть архаизмом: Watson, Alan. The Development of the Praetor's Edict // The Journal of Roman Studies, Vol. 60, 1 (November, 1970). P. 112.

<sup>2</sup> OLD, p. 465.

<sup>3</sup> Callebat L. Sermo... P. 492.

<sup>4</sup> Marouzeau J. Traité... P. 172.

<sup>5</sup> Callebat L. Sermo... P. 492.

Апулей описывает, как сёстры Психеи допрашивали её про её таинственного мужа (Apul. *Met.* 5, 15, 3: *qualis ei maritus et unde natalium, secta cuia proveniret*). Употребление Апулеем этого местоимения в «Апологии» показывает, что автор скорее воспринимал его как архаизм, а не провинциализм: он говорит о своей великой задаче оратора и философа защитить авторитет самой философии, а для такой цели скорее подходит величественность архаичной лексики (Apul. *apol.* 3, 5: *Sustineo enim non modo meam, verum etiam philosophiae defensionem, cuia magnitudo vel minimam reprehensionem pro maximo crimine aspernatur*).

**curriculo** ‘бегом’ (10, 9, 4; Pl. *Epid.* 14, *Mil.* 523, 525, *Most.* 362, 929, *Persa* 199, *Rud.* 798, 855, *frg. inc.* 4, Ter. *Haut.* 733, Gell. 17, 8, 8, Apul. *apol.* 63, 4, *flor.* 21, Paul. *Fest.* p. 42 L, Gloss. Plac.) Хотя существительное *curriculum* не обладает никаким специфическим стилистическим оттенком, адвербиальное употребление аблатива *curriculo* несколько раз встречается в античной комедии, но вновь засвидетельствовано только уже у архаизаторов Геллия и Апулея. В словаре Феста *curriculo* поясняется более распространённым наречием (Paul. *Fest.* p. 42 L: *curriculo pro cursim ponebant*).

**custodela** ‘охрана’ (2, 22, 1; 7, 13, 7; 9, 1, 4; 9, 17, 1; 9, 17, 3; 10, 14, 3; Pl. *Capt.* 457, *Merc.* 233, *Most.* 406, *Rud.* 625, 696, Apul., Gaius *inst.* 2, 104, Paul. *Fest.* p. 44 L, Prisc. 2, 120, 8) *Custodela* – архаическое слово, засвидетельствованное в латинской литературе, начиная с Плавта (хотя у Плавта все случаи употребления являются результатом конъектур). О древности этого слова упоминает словарь Феста (Paul. *Fest.* p. 44 L: *custodelam dicebant antiqui, quam nunc dicimus custodiam*). Апулей, по-видимому, испытывал определённую симпатию к словам на -ela (у него также засвидетельствованы столь же редкие слова *cautela*, *suadela*, *turbela*), возможно, именно из-за их архаической окраски.

**dapsilis** ‘обильный’ (11, 3, 3; Pl. *Aul.* 167, *Most.* 982, *Pseud.* 396, 1266, Col. 3, 2, 27; 4, 27, 6, Apul., Dares 12, 13, Iul. Val. 1, 4; 1, 39; 2, 29; 3, 18, Not. Tir. 41, 28, Primas *in apoc.* p. 849d, Roman. Char. *gramm.* 1, 127, 7, Gloss.) *Dapsilis* –

редкое прилагательное, употреблённое Апулеем для характеристики дара красноречия (*dapsilem copiam elocutilis facundiae*). П. Медан отмечает его как слово, принадлежащее разговорному языку,<sup>1</sup> тогда как словарь Эрну–Мейе описывает его как архаичную лексему.<sup>2</sup> Так как до Апулея слово несколько раз засвидетельствовано у Плавта и его определённо избегали писатели классического периода, можно предположить, что Апулей заимствовал его у этого комедиографа. Кроме того, дериваты *dapsile* и *dapsiliter* также засвидетельствованы в произведениях сатирического и комического жанров античного периода (*dapsile* – Lucil., Pompon., а также Suet.; *dapsiliter* – Naev. com.). Тем не менее, контекст романа «Метаморфозы» не предполагает атмосферы комедии (дар красноречия необходим Луцию для описания явления Исиды, и этот эпизод скорее пропитан религиозным благоговением).

**deascio** ‘срезать’ (2, 15, 6; Pl. *Mil.* 884, Apul., Prud. *perist.* 10, 381, CIL VI 24799, XIV 1153) Плавт использует глагол *deasciare* метафорически, в значении ‘обмануть, обобрать’, а в остальных случаях этот глагол значит ‘срезать, сглаживать’ (у Апулея причастие от этого глагола употребляется для обозначения широко прорубленного отверстия сосуда). Так как слово *deasciare* редко встречается в латинской литературе, его употребление у Апулея, как это часто бывает, связывают со склонностью этого автора заимствовать лексику у Плавта.<sup>3</sup>

**decipulum** ‘ловушка’ (8, 5, 2; 10, 24, 5; Laev. *poet.*, Apul. *flor.* 18, Aug., Mart. *Cap.*, Sidon., Gloss.) В латинском языке существует 2 формы этого слова: *decipulum* среднего рода и более позднее *decipula* женского рода. Буквально это существительное обозначает силок для ловли птиц, но уже у Левия (слова которого передаёт Фронто) *decipulum* употребляется в переносном значении (‘коварный приём, софизм’).<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Médan, Pierre. *La Latinité...* P. 176.

<sup>2</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 293.

<sup>3</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 483.

<sup>4</sup> Его архаичное звучание для Апулея предполагает В. Хуинк: Apuleius of Madauros. Florida / Ed. with a commentary by Vincent Hunink. Amsterdam: J. C. Gieben, 2001. P. 188.

**defaeco** ‘очищать’ (9, 22, 3; Pl., Col., Frontin., Plin. *nat.*, Apul., Ambr., Cassiod., Chalc., Fulg., Hier., Macr., Non., Paul. Nol., Prud., Rufin., Serv., Sidon., Symm., Tert., Ven. Fort., Vulg., Gloss...) Глагол *defaecare* засвидетельствован ещё в комедиях Плавта, но авторы классического периода его избегали. В сочинениях более позднего периода он встречается нередко. В «Метаморфозах» глагол *defaecare* используется в контексте процеживания вина (как и у Колумеллы и Плиния Старшего).

**defraudo** ‘обманывать’ (4, 25, 5; 9, 28, 3; Cato, Lucil., Pl., Ter., Cic., Petr., Plin. *nat.*, Var., Fronto, Apul. *apol.* 82, 8, Ambr., Amm., Auson., Avian., Cassian., Cod. Iust., Ennod., Non., Paul. *dig.*, Paul. Nol., Porph., Sidon., Symm., Tert., Ven. Fort., Vulg., Gloss...) Глагол *defraudare* засвидетельствован у нескольких писателей архаического периода, а также нередко встречается в произведениях авторов постклассического периода. Из числа классических авторов этим глаголом пользуется только Цицерон, причём, как отмечает словарь L&S,<sup>1</sup> только в провербиальных выражениях (Cic. *Orat.* 221: *ne brevitatis defraudasse auris videatur*; *Fam.* 7, 10, 2: *antea ne andabata quidem defraudare poteramus* (фраза должна была выглядеть шутливо, непосредственно после неё Цицерон останавливает себя: *sed iam satis iocati sumus*)).

**dehortor** ‘отговаривать’ (4, 20, 7; Cato, Enn., Pl., Rhet. Her., Ter., Cic., Nep., Quint., Sall., Sen., Tac., Gell., Apul. *apol.* 76, 3, Amm., Aug., Auson., Mar. Victorin., Prisc., Ps. Rufin., Rufin., Schol. Hor., Tert.) По мнению П. Медана, глагол *dehortor* архаичен.<sup>2</sup> Хотя он действительно редко встречается в произведениях классических авторов, вряд ли его можно назвать совсем устаревшим ко времени Апулея.

**deiero** ‘клясться’ (1, 5, 1; 1, 10, 4; 6, 15, 4; 7, 25, 7; 9, 17, 4; 9, 21, 6; 10, 15, 1; Lucil., Pl., Ter., Mela, Nep., Suet., Var., Gell., Apul., Amm., Aug., Claud. Mam., Don., Eugraph., Hier., Isid., Itala, Lact., Non., Paul. Nol., Vulg., Gloss...)

<sup>1</sup> L&S, p. 532.

<sup>2</sup> Médan, Pierre. *La Latinité...* P. 178.

Интересно, что в X книге Апулей использует глагол *deierare* в качестве отложительного, по поводу чего П. Флобер ставит вопрос, употребляет ли Апулей *deieror* как архаизм или как «псевдо-архаизм».<sup>1</sup> К сожалению, других подобных случаев не засвидетельствовано, поэтому мы не можем с уверенностью утверждать, что отложительная форма этого глагола существовала в доклассической латыни. Так как и в активной форме этот глагол имеет архаический оттенок,<sup>2</sup> сомнительно, чтобы Апулей использовал его в отложительной форме именно по этой причине, как «псевдо-архаизм».

**demuto** ‘изменять’ (1, 13, 6; Pl., Cato, Tac., Gell., Apul. *apol.* 16, 7, *flor.* 16, Cael. Aur., Chiron, Chromat., Facund., Greg. M., Hil., Hyd., Iord., Iren., Isid., Itala, Iul. Val., Paul. Nol., Phoc., Prob. *Verg.*, Rufin., Sulp. Sev., Tert., Zeno, Vindic.) Хотя глагол *demutare* хорошо засвидетельствован в постклассической латинской литературе, писатели классического периода его не употребляют. Тем не менее, его значение определённо было прозрачным для слушателей Апулея, поэтому он свободно использует его в сочинениях разных жанров. Если этот глагол действительно воспринимался им как архаизм, то его употребление как нельзя лучше соответствует контексту: в «Метаморфозах» колдунья Мероя осуществляет некий обряд над бывшим любовником Сократом и вынимает его сердце, «чтобы ничего не изменить в обряде жертвоприношения» (*Met.* 1, 13, 6: *ne quid demutaret, credo, a victimae religione*). Как известно, архаизмы широко употребляются в религиозной сфере.

**denuo** ‘заново’ (3, 27, 1; 7, 17, 1 + возможно, 1, 17, 7;<sup>3</sup> Cato, Enn., Pl., Rhet. Her., Ter., V. Hisp., Cic. (*oratt.*), Liv., Suet., Var., Vitruv., Gell., Flor., Fronto, Apul. *apol.* 2, 5; 9, 11; 34, 5; 87, 10; 88, 1, *flor.* 12, Amm., Aug., Caes. Arel., Cassiod., Itala, Lact., Mart. Cap., Min. Fel., Paul. *dig.*, Porph., Rufin., Sidon., Tert., Ulp., Vulg., Gloss...) *Denuo* – достаточно редкое наречие для классического

<sup>1</sup> Flobert P. Recherches... P. 349.

<sup>2</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 589; Callebat L. Sermo... P. 299.

<sup>3</sup> Р. Хельм убирает это наречие в I книге из-за подозрения в диттографии ([denuo] derivio): Apulei Metamorphoseon libri XI / Ed. Rudolphus Helm. Lipsiae: In Aedibus B. G. Teubneri, 1955<sup>3</sup>. P. 16.

времени, чаще всего встречается у Плавта (22 раза) и Теренция (7 раз), а также у Тертуллиана (23 раза; наглядную таблицу с количеством случаев употребления *denuo*, *iterum* и *rursus* приводит ThLL s. v. *denuo*).<sup>1</sup> Возможно, это наречие было частью разговорной речи (по крайней мере, в поздний период латинской литературы).<sup>2</sup> Об этом может говорить частота употребления *denuo* в «Апологии» Апулея. Однако так же вероятно, что Апулей мог таким образом имитировать язык Плавта.

**deosculator** ‘целовать’ (1, 17, 4; 1, 24, 5; 2, 10, 6; 2, 16, 2; 2, 26, 3; 2, 28, 3; 3, 24, 2; 4, 11, 6; Pl., Apul., Ennod., Greg. Tur., Hier., Mart. Cap., Ps. Aug., Rufin., Victric., Vulg.) Апулей использует этот глагол и как отложительный, и в пассивном значении. Апулей особенно часто пользуется глаголом *deosculari* в первых книгах романа, а затем употребляет более распространённый глагол *exosculari* (в книгах II, IV, VII, X, XI).

**deperere** ‘быть безумно влюблённым’ (3, 16, 1; Pl., Ter., Catull., Quint., Aur. Fronto, Fronto, Gell., Sulp. Apoll., Apul., Auson., Cassian., Hier., Lact., Porph., Ps. Cyr., Vulg., Zeno, Gloss...) В классическом языке *deperire* означает ‘умирать’, в частности от любви (*deperire amore*). Однако Апулей (как и Плавт, Катулл, Фронтон и другие авторы) употребляет этот глагол в переходном значении: Л. Каллеба отмечает у Апулея характерный для комедии синтаксис (*deperire* с винительным падежом встречается у Плавта более двадцати раз).<sup>3</sup>

**diadema** ‘тиара’ (10, 30, 6 как существительное женского рода; Pompon. Atell. 164, Apul., Epit. Alex. 113, Greg. Tur. Franc. 1, 47, 2.38, Iord. Rom. 234, 352, Lib. geneal. chron. I p. 184, 450, Lucif. non parc. 29) В классическом языке существительное *diadema* среднего рода, но у представленных выше авторов есть случаи употребления в женском роде. Л. Каллеба предполагает влияние разговорного языка, но не исключает возможности, что Апулей заимствовал

<sup>1</sup> Gudeman, Alfred. *Denuo* // ThLL, Vol. V, 1 (1909–1934). P. 557.

<sup>2</sup> Keulen W. H. *Apuleius, Metamorphoses. Book I...* P. 325.

<sup>3</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 486. По какой-то причине словари OLD, L&S, Forcellini не приводят место из Апулея в качестве примера этого значения.

эту форму в качестве архаизма.<sup>1</sup> Другие греческие существительные на -та также могли рассматриваться как принадлежащие 1-му склонению в доклассическом языке (Prisc. 2, 199, 16: *haec antiquissimi secundum primam declinationem saepe protulerunt et generis feminini, ut Plautus in Amphitrione: «cum servili schema», pro «schemate»*).<sup>2</sup>

**dicaculus** ‘язвительный’ (2, 7, 7; 3, 13, 2; Pl. *Asin.* 511, *Cas.* 529, Apul., Pomer. 3, 6, 5, Spart. *Hadr.* 20, 8) Оба раза Апулей описывает прилагательным *dicaculus* Фотиду (в III книге – её манеру речи). Вероятно, этот деминутив Апулей заимствовал у Плавта. По мнению Л. Пазетти, такое определение Фотиды у Апулея сближает её образ с образом *meretrix* у Плавта (в комедии «Ослы» так описывается гетера Филения).<sup>3</sup>

**diecula** ‘денёчек’ (1, 10, 2; 6, 16, 4; 7, 27, 1; Pl., Ter., Cic. (*Att.*), Apul., Char. *gramm.*, Don., Eugraph., Prisc., Prud., Ps. Ascon., Serv., Ven. Fort., Gloss. Plac., Gloss.) Интересно замечание Дж. Ханссена по поводу эмфатической природы этого слова у римлян и того факта, что у греков, в отличие от римлян, деминутива для слова *день* нет (*ἡμερίδιον* засвидетельствовано только в глоссах).<sup>4</sup> Как отмечает Л. Пазетти, Апулей использует *diecula* в значении ‘короткий день, денёчек’, тогда как у Плавта это скорее ‘отсрочка’.<sup>5</sup> Апулей во всех трёх случаях сопровождает *diecula* числительным *una*, подчёркивая, что имеется в виду минимальная отсрочка. У Плавта *dieculae* (*Pseud.* 503) стоит во множественном числе, и тот же смысл строкой выше передаётся словом *longius*, поэтому понятно, что в его комедии подразумевается неточный временной промежуток.

**diutine** ‘долго’ (2, 15, 1; 2, 24, 2; Plaut. *Rud.* 1241, Apul. *apol.* 47, 7, Non. p. 178, Gloss. II 53, 54) Хотя прилагательное *diutinus* хорошо засвидетельствовано в латинской литературе (особенно, как отмечает ThLL (s.

<sup>1</sup> *ibid.*, p. 243.

<sup>2</sup> Neue F., Wagener C. *Formenlehre der Lateinischen Sprache. Erster Band: Das Substantivum.* Leipzig: O. R. Reisland, 1902<sup>3</sup>. S. 501–502.

<sup>3</sup> Pasetti, Lucia. *Plauto...* Pp. 16–17; May, Regine. *Apuleius and Drama...* P. 177.

<sup>4</sup> Hanssen J. S. Th. *The Latin Diminutives...* Pp. 43–44.

<sup>5</sup> Pasetti, Lucia. *Plauto...* P. 29.



v. diutinus), у Ливия и писателей-архаизаторов),<sup>1</sup> *diutine* – очень редкое наречие, возможно, заимствованное Апулеем у Плавта.

**divorto / diverto** ‘расходиться’ (5, 26, 6; Pl., Petr., Gell., Apul. *apol.* 99, 4, *Afric. dig.*, Cael. Aur., Cels. *dig.*, Cod. Iust., Dict., Isid., Iul. Val., Nepotian., Papin. *dig.*, Plac., Ps. Lact., Pompon., Scaev. *dig.*, Tert., Ulp., Gloss.) *Divertere* – не только архаичный глагол (в классическом языке в том же смысле употребляется выражение *divortium facere*), но и юридический термин, предваряющий в «Метаморфозах» формулу развода: Gaius *dig.* 24, 2, 2, 2, 1: *tuas res tibi habeto* (Apul. *Met.* 5, 26, 6: *tibique res tuas habeto*). В большинстве случаев зафиксировано написание *divertere*, но у Плавта и Апулея (в «Метаморфозах»; в «Апологии» форма *diversurum*) более архаичный вариант – *divortere*. Как предполагает Р. Мэй, употребление плавтовского *divortere* может намекать читателю на временный характер расставания Амура и Психеи,<sup>2</sup> но предположения такого характера невозможно подтвердить.

**domuitio** ‘возвращение домой’ (1, 7, 7; 2, 31, 4; 3, 19, 6; 4, 35, 2; 10, 18, 2; 11, 24, 6; Acc. *trag.* 173, Lucil. 607, Pacuv. *trag.* 173, Rhet. Her. 3, 21, 34, Cic. *div.* 1, 68, Apul., Dictys 1, 20, Fulg. *serm. ant.* 3 p. 112, 10; 36 p. 121, 12, Itin. Alex. 26, Gloss.) Хотя существительное *domuitio* достаточно редко встречается в произведениях латинской литературы, оно без сомнений очень нравилось Апулею (он употребляет его в «Метаморфозах» 6 раз). До Апулея оно засвидетельствовано только в контексте трагедии, и, по-видимому, читатели Апулея должны были это понимать. Например, в I книге «Метаморфоз» это слово встречается в речи Сократа, который и изображён как герой трагедии (как бледный и худой человек в изорванном плаще, сидящий на земле – словно *fortunaе decermina*, по выражению Аристомена), и выражается как герой античной трагедии (так что его собеседник даже просит его «опустить трагический занавес», *Met.* 1, 8, 5: *aulaeum tragicum dimoveto*). Апулей также несколько раз использует выражение *domuitionem (com)parare* (ср. цитату из

<sup>1</sup> Hofmann, Johann Baptist. *Diutinus* // ThLL, Vol. V, 1 (1909–1934). P. 1643.

<sup>2</sup> May, Regine. *Apuleius and Drama*... P. 40.

некоей трагедии, приведённую в Rhet. Her. 3, 21, 34: *iam domum itionem reges Atridae parant*). Как отмечает Л. Граверини, слово *domuitio* в латинской литературе использовалось в отношении возвращения греческих героев из-под Трои.<sup>1</sup>

**ducto** ‘вести’ (2, 27, 2; Enn., Pl., Ter., Quint. *inst.*, Sall., Tac., Apul. *apol.* 82, 3, Amm., Aug., Cypr., Eustath., Hier., Iord., Iul. Val., Prisc., Rufin., Gloss...) Интересно, что Квинтилиан пишет (*Inst.* 8, 3, 44), что выражение *ductare exercitum* его современниками понимается превратно,<sup>2</sup> хотя у Саллюстия эти слова употреблены «величественно и на древний манер» (*sancte et antique*). У Апулея в «Метаморфозах» глагол *ductare* употреблён применительно к ходу погребальной процессии.

**edulia** ‘съестные припасы’ (1, 25, 3; 5, 3, 3; 5, 15, 1; 6, 28, 6; 10, 13, 3; 10, 16, 3; Afran., Suet., Var., Fronto, Gel., Apul. *apol.* 29, 6, *flor.* 6, Capitol., Cassiod., Chalc., Char. *gramm.*, Itin. Alex., Lampr., Macr., Marcell. *med.*, Paul. Fest., Ps. Aur. Vict., Serv., Sidon., Spart., Symm., Tert., Test. *Galli*, Ulp. *dig.*) Субстантивированное прилагательное *edulia* впервые зафиксировано в латинском языке достаточно поздно (у Афрания и Варрона), но авторы классического периода его определённо избегали, что может говорить о принадлежности этого слова разговорному языку. Тем не менее, для определения стилистической характеристики данного слова мало данных: ясно, что изначально *edulia* действительно употреблялось в разговорном языке, но в классический период оно не зафиксировано, хотя ко времени жизни Апулея оно стало более популярным.<sup>3</sup>

**efflictim** ‘сильнейшим образом’ (1, 8, 6; 3, 16, 1; 5, 6, 7; 5, 23, 3; Laber., Naev., Pl., Pompon., Apul. *apol.* 79, 6; 100, 9, Ennod., Non., Ps. Plac., Symm., Gloss.) Как можно заметить, в сочинениях архаических авторов у этого

<sup>1</sup> Graverini L. *Literature and Identity in the Golden Ass of Apuleius*. Columbus: The Ohio State University Press, 2012. P. 151.

<sup>2</sup> По-видимому, имеется в виду характерное для комедии значение *ductare* ‘приводить домой (женщину, оказывающую сексуальные услуги)’.

<sup>3</sup> Apuleius of Madauros. *Florida* / Ed. with a commentary by Vincent Hunink... P. 92: *edulia*: an old word for ‘food’... It seems to have been resuscitated in Apuleius’ day.

наречия очень ограниченная сфера применения: оно не только принадлежит области любовной лексики, но и употребляется с одними и теми же словами, а именно *amare* и *perire* ‘любить до смерти’. У Апулея мы видим большее разнообразие: в «Метаморфозах» все четыре раза *efflictim* относится к разным глаголам (*ament efflictim* (Met. 1, 8, 6), *efflictim deperit* (Met. 3, 16, 1), *efflictim... diligo* (Met. 5, 6, 7),<sup>1</sup> *efflictim inhians* (Met. 5, 23, 3)). В «Апологии» в обоих случаях наречие *efflictim* относится к глаголу *amare*.

**effligo** ‘убивать’ (3, 6, 1; 5, 7, 2; Pl., Cic. (Att.), Com. pall. inc. (Char. gramm. p. 257, 31 B), Sen., Var., Gell., Apul., Avien., Capitol., Tert., CIL VIII 10570, Gloss.) Глагол *effligere*, как и наречие *efflictim*, очень редко встречается в латинской литературе. Только Апулей использует его в переносном значении: в V книге Психея, видя тоскующих по ней сестёр, говорит им: *quid... vos miseris lamentationibus necquicquam effligitis?*

**electilis** ‘отборный’ (10, 15, 2; Pl. Most. 730, Apul.) Помимо Апулея прилагательное *electilis* засвидетельствовано только у Плавта в комедии «Привидение», где оно относится к отборной рыбе (*piscatu electili*). В «Метаморфозах» *electilis* тоже относится к еде – той, которую Луций-осёл поедал тайком от своих хозяев (кондитера и повара).

**equiso** ‘конюх’ (7, 15, 1; 8, 1, 3; Var. Men. 118, 276, 559, Val. Max. 7, 3 ext. 1, 2, Apul. apol. 87, 7, CIL VI 33777) *Equiso* – ещё одно редкое слово, которым Апулей пользуется один раз в «Апологии» и два – в романе «Метаморфозы» (в «Апологии» и в VIII книге «Метаморфоз» *equisones* упоминаются вместе с *opiliones* ‘пастухи’).

**erilis** ‘господский’ (4, 27, 5; 6, 9, 3; 8, 2, 2; 8, 15, 1; 9, 16, 1; 9, 19, 2; 9, 27, 1; Afran., Enn., Pl., Ter., Hor., Ovid., Sen., Stat., Suet., Val. Fl., Var., Verg., Fronto, Gell., Apul., Ambr., Amm., Aur. Vict., Auson., Claud., Cod. Iust., Cod. Theod., Drac., Ennod., Mart. Cap., Paul. Nol., Prud., Rufin., Sedul., Sidon., Symm., Gloss...) Прилагательное *erilis* хорошо засвидетельствовано в латинской

<sup>1</sup> У Симмаха, оратора IV в. н. э. также встречается выражение *efflicte diligere* (Ep. 1, 84).

литературе, начиная с Энния и Афрания (часто встречается в комедиях Плавта, несколько реже у Теренция), в классический период использовалось в поэтических произведениях (в «Метаморфозах» Овидия, «Энеиде» Вергилия, «Сатирах», «Посланиях» и «Одах» Горация), но в прозаических сочинениях этого времени не встречается.<sup>1</sup> У архаизаторов Геллия и Фронтонa *erilis* встречается по одному разу, тогда как у Апулея (только в «Метаморфозах») 7 случаев употребления этого прилагательного. Архаичность этого прилагательного отмечает Л. Каллеба.<sup>2</sup> В двух случаях (*Met.* 4, 27, 5; 9, 16, 1) *erilis* употреблено как субстантивированное прилагательное со значением 'госпожа' (*mi erilis*, в обращении к Харите в IV книге и жене пекаря в IX книге). До Апулея Плавт также пользовался этим прилагательным в качестве существительного, но мужского рода (*Most.* 21, *Epid. arg.* 4, *Pseud. arg.* 1, 6).

**esito / essito** 'есть' (1, 19, 1; 7, 27, 3; 9, 36, 4; 10, 16, 2; Cato, Enn., Pl., Nug., Plin. *nat.*, Var., Gell., Apul., Lact., Gloss.) Как отмечает У. Койлен, Апулей избегает тех глаголов со значением 'есть', которые использовались в разговорном языке в его время (*comedere, manducare*),<sup>3</sup> поэтому прибегает к этому фреквентативному глаголу, используемому в основном либо писателями архаического периода, либо архаизаторами.

**evectio** 'вознесение' (5, 24, 1; Cato, Apul., Aug., Cassiod., Cod. Iust., Cod. Theod., Greg. Tur., Hier., Sidon., Symm., Ven. Fort...) *Evectio* (а также *evectus* или *diploma*) обычно назывался документ, позволявший чиновникам пользоваться *cursus publicus*, государственной почтовой службой. Как отмечает ThLL, существительное *evectio* встречается ещё у Катона, но особенно хорошо засвидетельствовано с IV века н. э.<sup>4</sup> Для значения 'вознесение' ThLL приводит только три случая: Ps. Aug. *serm.* 180, 3; 181, 1 и контекст из «Метаморфоз» Апулея (о том, как Психея поднялась в воздух, уцепившись за ногу улетающего Амура). Очевидно, такое буквальное

<sup>1</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 359.

<sup>2</sup> Callebat L. Sermo... P. 482.

<sup>3</sup> Keulen W. H. Apuleius, Metamorphoses. Book I... P. 340.

<sup>4</sup> Leumann, Manu. Evectio // ThLL, Vol. V, 2 (1931–1953). P. 1005.

значение было неожиданным для читателей романа, но не представляло сложности для понимания.

**evito** ‘лишать жизни’ (3, 8, 6; Acc. *trag.* 348, Enn. *scaen.* 98, Apul., Gloss.<sup>1</sup> I Ansil. EV 162, Gloss. V 288) Обычно глагол *evitare* имеет значение ‘избегать’, однако в III книге романа Апулей употребляет его так, как будто он образован не от *vitare* с приставкой, а от существительного *vita*, как архаизм *evitare* у Акция и Энния.

**examussim** ‘тщательно’ (2, 30, 6; 4, 18, 4; 10, 2, 6;<sup>1</sup> 11, 27, 7; Pl., Apul., Aug., Char. *gramm.*, Cod. Iust., Cod. Theod., Diom., Non., Hier., Paul. Fest., Prisc., Rufin., Gloss...) Наречие *examussim*, по-видимому, было заимствовано Апулеем у Плавта (у комедиографа оно встречается трижды).<sup>2</sup> Оригинальное значение (= *regulariter*) связано с линейкой (*amussis*) плотника или каменщика (ср. Pl. *Most.* 101: *aedes cum extemplo sunt paratae, expolitae, factae probe examussim*). Во II книге «Метаморфоз» (2, 2, 8, *conj.*)<sup>3</sup> Апулей также пользуется схожим выражением *ad amussim*, зафиксированным у Варрона (и позднее у Геллия).<sup>4</sup>

**exanclō** ‘претерпевать’ (1, 16, 2; 6, 4, 3; 6, 11, 3; 7, 6, 5; 8, 1, 1; 11, 2, 4; 11, 12, 1; 11, 15, 1; Acc., Enn., Lucil., Pacuv., Pl., Cic., Quint., Apul., Amm., Cael. Aur., Char. *gramm.*, Fulg., Iul. Val., Mart. Cap., Non., Serg., Paneg., Paul. Fest., Pomer., Victric.) Хотя этим глаголом несколько раз пользуется Цицерон (всего четыре раза, из них два – в стихотворных переводах «Илиады» Гомера и «Трахинянок» Софокла), известно, что *exanclare* – поэтизм с архаическим оттенком. От использования этого глагола предостерегает Квинтилиан (*Inst.* 1, 6, 40: *Sed opus est modo, ut neque crebra sint haec nec manifesta, quia nihil est odiosius adfectatione, nec utique ab ultimis et iam oblitteratis repetita temporibus, qualia sunt «topper» et «antegerio» et «exanclare» et «prosapia» et Saliorum*

<sup>1</sup> В *Met.* 10, 7, 10 также возможно наречие *examussim*. Конъектуру Г. Коха принимает в своём издании М. Циммерман (*eximia enim F, eximie ac nimis Helm*).

<sup>2</sup> Pasetti, Lucia. *Plauto...* P. 72.

<sup>3</sup> *Plasberg* : *ad regulam qua diligenter aliquid adfingunt sim F.*

<sup>4</sup> Keulen, Wytse. *Ad amussim congruentia: Measuring the Intellectual in Apuleius // Lectiones scrupulosae: Essays on the Text and Interpretation of Apuleius' Metamorphoses in Honour of Maaike Zimmerman. Ancient Narrative Supplementum 6.* Groningen: Barkhuis Publishing & Groningen University Library, 2006. P. 176.

*carmina vix sacerdotibus suis satis intellecta*). Апулей обычно употребляет этот глагол в паре либо с существительным *labor* (*Met.* 6, 4, 3; 11, 12, 1; 11, 15, 1), либо с архаизмом *aerumna* (*Met.* 1, 16, 2; 8, 1, 1).

**excetra** ‘змея’ (10, 28, 5 (*conj.*);<sup>1</sup> Pl., Cic., Liv., Apul., Ampel., Don., Hier., Serv., Tert., Mythogr., Pol. Silv., Gloss.) *Excetra* – редкое и архаичное существительное (Цицерон употребляет его только один раз, в поэтическом переводе «Трахинянок» Софокла).<sup>2</sup> Плавт, Ливий и Апулей используют это слово в качестве оскорбления в отношении женщин: в «Метаморфозах» так называется преступница, с которой Луций-осёл должен был разыграть публичное представление в театре.

**exoculo** ‘лишать глаз’ (7, 2, 4; 8, 13, 1; Pl. *Rud.* 731, Apul.) *Exoculare* – очень редкий глагол, засвидетельствованный только у Плавта и Апулея. Апулей в обоих случаях употребляет пассивное причастие от этого глагола, в частности, в VII книге «слепой и даже совсем безглазой» (*caecam et prorsus exoculatam*) он называет Фортуны.

**exoticus** ‘иноземный’ (1, 1, 5; 10, 16, 5; Pl., Plin. *nat.*, Gell., Apul. *apol.* 8, 2, Cassiod., Ennod., Fulg., Isid., Non., Prud., Sidon., Sol., Symm., Gloss.) *Exoticus* – грецизм, впервые засвидетельствованный у Плавта и, по-видимому, имевший ко времени создания «Метаморфоз» архаический оттенок.<sup>3</sup>

**expergo** ‘пробуждать’ (2, 14, 5; 2, 26, 2; 4, 22, 5; Acc., Lucil., Lucr., Santra, Tac., Fronto, Gell., Apul. *apol.* 43, 5, Arnob., Char. *gramm.*, Diom., Fest., Non., Paul. Nol., Prisc., Gloss.) В «Метаморфозах» Апулей трижды использует пассивное причастие *expergitus*, которое ThLL относит к глаголу *expergisci* в качестве альтернативной формы к *experrectus*, а OLD, L&S и Index Apuleianus относят к достаточно редкому и архаичному глаголу *expergere*. Фактически

<sup>1</sup> *excetrae Elmenhorstius* : *excreta F.*

<sup>2</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 365.

<sup>3</sup> Keyer, Denis V. Apuleius Metamorphoses 1, 1, 5 forensis: ‘foreign’ or ‘of the forum’? // *Philologia Classica* 12, 1 (2017). P. 37.

разницу в значениях между *expergiscor* и *expergor* установить невозможно, хотя грамматики делали попытки.<sup>1</sup>

**fabre** ‘искусно’ (2, 4, 7; 2, 19, 2; 4, 32, 2; 11, 11, 5; 11, 16, 6; Pl., Mela, Sil., Apul. *flor.* 15, 23, Ambr., Amm., Aug., Diom., Fulg., Hier., Iul. Val., Lact., Paul. Fest., Opt., Rufin., Sidon., Ven. Fort., Vulg., Gloss...) Хотя прилагательное *faber* впервые зафиксировано только у Овидия, наречие *fabre* встречается несколько раз уже у Плавта. У Апулея впервые засвидетельствована превосходная степень этого наречия *faberrime* (*Met.* 2, 4, 7; 11, 11, 5; 11, 16, 6, *flor.* 15).

**facesso** ‘уходить’ (2, 15, 4; 2, 24, 3; 2, 24, 8; 3, 5, 4; 3, 10, 1; 4, 20, 1; 6, 11, 2; 8, 30, 1; 9, 22, 2; 10, 20, 3; 10, 22, 5; 10, 30, 5 + 1, 22, 5 (*conj.*);<sup>2</sup> в значении ‘делать’: Enn., Pl., Cic., Ov., Tac., Verg., Apul. *apol.* 54, 6, Claud. Mam., Coripp., Сурр. Gall., Ulp., Ven. Fort.; в значении ‘уходить’: Afran., Enn., Pacuv., Pl., Ter., Titin., Cic., Curt., Liv., Lucr., Sen., Sil., Sulpicia, Tac., Apul. *Soc.* 1 (и все места в *Met.*), Ambr., Auson., Cassian., Claud. Mam., Ennod., Hier., Iul. Val., Lact., Macr., Mart. Cap., Novatian., Optat., Prud., Rufin., Sidon., Sol., Sulp. Sev...) В значении ‘уходить’ глагол *facessere* архаичен и, возможно, также является поэтизмом (в основном он засвидетельствован в комедии и драме).<sup>3</sup>

**famigerabilis** ‘известный’ (1, 7, 5; 2, 21, 3; 9, 5, 1; 10, 17, 6; Var. *ling.* 6, 55, Apul., Zeno 1, 15, 3; 1, 53, 1, Gloss.) Хотя до Апулея прилагательное *famigerabilis* засвидетельствовано только у Варрона в его рассуждении о словах, производных от глагола *fari*, оно, очевидно, существовало и ранее. У Плавта засвидетельствованы другие архаизмы с этим же корнем: *famigeratio* ‘слухи’ (Pl. *Trin.* 692), *famigator* ‘сплетник’ (Pl. *Trin.* 215, 219).

**famulitium** ‘челядь’ (8, 22, 2; Apul. *apol.* 17, 6, *flor.* 22, Capitol., Iul. Val., Macr., Mart. Cap., Paul. Fest., Sidon., Spart., Gloss.) Хотя существительное *famulitium* впервые зафиксировано только у Апулея, по-видимому, это слово

<sup>1</sup> В/О, р. 104.

<sup>2</sup> *Philomathes, ut ci. Oudendorp in notis* : capessum F : capessivit Helm.

<sup>3</sup> Zimmerman M. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book X...* P. 250; Paardt R. T., van der. L. *Apuleius Madaurensis the Metamorphoses. A Commentary on Book III...* Pp. 55–56.

является архаичным, о чём свидетельствует словарь Феста (р. 77 L: *famuletium dicebatur, quod nunc servitium*).<sup>1</sup>

**fartim** ‘плотно’ (2, 7, 2; 3, 2, 8; Lucil. 79, Apul., Auson. *Mos.* 86, 113, Gloss. Plaut. *gramm.* III 58, 8) П. Медан ошибочно называет это наречие плавтовским (в Pl. *Most.* 169 форма *fartim* – это винительный падеж от *fars*).<sup>2</sup>

**ferocio** ‘неистовствовать’ (9, 2, 4; Cato inc. libr. frg. 25, Gell., Apul., Ambr., Amm., Aug., Сурр., Hier., Min. Fel., Mirac. *Steph.*, Paneg., Schol. Cic., Tert., Gloss...) До Геллия глагол *ferocire* употребляет только Катон (Paul. Fest. p. 81 L: *ferocit apud Catonem ferociter agit*). У позднейших авторов он более распространён (например, зафиксировано по три случая употребления у Аммиана Марцеллина и в трактате «*Quod idola dii non sint*», автором которого, предположительно, является Киприан). Словарь Эрну–Мейе помечает этот глагол как архаичный.<sup>3</sup>

**festivitas** ‘радость’ (2, 10, 3; Pl. *Cas.* 135, 577, *Poen.* 389, Apul.) Во второй книге «*Метаморфоз*» Луций называет Фотиду *mea festivitas* ‘моя радость’. Такое употребление этого существительного также характерно для Плавта (в комедии «*Касина*» оба раза *festivitas* таким же образом употребляется с притяжательным местоимением *mea*). Кроме того, в первой книге (*Met.* 1, 20, 5) Апулей использует *festivitas* для описания истории о Сократе, рассказанной Аристоменом. В этом значении *festivitas* стоит рассматривать как риторический термин ‘живость’, ‘весёлость’, широко применяемый автором «*Риторики к Гереннию*», Цицероном и Авлом Геллием.

**filum** ‘внешний вид’ (4, 23, 2; Lucil., Pl., Petr., Var., Gell., Apul. *Soc.* 11, Amm., Arnob., Iul. Val., Non.) В классическом языке существительное *filum* обладает значением ‘нить’, но у авторов доклассического периода оно может иметь метафорическое значение «внешности». Вероятно, такая семантика развилась из метафорического переноса с одежды на её обладателя. Для

<sup>1</sup> Gargantini, Luisa. *Ricerche...* P. 37; L&S, p. 725; B/O, p. 50.

<sup>2</sup> Médan, Pierre. *La Latinité...* P. 185.

<sup>3</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 410.



писателей I–II вв. н. э. данное значение, по-видимому, было уже необычным и поэтому требовало определённых пояснений (например, *Apul. Soc. 11: fila corporum*).<sup>1</sup>

**formula** ‘красота’ (3, 15, 8; *Pl. Persa 229*, *Apul.*, *Ennod. epist. 8, 28, 1*) Несмотря на то, что существительное *formula* широко использовалось многими авторами в качестве термина (юридического, грамматического или иного), по-видимому, только Плавт и Апулей используют это слово по отношению к красоте тела (причём, возможно, слушатели и читатели обоих этих авторов воспринимали *formula* именно как деминутив). В романе «Метаморфозы» Фотида рассказывает Луцию, что её хозяйка прибегает к колдовству, заглядевшись на хорошенького юношу (*scitulae formulae iuvenem*). Можно отметить, что *scitulus* – тоже деминутив, засвидетельствованный в основном в античной комедии, в том числе у Плавта. У Плавта в комедии «Перс» фраза гетеры Софоклидски «*temperi hanc vigilare oportet formulam atque aetatulam*» тоже обращена к юноше.<sup>2</sup>

**frustatim** ‘по частям’ (2, 7, 2; 9, 37, 1; 9, 40, 3; *Pompon.*, *Plin.*, *Suet.*, *Apul.*, *Aug.*, *Greg. Tur.*, *Not. Tir.*, *Prud.*, *Schol. Prud.*, *Vict. Vit.*, *Gloss.*) *Frustatim* – редкое в латинской литературе наречие (до Апулея засвидетельствовано всего 3 раза), по-видимому, характерное для разработки гастрономической темы (*Pompon. Atell. 178*, *Plin. nat. 20, 99*). Во II книге «Метаморфоз» оно встречается в описании того, как Фотида готовит фарш (*Met. 2, 7, 2: pulpam frustatim consecram*), а позднее – в жестокой сцене «трапезы» для собак в *Met. 9, 37, 1*, где животные раздирают юношу на куски, обеспечивая себе “*nefariam dapem*”. По мнению Л. Пазетти, это наречие принадлежит комедийной лексике.<sup>3</sup>

**gannio** ‘щебетать’ (5, 28, 6; *Afran.*, *Pl.*, *Ter.*, *Catull.*, *Iuv.*, *Suet.*, *Var.*, *Apul.*, *Anth.*, *Cassian.*, *Eug. Tolet.*, *Fest.*, *Hier.*, *Isid.*, *Non.*, *Vulg.*, *Gloss.*) *Gannire* –

<sup>1</sup> Dubova, Svetlana S. On the Archaic Meaning of the Word *filum* in Apuleius // *Philologia Classica* 12, 2 (2017). Pp. 136–141.

<sup>2</sup> Pasetti, Lucia. *Plauto...* Pp. 14–15.

<sup>3</sup> *ibidem*, p. 79, 91.

звукоподражательный глагол, изначально описывавший характер звуков, издаваемых животными (например, собаками и лисами), но уже у комических поэтов этот глагол употребляется применительно к людям, особенно к женщинам (в таком значении он используется у Афрания, а также у Катутла и Ювенала). Употребляя этот глагол, Апулей, по мнению Л. Каллеба, подражал Афранию:<sup>1</sup> *non sum tam criminosa quam tu vipera: gannire ad aurem nunquam didici dominicam* (Afran. com. 283), *haec illa verbosa... avis in auribus Veneris... ganniebat* (Apul. Met. 5, 28, 6). Несмотря на то, что *gannire* у Апулея передаёт звуки, издаваемые чайкой, создаётся впечатление, будто Венере жалуется некая болтливая сплетница, а не птица.<sup>2</sup> Кроме того, Апулей несколько раз пользуется отглагольным существительным *gannitus*, говоря о речи людей или птиц, но звуки при этом имеют вид не животных, пронзительные и резкие (как у комедиографов и предшественников Апулея вообще), а скорее едва слышные (наподобие шёпота), приятные на слух или нейтральные: *secretis gannitibus* (Met. 4, 1, 3), *placidis gannitibus* (Met. 4, 27, 6), *dulces gannitus* (Met. 10, 22, 2). Таким образом, значение этого корня у Апулея сгладилось до практически нейтрального, хотя, например, у Ювенала, жившего немногим ранее, глагол *gannire*, очевидно, передаёт чуть ли не животные крики (Iuv. 6, 64).<sup>3</sup>

**graphice / grafice** ‘красиво’ (8, 27, 1; 10, 31, 2; Pl. *Persa* 306, 464, 843, *Trin.* 767, Gell. 14, 4 tit.; 10, 17, 2; 12, 4, 1, Apul.) Заимствованное из греческого языка прилагательное *graphicus* ‘образцовый, достойный быть написанным’ (*γραφικός*) до Апулея встречается только у Плавта и Витрувия, но

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 515.

<sup>2</sup> Кроме приведённого пассажа из V книги романа глагол *gannire* в «Метаморфозах» Апулея также можно видеть в *spurcum additamentum* (поздней вставке эротического содержания) в маргиналиях Лауренцианской рукописи 54, 24: *ganniens ego et dentes ad iovem elevans* (Met. 10, 21; реплика от лица Луция-осла). Это единственное место в романе, где этот глагол указывает на звуки, производимые не людьми и птицами, а другим животным (если считать глаголы *gannire*, *obgannire* и производные существительные *gannitus*, *obgannitus*), что больше соответствует тому значению, в котором этот глагол употреблялся другими авторами, нежели Апулеем.

<sup>3</sup> Ювенал в своей сатире описывает, как движения танцора в цирке приводят в возбуждённое состояние зрительниц: «Тукция не владеет мочевым пузырьком, Апула *стонет*, словно в объятии, внезапно, жалобно и протяжно».

производное от него наречие *graphice* несколько раз также засвидетельствовано и у Геллия.<sup>1</sup>

**guttatim** ‘по капле’ (3, 3, 1; 11, 9, 3; Enn., Pl., Apul., Alc. Avit., Arnob., Cael. Aur., Don., Greg. Tur., Isid., Non., Paul. Fest., Plin. Val., Prud., Soran., Gloss.) Архаическое наречие *guttatim* до Апулея зафиксировано у Энния и Плавта в эпизодах, описывающих страдание (в Enn. *scaen.* 206 наречие относится к капающим слезам Гекубы, а в Pl. *Merc.* 205 юноша Харин жалуется, что его сердце тает по каплям, словно соль в воде). У Апулея оба контекста лишены подобной патетики: в III книге *guttatim* сказано о вытекающей из клепсидры воде, а в XI книге – о бальзаме и благовониях, которые кропили участники шествия Изида.

**habitudo** ‘внешний вид’ (1, 20, 2; 1, 23, 3; 2, 8, 1; 2, 13, 1; 9, 39, 2; Rhet. Her., Ter., Apul. *apol.* 4, 10; 14, 6, *Plat.* 1, 1; 1, 16, *mund.* 22, Ambr., Arnob., Aug., Auson., Boeth., Cael. Aur., Capitol., Cassiod., Claud. Don., Cypr., Don., Ennod., Itala, Lact., Macr., Marcell. *med.*, Paul. Fest., Serv., Spart., Tert., Vulg., Gloss...) Существительное *habitudo* засвидетельствовано до Апулея всего дважды, но впоследствии оно достаточно часто встречается в христианских сочинениях, а также медицинских и грамматических трактатах (ThLL отмечает, что у Боэция почти 40 случаев употребления *habitudo*).<sup>2</sup> В классическом языке в этом значении употреблялось слово *habitus*, также употребляемое Апулеем в «Метаморфозах»: *ut habitus et habitudo demonstrat* (1, 20, 2), *ut indicabat habitus et habitudo* (9, 39, 2).<sup>3</sup>

**(h)eiulo** ‘вопить’ (3, 1, 5; 3, 8, 2; 4, 24, 3; 7, 27, 2; 8, 7, 2; 8, 9, 2; Pl., Cic., Gell., Apul. *mund.* 35, Amm., Arnob., Aug., Cypr., Hier., Iul. Val., Pallad., Prisc., Prud., Tert., Ven. Fort., Vulg...) Как отмечает словарь Эрну–Мейе, экспрессивный глагол *eiulare* засвидетельствован начиная с Плавта, но его избегали писатели классического периода (у Цицерона зафиксирован дважды,

<sup>1</sup> Словарь Эрну–Мейе ошибочно относит сюда контекст из Плиния Старшего, по-видимому, принимая существительное *graphice* (*γραφική*, ‘искусство живописи’) за наречие: Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 501.

<sup>2</sup> Bulhart, Vinzenz. *Habitudo* // ThLL, Vol. VI, 3 (1936–1942). P. 2480.

<sup>3</sup> В/О, p. 17.

оба раза в «Тускуланских беседах»<sup>1</sup>. У Апулея в «Метаморфозах» *eiulare* впервые употребляется в переходном значении ‘оплакивать’ (*Met.* 3, 1, 5; 3, 8, 2; 4, 24, 3).

**hilaritudo** ‘радость’ (11, 7, 3; Pl. *Cist.* 54, *Mil.* 677, *Rud.* 421, Apul., Eustath. *Bas. hex.* 5, 2, Non. p. 120, Gloss. V 642, 31, Gloss. L III Abol. III 22) По-видимому, Апулей заимствовал форму *hilaritudo* у Плавта, употребив её вместо формы *hilaritas*, распространённой в классической латыни.

**impendio** ‘сильно, значительно’ (2, 18, 1; 10, 4, 2; Afran., Laev., Pl., Ter., Cic. *Att.*, Gell., Apul. *apol.* 3, 9; 15, 5, *flor.* 18, *Soc.* 20, Amm., Aug., Don., Ennod., Hier., Iul. Val., Non., Symm., Gloss...) Отложительный падеж существительного *impedium* ‘издержка, расход’ засвидетельствован у авторов архаического периода в наречном значении, синонимичном *multo* или *valde*. У комедиографов, Цицерона и Геллия *impedio* употребляется при сравнении, а у Левия, Апулея и более поздних авторов это наречие усиливает действие, выраженное глаголом.

**impio** ‘позорить’ (1, 18, 5; 3, 3, 9; Pl., Sen., Fronto, Apul., Amm., Aug., Hil., Itala, Min. Fel., Paneg., Paul. Fest., Prud., Ps. Rufin., Serv., Sidon., Zeno, Gloss.) Комментарий к III книге «Метаморфоз» ошибочно утверждает, что глагол *impiare* не встречается после Плавта до Фронтонна (см. Sen. *Phaedr.* 1186: *impiatos*).<sup>2</sup> И у Фронтонна, и у Апулея причастие *impiatus* употребляется в контексте осквернения человеческой кровью (Fronto p. 204: *Parthos Romano sanguine impiatos*; Apul. *Met.* 1, 18, 5: *cruore humano aspersum atque impiatum*; 3, 3, 9: *reum tot caedibus impiatum*).

**impos** ‘не владеющий, лишённый’ (3, 12, 6; 5, 22, 3; Acc., Laev., Pl., Sen., Suet., Var., Fronto, Apul. *Soc.* 3, *Plat.* 2, 18, Alc. Avit., Aug., Auson., Cassian., Don., Heges., Lact., Pallad., Paul. Fest., Prisc., Prud., Sidon., Gloss...) *Impos* – редкое архаичное прилагательное (позднее вытесненное формой *impotens*),<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 344.

<sup>2</sup> Paardt R. T., van der. L. Apuleius Madaurensis the Metamorphoses. A Commentary on Book III... P. 45.

<sup>3</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 935.

употребляющееся почти исключительно в словосочетаниях *impos sui* и *impos animi* ‘не владеющий собой’. В «Метаморфозах» Апулей оба раза употребляет выражение *impos animi*, засвидетельствованное у Плавта, а позднее у Фронтоня и Геллия. В других сочинениях Апулей не пользуется этой формулой (*Soc. 3: impos veritatis, Plat. 2, 18: inpotem ipsum aliorum addici potestati*).

**impuratus** ‘подлый’ (2, 25, 4; 9, 10, 2; Lucil., Pl., Ter., Apul., Aug., Min. Fel., Prud., Tert., Gloss.) Прилагательное *impuratus* комические поэты использовали как оскорбление, и такое употребление было позднее заимствовано Апулеем (*Met. 2, 25, 4* в обращении к ласточке: “*Quin abis,*” *inquam* “*inpurata bestia...?*”).

**incerto** ‘делать неясным’ (5, 13, 1; 11, 16, 10; Pacuv. *trag.* 150, Pl. *Epid.* 545, Apul., Char. *gramm.* p. 473, 2 B, Non. p. 123, Gloss. V 642, 58) Из-за редкости глагола *incertare* для пассажа в V книге (*Met. 5, 13, 1: suscipit Psyche singultu lacrimoso sermonem incertans*) было предложено много исправлений,<sup>1</sup> однако использование редкого и архаичного слова не является для Апулея необычной практикой. Кроме того, *incertare* в данном случае соответствует контексту (Психея со слезами упрашивает Амура разрешить ещё раз принять в гостях её сестёр, и можно представить, что её волнение сказывается на её манере речи), хотя речь Психеи, изложенную далее, нельзя назвать спутанной.

**incitus (ad incitas/a)** ‘безвыходное положение, шах и мат’ (3, 28, 5 + 7, 18, 3 (*conj.*); Lucil., Pl., Apul., Char. *gramm.*, Iul. Val., Non., Paneg., Gloss.) При прилагательном *incitus* ‘неподвижный’ в данном случае следует понимать *calces* ‘игральные камни’, так что выражение *ad incitas redigere* (известное по комедиям Плавта «Пуниец» и «Три монеты») имеет значение «поставить в безвыходное положение». Апулей в III книге употребляет это выражение с глаголом *deducere* (*Met. 3, 28, 5: ad extremas incitas deducti*; впоследствии такое же употребление можно обнаружить у Юлия Валерия). При этом

<sup>1</sup> Zimmerman M. – Panayotakis S. – Hunink V.C. – Keulen W.H. – Harrison S. J. – McCreight Th. D. – Wesseling B. – Mal-Maeder D. van. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books IV 28–35, V and VI 1–24... P. 197.

Апулей также использует прилагательное *extremas*, избыточное в данном случае,<sup>1</sup> но такой плеоназм не является чем-то необычным для стиля «Метаморфоз». <sup>2</sup> В 18 главе VII книги романа Р. Хельм предложил конъектуру *compilabat ad incitas (F compilabat cidit fusti)*, но она не признана большинством издателей.<sup>3</sup>

**inclitus** ‘знаменитый’ (1, 2, 1; 3, 11, 1; 4, 8, 8; 6, 4, 2; 7, 5, 6; 8, 16, 3; 10, 30, 1; 10, 31, 6; 10, 33, 2; Acc., Cato, Enn., Naev., Pl., Col., Hor., Liv., Lucr., Sall., Sen., Sil., Stat., Tac., Val. Max., Verg., Fronto, Gell., Apul. *apol.* 17, 7, *flor.* 15, *Soc.* 24, Amm., Auson., Prud., Hier., Itala, Symm., Vulg...) Прилагательное *inclitus* – поэтизм с архаическим оттенком, хотя оно употребляется и в прозаической речи (начиная с Катона; достаточно часто этим прилагательным пользуются Тит Ливий (20 случаев) и Авл Геллий (26 случаев)).<sup>4</sup>

**indipiscor** ‘настигать’ (6, 5, 1; 8, 5, 4; 9, 21, 2; Pl., Liv., Lucr., Plin. *nat.*, Gell., Apul. *flor.* 6, Ambr., Aug., Auson., Cod. Theod., Cypr. Gall., Eucher., Serv., Sol...) ThLL противопоставляет архаичному *indipisci* синонимичный глагол *adipisci*, который широко распространён в произведениях авторов классического периода.<sup>5</sup> Апулей пользуется глаголом *adipisci* 2 раза в романе «Метаморфозы», но он также использует его во «Флоридах» и сочинении «Платон и его учение».

**indusiatus** ‘одетый в верхнюю тунику’ (2, 19, 3; 8, 27, 1; 10, 30, 2; Pl. *Epid.* 231, Apul.) Согласно фрагменту из сочинения Варрона, *indusium* – это женская верхняя туника (Non. p. 542, 22), у Плавта в «Эпидике» прилагательное *indusiatus* (обозначающее вид туники) стоит в ряду различных предметов

<sup>1</sup> Такое употребление кажется неподходящим Г. Ф. Гильдебранду, в своём издании он печатает чтение рукописи *F ad extremas metas deducti*: L. Apuleii opera omnia / Ed. Dr. G. F. Hildebrand. Pars I. Prolegomena... Pp. 206–207.

<sup>2</sup> М. Бернхард приводит примеры подобных выражений с прилагательными *extremus*, *summus*, *ultimus*: Bernhard, Max. Der Stil... S. 174–175.

<sup>3</sup> С точки зрения авторов groningenского комментария к VII книге, *cidit* в тексте рукописи – это глосса для объяснения глагола *compilabat*, употреблённого Апулеем в необычном значении ‘бить, колотить’: Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Westendorp Boerma R. E. H. – Westerbrink A. G. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books VI 25–32 and VII. Text, Introduction and Commentary. Groningen: Bouma’s Boekhuis B. V. Publishers, 1981. P. 202.

<sup>4</sup> Harrison S. J. The Poetics of Fiction: Poetic Influence on the Language of Apuleius’ *Metamorphoses* // Aspects of the Language of Latin Prose, ed. Tobias Reinhardt, Michael Lapidge, J. N. Adams. Oxford: The British Academy, 2005. P. 279.

<sup>5</sup> Rehm, Bernhard. *Indipiscor* // ThLL, Vol. VII, 1 (1934–1964). Pp. 1197–1198.

женской одежды. Напротив, у Апулея это прилагательное всегда (повидимому, неслучайно) относится к мужчинам: такие туники носят красивые юноши-виночерпии на ужине у Биррены в III книге, по-женски одетые и покрашенные жрецы Сирийской богини в VIII книге и актёр, играющий Париса в X книге.

**infio** ‘начинать говорить’ (1, 7, 5; 1, 12, 4; 2, 13, 5; 2, 19, 5; 2, 21, 2; 4, 25, 2; 5, 5, 1; 5, 9, 1; 6, 11, 4; 7, 4, 2; 7, 25, 7; 8, 28, 1; Enn., Pl., Laev., Lucr., Verg., Ov., Liv., Sulpicia, Apul. *apol.* 77, Prud., Iul. Val., Sidon., Boeth., Mart. Cap...) Глагол *infio* – поэтизм с архаическим оттенком, засвидетельствованный начиная с Энния и Плавта, особенно часто встречающийся у Вергилия (только в «Энеиде») и его подражателей. В прозе *infio* встречается крайне редко (до Апулея в прозе *infio* встречается только 3 раза у Тита Ливия). В *apol.* 77, *Met.* 7, 4, 2 и 8, 28, 1 Апулей использует этот глагол в его исходном значении ‘начинать’ с другими глаголами говорения.

**infortunatus** ‘несчастный’ (4, 27, 2; 4, 32, 5; Caecil. *com.* 169, Pl. *Bacch.* 1106, Ter. *Eun.* 298, Cic. *Att.* 2, 24, 4, Apul., Avien. *Arat.* 450, *orb. terr.* 521, Boeth. *cons.* 4, 1, 7 W., Iord. *Get.* 115, Paneg. 2, 11, 4, Ps. Aug. *quaest. test.* 1, 115, 34, Serv. *Aen.* 3, 16, Sidon. *epist.* 2, 8, 1, Symm. *epist.* 6, 22, 4) До Апулея прилагательное *infortunatus* засвидетельствовано только в комедии и в письмах Цицерона. Оба раза в «Метаморфозах» Апулей пользуется этим прилагательным в превосходной степени: *infortunatissimus* Харита называет своего мужа, а рассказывающая ей сказку старуха называет так Психею.

**infortunium** ‘несчастье’ (1, 6, 3; 4, 27, 1; 5, 12, 5; 7, 6, 3; 8, 1, 2; 8, 12, 6; 8, 15, 1; 9, 23, 5; 9, 31, 1; 10, 5, 3; Pl., Ter., Hor., Liv., Apul. *Plat.* 2, 10, Arnob., Auson., Boeth., Claud. Don., Cod. Iust., Cod. Theod., Firm., Itala, Iul. Val., Macr., Novell., Symm.) В отличие от прилагательного *infortunatus*, существительное *infortunium* ‘несчастье’ хорошо засвидетельствовано в латинской литературе, начиная с комедии (в комедии оно чаще выступает в более узком значении – ‘наказание, побои’). Несколько раз Апулей пользуется выражением *domus infortunium* ‘несчастье дома’ (*Met.* 1, 6, 3; 8, 1, 2; 8, 15, 1; 9, 23, 5; 9, 31, 1; 10, 5,

3), которое относится к трагическим событиям, описываемым во вставных новеллах (например, так Аристомен говорит о семье Сократа после его исчезновения и один из слуг начинает таким образом рассказ о кончине Хариты и её супруга).

**inibi** ‘там’ (1, 21, 5; 2, 11, 5; 6, 18, 2; 8, 23, 2; 8, 30, 5; 10, 35, 3; Afran., Caecil., Cato, Pacuv., Pl., V. Afr., Cic., Sen., Vitruv., Fronto, Gell., Apul., Amm., Aur., Greg. Tur., Macr., Novell., Rufin., Ven. Fort...) *Inibi* – архаическое наречие, производное от *ibi* и используемое Апулеем в качестве наречия места. Л. Каллеба предполагает, что это слово вышло из употребления после времени Цицерона и было заново обнаружено архаизирующими писателями.<sup>1</sup>

**inluceo** ‘сиять’ (2, 9, 1; Pl. *Capt.* 597, Apul., Ambr. *in psalm.* 118 *serm.* 19, 39, 2, Conc.<sup>s</sup> I 5 p. 203, 17, *Itala num.* 6, 25, Tert. *puhic.* 7 p. 232, 8) Апулей употребляет редкий глагол *illucere* в своём отступлении о красоте женских волос, которые сияют приятным блеском. До него этот глагол засвидетельствован только у Плавта в комедии «Пленники» в совсем другом контексте: один из пленников делает отсылку к римской пытке чёрной горячей смолой, которая «освещала» голову наказуемого (Pl. *Capt.* 597: *pix atra agitet apud carnificem tuoque capiti inluceat*).

**inscendo** ‘подниматься, взбираться’ (1, 25, 4; 2, 17, 4; 5, 4, 3; 6, 27, 6; 7, 21, 4; 7, 25, 1; 8, 5, 4; 8, 17, 3 (*conj.*);<sup>2</sup> 9, 39, 1; 9, 40, 4; 10, 22, 1; Cato, Pl., Sis., Cic., Suet., Aur. Fronto, Gell., Apul. *Soc.* 9, Hil., Iul. Val., Gloss....) Как отмечает Л. Каллеба, глагол *inscendere* в переходном значении (как он представлен во всех случаях в «Метаморфозах») употреблялся в латинской литературе начиная с Плавта, но такой конструкции избегали авторы классического периода (у Цицерона *inscendere* употребляется с предлогом: *inscenderet in rogam ardentem* (Cic. *div.* 1, 47)).<sup>3</sup> Только у Апулея глагол *inscendere* зафиксирован в эротическом значении ‘покрывать’ (*Met.* 7, 21, 4; 10, 22, 1).

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 519.

<sup>2</sup> *inscindere F, corr. Colvius.*

<sup>3</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 185.



**interstinguo** ‘убивать’ (4, 12, 2; Lucr. 5, 761, Paul. Fest. p. 94 L, Apul.)

Когда один из разбойников рассказывает об упущенной возможности убить старуху, чтобы затем её обворовать, Апулей использует глагол *interstinguere*, до него засвидетельствованный только у Лукреция. Лукреций (а также Фест) употребляет его в значении ‘тушить’ (Lucr. 5, 761: *(aurae) quae faciunt ignis interstingui atque perire*), тогда как Апулей пользуется этим глаголом в переносном значении (аналогично глаголу *exstinguere*, также использовавшемуся в этих значениях, но более распространённому в латинской литературе).

**inurg(u)eo** ‘теснить, толкать’ (8, 10, 1; 9, 15, 2 + Apul. *Met.* 5, 6, 9 (*conj.*);<sup>1</sup>

Lucr. 5, 1035, Apul., Zeno 1, 24, 1) *Inurg(u)ere* – редкий в латинской литературе глагол, по значению почти не отличающийся от бесприставочного *urg(u)ere* ‘теснить’. Этот глагол Апулей использует в VIII книге «Метаморфоз», когда Тразилл не может прекратить добиваться Хариты (*Met.* 8, 10, 1: *identidem pergit lingua satianti susurros improbos inurgere*; сходный контекст наблюдается в V книге романа, когда Психея упрощивает мужа отдать приказ Зефиру доставить её сестёр во дворец, но в этом случае нет необходимости менять чтение *ingerens: ingerens verba mulcentia*). В издании М. Циммерман глагол *inurg(u)ere* также можно видеть в пассаже *Met.* 9, 15, 2 (об избииении Луция-осла на мельнице: *illa mulier... iubebat incoram sui plagas mihi quam plurima inurgeri*). В большинстве изданий в этом месте печатается текст рукописи *F irrogari*, но, согласно Р. Хельму, в архетипе была форма *inurgeri*.<sup>2</sup>

**Iovis** ‘Юпитер’ (4, 33, 2; Acc. *trag.* 332, Enn. *Ann.* 63, Petr. 47, 4, Amp. 2, 6, *Hug. fab.* 63, 1, Apul.)<sup>3</sup> *Iovis* – форма архаического именительного падежа, на месте которой обычно употребляется форма *Iuppiter*. У Апулея этот номинатив представлен в словах оракула, пророчащего Психее брак с чудовищем, которого боится сам Юпитер.

<sup>1</sup> Traube : *ingerens F.*

<sup>2</sup> Hijmans B. L. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Wesseling B. – Zimmerman M. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book IX...* P. 144.

<sup>3</sup> Слово не было включено в статистический анализ, так как это имя собственное.

**iuxtim** ‘рядом’ (2, 13, 5; Liv. Andr. *trag.* 11, Sis. *hist.* 3, Lucr. 4, 501; 4, 1213; Suet. *Tib.* 33, Apul. *flor.* 23, Claud. Mam. *anim.* 1, 25, Itin. Alex. 23, 49, 54, Iul. Val. 1, 24; 1, 28; 1, 31 vers. 47; 1, 42; 2, 29; 3, 53, Non. p. 127, 32) Л. Каллеба предполагает, что Апулей заимствовал слово *iuxtim* у Сизенны (только у Сизенны, в «Метаморфозах» Апулея и в Itin. Alex. 23, 54 эта лексема употребляется в функции предлога, управляющего винительным падежом, в остальных же случаях она используется как наречие).<sup>1</sup> В классическом языке вместо *iuxtim* обычно употребляется слово *iuxta*.<sup>2</sup>

**laetificus** ‘радостный’ (2, 31, 3; 6, 2, 4; Enn. *scaen.* 152, Lucr. 1, 193, Sen. *Tro.* 596, Stat. *Theb.* 8, 261; 12, 521, Apul., Amm. 22, 1, 3, Auson. 349, 3, Cassiod. *hist.* 8, 1, 12, Iren. 4, 10, 2, Itala *gen.* 49, 12, Prisc. *perihieg.* 491, Prud. *c. Symm.* 2, 565) Апулей дважды использует редкое прилагательное *laetificus* в несколько различных значениях: во II книге Биррена предлагает Луцию подготовить для бога Смеха что-нибудь весёлое (*aliquid de proprio lepore laetificum*), а в VI книге Психея обращается в Церере, заклиная её «плодоносными обрядами жатвы» (*deprecor per laetificas messium caerimonias*).<sup>3</sup> Значение ‘плодоносный’, по-видимому, является более древним,<sup>4</sup> и именно таким образом это прилагательное использовал Энний, дав этот эпитет виноградной лозе (Enn. *scaen.* 152: *vites laetificae pampinis*).

**laeto** ‘веселить’ (3, 11, 4; 5, 14, 5; Acc. *trag.* 513, Liv. Andr. *trag.* 7, Apul., Aug. *c. Faust.* 20, 11, Pallad. 1, 6, 18; 11, 8, Non. p. 132, 28, Diom. 1, 364, 21, Itala *psalm.* 20, 7; 91, 5, Max. Taur. *serm.* 47, CIL X 4486, 8) Как уже было отмечено ранее,<sup>5</sup> активные формы отложительных глаголов считаются архаичными; о глаголе *laeto*, например, пишет Prisc. 2, 392, 15: *praeterea plurima inveniuntur apud vetustissimos, quae contra consuetudinem vel activam pro passiva vel passivam pro activa habent terminationem, ut... ‘laeto’ pro ‘laetor’*.

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 478.

<sup>2</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 586; Apuleius of Madauros. Florida / Ed. with a commentary by Vincent Hunink... P. 214.

<sup>3</sup> В переводе М. А. Кузмина «радостными обрядами жатвы»: Апулей. Золотой осёл... С. 172.

<sup>4</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 601.

<sup>5</sup> См. стр. 35–36, 82–83 s. v. *adulo*.

Как считает Л. Каллеба, используя этот глагол в активной форме, Апулей в III книге «Метаморфоз» подражает Ливию Андронику: <*deus Risus*> *frontem tuam serena venustate laetabit adsidue* (cf. Liv. Andr. trag. 7: *iamne oculos specie laetavisti optabili?*).<sup>1</sup> В «Метаморфозах» чаще засвидетельствованы привычные формы глагола *laetor*, поэтому две активные формы (обе употреблены в будущем времени: *laetabit* и *laetabunt*) сильно выделяются на их фоне.

**largitus** ‘обильно’ (11, 30, 1; Afran. com. 212, Apul.) Хотя большинство издателей принимает рукописное чтение *largitus* в этом месте «Метаморфоз», исключительная редкость этого наречия и тот факт, что Апулей обычно предпочитает наречие *largiter*, могут вызывать подозрения.<sup>2</sup> М. Циммерман, например, в своём издании принимает конъектуру Ш. Тильга *largitionibus*.<sup>3</sup>

**larvatus** ‘одержимый злым духом’ (9, 31, 1; Pl. Amph. frg. 6, 8, Men. 890, frg. inc. 48, Apul. apol. 63, 9, Non. p. 44, 20, Paul. Fest. p. 106 L, Gloss.) Прилагательное *larvatus*, образованное от существительного *larva*, обозначающего злого духа, засвидетельствовано уже у Плавта. В «Апологии» Апулей использует причастие от ещё более редкого глагола *larvare*,<sup>4</sup> образованного от данного прилагательного (apol. 63: *hunc... qui larvam putat, ipse est... larvans*).

**lepidus** ‘изящный’ (1, 1, 2; 1, 2, 6; 1, 20, 5; 2, 7, 7; 2, 20, 7; 3, 19, 1; 4, 27, 8; 5, 31, 4; 6, 10, 6; 9, 4, 4; Pl., Rhet. Her., Ter., Catull., Cic., Hor., Lucr., Mart., Petr., Suet., Gell., Apul. apol. 10, 7; 11, 3, Plat. 2, 14, Drac., Ps. Rufin.) Как отмечает ThLL, прилагательное *lepidus* чаще всего встречается у Плавта и Теренция, а затем вновь переживает расцвет в работах Геллия и Апулея, хотя и встречается в классический период (уже у Цицерона *lepidus* встречается

<sup>1</sup> Callebat L. Sermo... Pp. 295–296.

<sup>2</sup> Keulen W. H. – Tilg. S. – Nicolini L. – Graverini L. – Harrison S. J. – Panayotakis S. – Mal-Maeder D. van. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book XI... Pp. 502–503.

<sup>3</sup> Apulei Metamorphoseon libri XI / Rec. M. Zimmerman... P. 283.

<sup>4</sup> Apuleius of Madauros. Pro Se De Magia (Apologia) / Ed. with a commentary by Vincent Hunink... Pp. 168–169.

довольно редко).<sup>1</sup> В «Метаморфозах» Апулея это прилагательное обычно используется либо как литературный термин (*fabularum lepida iucunditas* (1, 2, 6), *lepidae fabulae festiuitate* (1, 20, 5), *lepidi sermonis* (2, 20, 7), *narrationibus lepidis* (4, 27, 8)), либо в словосочетании *puella lepida*, относящемся к Фотиде и Психее.

**litteratus** ‘помеченный буквами’ (3, 17, 4; 6, 3, 4; 9, 12, 4; Pl. *Cas.* 401, *Poen.* 836, *Rud.* 478, 1156, 1159, Apul., Caes. Arel. *serm.* 195, 3) Хотя прилагательное *litteratus* широко использовалось в латинской литературе в значении ‘грамотный, образованный’, Апулей в «Метаморфозах» употребляет его таким образом лишь однажды (10, 2, 1: *iuvenem filium probe litteratum*). В остальных случаях *litteratus* в романе означает ‘помеченный буквами’. До Апулея это значение засвидетельствовано только у Плавта. Оба автора используют это прилагательное как по отношению к предметам (например, сосудам и полоскам ткани), так и по отношению к заклеянным рабам.

**longule** ‘далеко’ (9, 15, 6; Pl. *Men.* 64, *Rud.* 266, Ter. *Haut.* 239, Apul. *flor.* 2, *Prisc.* 3, 51, 21; 80,1) Возможно, Апулей заимствовал уменьшительное наречие *longule* из комедийной лексики (контекст данного эпизода по характеру вполне подходит жанру комедии: Луций-осёл радуется, что благодаря огромным ослиным ушам ему легко подслушивать чужие разговоры даже издалека). Во «Флоридах» Апулей также использует наречие *longule* (о восприятии отдалённых вещей глазами, а не ушами, как в «Метаморфозах»), причём тоже с прилагательным *dissitus* ‘отдалённый’ (возможно, являющимся неологизмом).

**ludicre** ‘для забавы’ (9, 7, 6; Enn. *ann.* 73, Apul., Aug. *Vapt.* 7, 53, 102) В рассказе о ремесленнике и его неверной жене Апулей использует очень редкое наречие *ludicre*, описывая, как жена получала удовольствие, издеваясь над мужем. До Апулея это наречие зафиксировано только у Энния (*ann.* 73: *pars ludicre saxa iactant, inter se licitantur*).

<sup>1</sup> Kuhlmann, Gerhard. *Lepidus* // ThLL, Vol. VII, 2 (1970–1979). P. 1171; Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 627.

**lurcho** ‘обжора’ (8, 25, 3; Lucil. 75, Pl. *Persa* 421, Lenaeus frg. ap. Suet. *gramm.* 15, 2, Apul. *apol.* 57, 2, Non. p. 10, 27, Paul. Fest. p. 107 L, Prob. *cath. gramm.* 4, 10, 22, Serv. *Aen.* 6, 4, Gloss.) Л. Каллеба считает слово *lurcho* возможным заимствованием из Плавта и Луцилия,<sup>1</sup> а В/О, наоборот, полагают, что слово сохранилось в повседневной речи.<sup>2</sup> Редкость и случаи употребления этого слова скорее говорят в пользу заимствования (из художественной литературы дошли только случаи употребления у Апулея, Светония и авторов архаического периода, поздние грамматики лишь комментируют его значение).

**luror** ‘бледность, болезненная желтизна’ (1, 6, 1; 8, 7, 6; 9, 12, 4; 9, 30, 3; Lucr. 4, 308, Apul., Gloss. V 603, 33) До Апулея слово *luror* засвидетельствовано только у Лукреция в его изложении теории о природе зрения: больные желтухой видят мир в жёлтом цвете (*lurida*), потому что их тела источают семена желтизны (*luroris... semina*). У Апулея *luror* характеризует болезненный цвет лица страдающих персонажей: Сократа, замученного колдуньей Мероей, переживающей смерть супруга Хариты, измотанных рабов на мельнице. Прилагательное *luridus* с тем же корнем более распространено в латинской литературе и зафиксировано ещё у Плавта, но Апулей использует его лишь однажды (в *Met.* 5, 18, 5 при описании вида Психеи, напуганной сёстрами, будто она состоит в браке с чудовищем).

**lusito** ‘забавляться’ (4, 7, 2; Pl. *Capt.* 1003, Suetius *carm.* frg. 2, Gell. 18, 13, 1, Apul., Iul. Val. 1, 41, Macr. *sat.* 2, 6, 5, Tert. *nat.* 2, 13, 17) Л. Каллеба считает, что Геллий и Апулей заимствовали итеративный глагол *lusitare* у Плавта.<sup>3</sup>

**machaera** ‘меч’ (4, 4, 4; 9, 40, 3; Acc., Caecil., Enn., Pl., Sen., Suet., Apul., Ambr., Ampel., Capitol., Isid., Itala, Macr., Rufin., Serv., Tert...) Хотя заимствованное из греческого языка существительное *machaera* хорошо засвидетельствовано в латинской литературе (особенно в сочинениях

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 507.

<sup>2</sup> В/О, p. 121.

<sup>3</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 516.

христианских писателей), его избегали авторы классического периода. Макробий пишет, что вольность пользоваться греческими словами, включая *machaera*, позволяли себе древние: *hac licentia largius usi sunt veteres, parcius Maro: quippe illi dixerunt et pausam et machaeram et asotiam et malacen et alia similia* (Macr. sat. 6, 4, 22). В большинстве случаев Апулей пользуется привычным существительным *gladius*, а также словами *gladiolus* и *culter*.

**manduco** ‘обжора’ (6, 31, 4; Pompon. Atell. 112, Apul., Schol. Ter. Bemb. Eun. 228, Gloss.) Л. Каллеба отмечает, что Апулей, употребляя слово *manduco*, заимствует его из языка ателланы (существительное *manduco* до Апулея засвидетельствовано только у Помпония, но также Варрон и Фест пишут о слове *manducus*, обозначавшем актёра ателланы в маске обжоры). В романе «Метаморфозы» разбойники называют *manduco* Луция-осла, говоря о его прожорливости и лени.

**mansues** ‘ручной, прирученный’ (11, 8, 4 + 7, 23, 3;<sup>1</sup> Acc., Cato, Pl., Var., Gell., Apul., Non., Paul. Fest., Gloss.<sup>L</sup> I Ansil.) При описании шествия, посвящённого Исиде, Апулей упоминает в процессии ручную медведицу (*ursam mansuem*). *Mansues* – редкое и архаичное прилагательное, вместо которого в классической литературе обычно использовался синоним *mansuetus*.

**meditullium** ‘середина’ (3, 27, 2; 5, 1, 2; 7, 19, 4; 10, 32, 1; 11, 24, 2; Serv. ap. Cic., Apul. Plat. 2, 5, Amm., Aug., Cassian., Hier., Paul. Fest., Iul. Val., Ven. Fort., Tert., Gloss...) Хотя слово *meditullium* было известно во времена Цицерона, он упоминает его лишь мельком (Цицерон отмечает, что для Сервия Сульпиция Руфа -*liminium* в слове *postliminium* не имеет значения, как и -*tullium* в слове *meditullium* (Cic. top. 36). У других авторов того же или более раннего периода оно не засвидетельствовано. Об архаичности

<sup>1</sup> В этом месте многие издатели (включая Р. Хельма) принимают конъектуру Дж. Прайса *mites*, так как рукописное чтение выглядит как *mansuetos ac mansues* – избыточное сочетание из однокоренных синонимов, которое, тем не менее, вполне допустимо: Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Westendorp Voerma R. E. H. – Westerbrink A. G. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books VI 25–32 and VII... Pp. 233–234. М. Циммерман в своём издании сохраняет рукописное чтение.

существительного *meditullium* пишут L&S и словарь Эрну–Мейе.<sup>1</sup> В большинстве случаев (4 из 5 случаев употребления в романе) Апулей использует это слово в выражении *in ipso meditullio*.

**medullitus** ‘глубоко внутри, до глубины души’ (7, 2, 4; 10, 25, 1; Enn., Pl., Var., Apul. *flor.* 18, Amm., Aug., Cassian., Cassiod., Cypr., Greg. M., Non., Paul. Fest., Prud., Sidon., Zeno, Gloss...) Как отмечает В. Хуник, редкое наречие *medullitus* обладает выраженным архаическим оттенком.<sup>2</sup> Это слово встречается уже у архаических авторов как в буквальном (‘в костном мозге’), так и в образном смысле. Апулей скорее использует это наречие образно, хотя в X книге можно различить оба значения: один из героев, потрясённый смертью сестры «до мозга костей», заболевает разлитием желчи.

**mendicabulum** ‘попрошайка’ (9, 4, 3; Pl., Apul. *apol.* 22, 9, *flor.* 9, Auson., Non., Paul. Nol., Gloss.) *Mendicabulum* – редкое слово, которое Апулей употребляет в том же значении, в котором обычно использовалось слово *tendicus* ‘попрошайка’, или же в значении ‘орудие нищенского ремесла’ в соответствии с другими словами на *-bulum*.<sup>3</sup> В «Метаморфозах» так описывает себя Луций-осёл, когда он был на службе у жрецов Сирийской богини.

**mensula** ‘столик’ (2, 11, 15; 2, 15, 5; Lucil., Pl., Petr., Fronto, Apul., Amm., Arnob., Boeth., Cassiod., Exc. *Cassiod.*, Hier., Mart. Cap., Paneg., Paul. Nol., Ps. Aug., Romul., Vitae patr.) Хотя слово *mensula* хорошо засвидетельствовано в поздней латыни, по-видимому, оно достаточно редко использовалось до Апулея. В *Met.* 2, 11, 15 деминутив употреблён не случайно: рассказчик, поветствуя об ужине в гостях у Милона, отзывается о размере стола несколько иронично, намекая на скупость хозяина.

**miseriter** ‘жалобно’ (8, 5, 10; Enn. (ap. Prisc. *gramm.* 3, 71, 5), Catull. 63, 49, Laber. *mim.* 149, Apul., Iord. *Get.* 41, 216, Iul. Val. 2, 28; 2, 32) В VIII книге

<sup>1</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 700.

<sup>2</sup> Apuleius of Madauros. Florida / Ed. with a commentary by Vincent Hunink... P. 195.

<sup>3</sup> Hijmans B. L. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Wesseling B. – Zimmerman M. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book IX... P. 57.

Апулей использует наречие *miseriter* (поэтизм с архаическим оттенком), когда умирающий Тлеподем жалостно взывает к помощи Тразилла, которого считал другом. В *Met.* 5, 17, 2 и 8, 8, 6 Апулей использует более распространённую форму *misere*.

**morigerus** ‘покорный’ (2, 5, 7; Afran., Naev., Pl., Ter., Lucr., Apul. *apol.* 14, 5; 74, 7, Ambr., Amm., Aug., Cassiod., Iul. Val., Ps. Rufin., Tert., Zeno...) Прилагательное *morigerus* принадлежит комедийной лексике.<sup>1</sup> Так обычно характеризовалось поведение жены по отношению к мужу, в том числе в эротическом контексте.<sup>2</sup> У Апулея же роли меняются, и женщина – колдунья Памфила – расправляется с недостаточно покорными мужчинами (*minus morigeros*).

**morsiuncula** ‘небольшой укус’ (8, 22, 7; Pl. *Ps.* 67 (ср. *oppressiunculae Ps.* 68), Apul., Gloss. II 523, 19) Повествуя о казни раба, которого хозяин приказал обмазать мёдом и отдать на съедение муравьям, Апулей использует деминутив *morsiuncula*, до этого засвидетельствованный только у Плавта (в эротическом контексте) и, возможно, придуманный им. Если у Плавта уменьшительно-ласкательное существительное употреблено в значении ‘лёгкое, нежное покусывание’, то у Апулея такая форма прямо указывает на малый размер муравьёв и их укусов, которые, тем не менее, были очень болезненными.

**mundule** ‘опрятно’ (2, 7, 3; Acc. *trag.* 602, Apul.) Словарь L&S ошибочно помечает наречие *mundule* как постклассическое.<sup>3</sup> Очень редкое прилагательное *mundulus*, от которого образовано это наречие, в сочинениях Апулея не зафиксировано, но его использовал Плавт (*Truc.* 658). Апулей использует слово *mundule* при описании одеяния стряпающей Фотиды: *ipsa linea tunica mundule amicta... illud cibarium vasculum... rotabat.*

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 510; Pasetti, Lucia. *Plauto...* Pp. 110–111.

<sup>2</sup> Adams J. N. *The Latin Sexual Vocabulary.* London: Duckworth, 1982. P. 164.

<sup>3</sup> L&S, p. 1175.



**mustulentus** ‘изобилующий виноградным вином’ (2, 4, 8; 9, 32, 2; Pl. *Cist.* 382 (ap. Non. p. 68, 28; 415, 15), Apul., Zeno 1, 33, 1, Gloss. V 651, 3) У Плавта прилагательное *mustulentus* относится к воздуху (*ventus*), Апулей же оба раза использует это редкое слово, когда речь идёт об осени: «в пору сбора винограда» (*mustulentus aetumnus*; *Met.* 2, 4, 8) и «после винных наслаждений осени» (*post mustulentas autumni delicias*; 9, 32, 2). Позднее такое употребление у Апулея заимствовал Зенон Веронский (1, 33: *prosequitur congrue mustulentus autumnus*).

**navita** ‘моряк’ (6, 19, 6; 6, 20, 4; Cato, Pl., Cic., Col., Germ., Hor., Luc., Lucr., Manil., Mart., Ov., Prop., Sen., Stat., Tib., Petr., Verg., Gell., Apul., Fest.) Словарь L&S помечает вариант *navita* как доклассический и поэтический.<sup>1</sup> В классической литературе обычно использовалось написание *nauta*, однако для поэтических произведений характерен вариант *navita* (например, Цицерон в прозе пользуется только формой *nauta*, а в стихах – *navita*, но такое строгое деление вовсе не обязательно: Вергилий и Гораций и в поэзии значительно чаще употребляют форму *nauta*). Фест считает такое произношение более правильным: *navitas secundum incorruptam consuetudinem dictos, quos nunc nautas dicimus* (Fest. pp. 170–171 L). В дошедших до нас сочинениях Апулея (как и Геллия) форма *nauta* не зафиксирована.

**nuncupo** ‘называть’ (2, 13, 1; 2, 30, 4; 4, 26, 5; 4, 30, 5; 4, 34, 5; 7, 14, 1; 10, 18, 1; 11, 5, 5; 11, 16, 6; 11, 20, 2; 11, 21, 8; 11, 24, 3; XII Tab. ap. Fest., Pacuv., Caes., Cic., Liv., Mart., Ovid., Petr., Plin. *nat.*, Plin. *pan.*, *ep.*, Quint., Sall., Suet., Tac., Val. Max., Var., Fronto, Apul. *apol.* 4, 7; 50, 7; 61, 2; 64, 5, *Soc.* 2, 5, 6, 15, 24, *mund.* 10, *Plat.* 1, 11; 1, 12; 1, 18; 2, 3; 2, 7; 2, 12, Aur. Vict., Fest., Iust., Maur., Zeno) Несмотря на внушительный список авторов, использовавших глагол *nuncupo*, нет сомнений в том, что это архаизм: об этом прямо свидетельствуют Цицерон (*De Orat.* 3, 38, 153) и Квинтилиан (*Inst.* 8, 3, 27), хотя сам Цицерон не единожды пользовался этим словом, в том числе в речах.

<sup>1</sup> *ibid.*, p. 1191.

**nuntium** ‘весть’ (7, 1, 2; 8, 6, 5; Catull., Var., Apul., Sedul., Serv.) В классическом языке для обозначения и вестника, и вести использовалось слово *nuntius* мужского рода, однако в «Метаморфозах» Апулей пользуется редким существительным *nuntium* среднего рода. Согласно Нонию, существительное *nuntium* широкого распространения не получило, но использовалось некоторыми учёными людьми: *nuntius generi masculini; neutro apud aliquos non receptae auctoritatis lectum est, sed doctos* (Non. p. 215).

**obgannio** ‘бормотать’ (2, 2, 3; 2, 11, 1; Pl. *Asin.* 422, Ter. *Phorm.* 1030, Apul., Avien. *ora* 23, Hier. *epist.* 54, 5, 1, Symm. *epist.* 1, 23, 4, Gloss.) До Апулея глагол *obgannire* встречается в двух комедиях Плавта и Теренция, где он имеет то же значение, что и бесприставочный глагол *gannire* ‘лять, ворчать, браниться’, используемый для описания речи раздражённых людей. У Апулея же значение несколько другое – ‘бормотать, шептать’. В «Метаморфозах» этот глагол используется, когда раб Биррены что-то шепчет ей на ухо (2, 2, 3: *senex iam gravis in annis... statim incertum quidnam in aurem mulieris obganniit*) и когда Фотида с Луцием договариваются о свидании (2, 11, 1: *his et talibus obgannitis sermonibus inter nos discessum est*).

**obitus** ‘посещение’ (9, 13, 4; Acc. *trag.* 139, Ter. *Hec.* 859, Turp. *com.* 67, Apul., Paul. Fest. p. 207 L, Paul. Nol. *epist.* 49, 8) Существительное *obitus* нередко встречается в сочинениях латинских авторов, но обычно оно употребляется в значении ‘смерть’ или ‘закат’. У архаичных авторов и Апулея значение *obitus* буквальное – ‘посещение, приближение’. На то, что такое значение характерно для древних писателей, также указывает словарь Феста: *obitu dicebant antiqui pro aditu* (Paul. Fest. p. 207 L). У Апулея это существительное возникает, когда рассказчик отмечает, что гомеровский Одиссей потому открыл в себе великие достоинства, что посетил много стран (*multarum civitatum obitu*) и ознакомился с различными народами.

**obsono** ‘закупать еду’ (1, 24, 8; Cato, Pl., Ter., Cic., Apul. *apol.* 21, 2; 29, 6, Tert., Gramm.) В I книге «Метаморфоз» мы находим комичный эпизод: на рынке Луций торгуется, чтобы купить рыбу, а купив, внезапно встречает

своего товарища Пифия, с которым когда-то вместе учился. Оказывается, Пифий выполняет обязанности эдила, и, узнав, по какой цене Луций купил рыбу, добросовестный чиновник вытряхивает её перед продавцом и отчитывает того за товар дурного качества. Так Луций теряет и деньги, и еду. Весь этот эпизод переполнен архаизмами (например, *cibatus*, *cuppedo*, *opiparus*, *praestino*, *deosculor*, *severitudo*, *obstupidus*), включая глагол *obsonare*, характерный для языка комедии (у Плавта он засвидетельствован более 20 раз). Хотя зачастую архаизмы у Апулея не связаны с предметом повествования, в данном случае комизм эпизода подчёркивается комедийной лексикой.

**obstupidus** ‘изумлённый’ (1, 25, 6; Pacuv. *trag.* 53, Pl. *Mil.* 1254, Gell. 5, 1, 6, Apul., Schol. Pers. 3, 80, Gloss.) *Obstupidus* – редкое прилагательное, которое не засвидетельствовано в римской художественной литературе после Апулея. Оно также встречается в комичном эпизоде, где Луций лишается купленной на рынке рыбы. Бесприставочное прилагательное *stupidus* тоже редко встречается в дошедших до нас текстах, но в классический период его употребляет Цицерон (у Апулея оно встречается дважды – *Met.* 2, 2, 1; 4, 28, 3).

**obtrudo** ‘всовывать, вталкивать’ (7, 28, 3; Pl., Ter., Ov., Apul., Amm., Aug., Cael. Aur., Fest., Greg. Tur., Novell., Prud., Ps. Rufin., Sedul...) До Апулея глагол *obtrudere* редко встречается в латинской литературе (у Плавта он зафиксирован трижды, у Теренция – дважды, у Овидия – один раз),<sup>1</sup> но у поздних авторов он более распространён. В «Метаморфозах» этот глагол употребляется при описании мучений, которым Луция-осла подвергала мать мальчика-садиста, сама не лишённая подобной жестокости.

**obtundo** ‘бить’ (4, 3, 3; 6, 25, 4; 7, 17, 4; 7, 28, 2; 9, 21, 5; 9, 31, 1; 9, 37, 1; 9, 39, 3; Pl. *Amph.* 606, *Cas.* 931, *Men.* 851, Apul., Claud. Don. *Aen.* 12, 870, Lampr.

<sup>1</sup> Чтение *obstrusa* у Овидия (*Met.* 11, 48) вызывает сомнения, так как значение этого причастия не вписывается в контекст: *obstrusaque carbasa pullo // naides et dryades possosque habuere capillos*. Возможно, вместо *obstrusa* стоит читать *abstrusa*: Griffin A. H. F. A Commentary on Ovid “Metamorphoses” Book XI // *Hermathena*. № 162–163 (1997). Pp. 78–79.

*Comm.* 9, 6 (причастие **obtusus**: *Lucil.* 1266, *Pl. Cas.* 862, *Apul. Met.* 9, 37, 1, *Oribas. syn.* 8, 3)) Глагол *obtundere* в классической литературе употребляется обычно в значениях ‘оглушать’, ‘притуплять’, ‘докучать’, а в прямом значении ‘бить’ он встречается очень редко. Тем не менее, у Апулея в «Метаморфозах» *obtundere* чаще встречается именно в этом значении (в других его сочинениях этот глагол не встречается). По мнению Л. Каллеба, такое употребление продиктовано влиянием комедии.<sup>1</sup>

**occipio** ‘начинать’ (3, 2, 1; 5, 15, 3; 6, 27, 3; 6, 30, 5; 7, 18, 3; 9, 7, 4; 9, 14, 1; *Caecil.*, *Cato*, *Pl.* (72 раза), *Sis.*, *Ter.* (14 раз), *Turpil.*, *Calp. hist.*, *Liv.*, *Phaedr.*, *Sall.*, *Tac.*, *Apul. apol.* 51, 4, *flor.* 3, 13, 16, *Amm.*, *Arnob.*, *Boeth.*, *Itin. Alex.*, *Sol.*...) До Апулея глагол *occipere* засвидетельствован в основном в комедии и исторических сочинениях. Скорее всего, Апулей рассматривал его как архаизм, значение имела и частотность его употребления у Плавта и Теренция.<sup>2</sup>

**oculeus** ‘состоящий из глаз’ (2, 23, 4; *Pl. Aul.* 555, *Apul.*, *Mart. Cap.* 8, 811; *Prisc.* 2, 114, 22) По-видимому, с помощью прилагательного *oculeus* Апулей делает отсылку к комедии Плавта:<sup>3</sup> у Апулея *oculeus* зовётся Телефрон, доказывающий, что он обладает прекрасными способностями для работы, предполагающей охрану трупа от посягательств ведьм (*vides hominem ferreum et insomnem, certe perspicaciorem ipso Lynceo vel Argo et oculeum totum*), а у Плавта эпитет *oculeus* относится к Аргусу, который не смог бы уследить за поварами, если они решат своровать еду в доме Эвклиона. По-видимому, это прилагательное было придумано Плавтом. Обычно для прилагательных, обозначающих обилие какого-то признака, используется суффикс *-osus*, например, *aquosus* ‘изобилующий водой’, *otiosus* ‘имеющий много свободного времени’. Суффикс *-eus*, как правило, используется для прилагательных, обозначающих материал, ср. *ligneus* ‘деревянный’, *corticeus*

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 518.

<sup>2</sup> Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Westendorp Boerma R. E. H. – Westerbrink A. G. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books VI 25–32 and VII...* P. 44; Nicolini, Lara. *La Novella...* P. 186; *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet...* P. 172.

<sup>3</sup> Callebat, Louis. *L'Archaïsme...* P. 349.

‘сделанный из коры, пробковый’. Получается, что Аргус у Плавта не просто усыпан глазами, а прямо-таки представляет из себя сплошной глаз. Апулей, питавший слабость к необычным формам и нестандартным значениям слов, наверняка оценил это плавтовское прилагательное.

**offigo** ‘вбивать, приколачивать’ (4, 10, 3; Cato *agr.* 48, 2, Pl. *Most.* 360, Liv. 33, 5, 10, Var. *rust.* 2, 2, 16, Apul., Paul. Nol. *carm.* 26, 253, Lex *par. fac. Puteol.* (CIL I<sup>2</sup> 698)) В «Метаморфозах» один из разбойников рассказывает о неудачной попытке ограбить дом фиванского менялы Хризероса: когда главарь шайки Ламах просовывает руку в дверное отверстие, чтобы отодвинуть засов, Хризерос внезапно приколачивает его руку гвоздём к двери. У Плавта в комедии «Привидение» раб Транион обращается к зрителям с просьбой претерпеть пытки вместо него и предлагает деньги тому, чьи руки и ноги прибьют к кресту. Оба автора используют в этих эпизодах редкий глагол *offigere*, и, возможно, Апулей в данном случае заимствовал его у комедиографа.

**offreno** ‘укрощать’ (6, 19, 4; Pl. *Capt.* 755, Apul. *apol.* 77, 4) Глагол *offrenare* засвидетельствован только у Плавта и Апулея и только в форме пассивного причастия прошедшего времени. У Плавта и в «Апологии» «укрощёнными» предстают люди, тогда как в «Метаморфозах» причастие относится к Церберу, бдительность которого Психея должна была усыпить ячменной лепёшкой. Во всех случаях, где засвидетельствовано это причастие, подразумевается некий обман или хитрость (Pl. *Capt.* 755: *usque offrenatum suis me ductarent dolis*; Apul. *apol.* 77, 4: *iuvenem... novae nuptae inlecebris obfrenatum... de via deflectit*).

**oleagineus** ‘оливковый’ (3, 8, 1; 10, 30, 7; Cato, Col., Labeo *dig.*, Plin. *nat.*, Var., Vitruv., Gell., Apul., Chiron (=Veg.), Obseq., Paul. Fest.) *Oleagineus* – достаточно редкое в латинской литературе прилагательное, обычно вместо него использовалось слово *olearius*. Хотя вероятно, что слово *oleagineus*

скорее принадлежит разговорному языку, как архаизм его помечает Л. Гаргантини.<sup>1</sup>

**opipare** ‘обильно’ (5, 8, 1; Caecil., Pl., Cic. *Att.*, *off.*, *Apul. Soc.* 22, Hier., Iul. Val., Romul., Sidon., Gloss.) Как и прилагательное *opiparus*, наречие *opipare* достаточно редко встречается в латинской литературе. Возможно, оно обычно употреблялось в контексте подготовки и проведения трапезы, потому что именно с застольями связана большая часть случаев употребления этого наречия. Так, у Апулея в «Метаморфозах» *opipare* относится к яствам, которые Психея готовит для своих сестёр, и у Цицерона в письмах и трактате «Об обязанностях» (всего 4 случая употребления) *opipare* употреблено в подобном контексте. Интересно, что и для второго случая употребления *opipare* у Апулея (*Soc.* 22) есть более древний пример: и у Апулея в трактате «О божестве Сократа», и у Плавта в «Вакхидах» речь идёт о роскоши зданий.

**opiparus** ‘обильный’ (1, 24, 4; 2, 19, 1; 5, 15, 5; 6, 19, 4; 7, 11, 1; 9, 33, 3; 10, 13, 6; Pl., *Apul. Soc.* 22, Arnob., Iul. Val., Lampr., Mutian., Non., Paul. Fest., Porph., Ps. Ambr., Schol. Verg. Veron., Sol., *Inscr. coc. Falisc.*, Gloss.) Архаичное прилагательное *opiparus* также зачастую относится к еде и застольям:<sup>2</sup> у Апулея большинство случаев употребления попадает в эту категорию (в этом отношении отличается эпизод *Met.* 5, 15, 5, где Психея нагружает сестёр богатыми подарками, и *Soc.* 22, где речь идёт о роскошной утвари). Стоит отметить, что в нескольких случаях Апулей склоняет прилагательное *opiparus* по 3-му склонению (впоследствии такие формы обнаруживаются у Амвросия и Муциана, но до Апулея засвидетельствованы только формы 2-го склонения).

**oppido** ‘весьма’ (2, 12, 5; 2, 16, 6; 2, 20, 1; 2, 21, 7; 2, 25, 3; 3, 9, 2; 6, 13, 3; 7, 11, 4; 8, 22, 1; 9, 32, 4; 10, 23, 5; 10, 29, 1; 11, 29, 2; Pl., Ter., *Bell. Afr.*, Catull., Cic., Liv., Quint., Vitruv., Gell., *Apul. apol.* 3, 12; 20, 1; 26, 6; 35, 7; 62, 5; 67, 6; 73, 1; 92, 6, *flor.* 1, 9, 21, *Soc.* 20, praef. 4 (дважды), *Plat.* 2, 19, *mund.* praef., Amm.,

<sup>1</sup> Gargantini, Luisa. *Ricerche...* P. 35.

<sup>2</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 823.

Claud. Mam., Hier., Maecian., Paul. Fest, Sidon., Symm., Tert., Vulg...) Наречие *oppido* – один из любимых архаизмов Апулея: 29 раз оно засвидетельствовано в 6 его сочинениях. Квинтилиан свидетельствует об архаичности данного слова (*Inst.* 8, 3, 25: “*oppido*”, *quamquam usi sunt paulum tempore nostro superiores, vereor ut iam nos ferat quisquam: certe “antegerio”, cuius eadem significatio est, nemo nisi ambitiosus utetur*).

**partiaro** ‘частично’ (9, 27, 4; Cato *agr.* 16, 137, Apul.) *Partiaro* – застывшая форма отложительного падежа от прилагательного *partiarus*, OLD выносит её отдельно как наречие, а ThLL рассматривает как форму субстантивированного прилагательного.<sup>1</sup> В «Метаморфозах» *partiaro* встречается в прямой речи мельника (хозяина Луция-осла), который, обнаружив любовника жены, не расстраивается, а предлагает такое решение: «Я не варвар и не такая уж заскорузлая деревенщина, чтобы... обрушивать на голову такого хорошенького и миленького мальчика суровую кару закона о прелюбодеянии, нет, я попросту произведу делёж с женою (*plane cum uxore mea partiaro tractabo*)».<sup>2</sup> Принимая во внимание упоминание закона о прелюбодеянии и тот факт, что прилагательное *partiarus*, вероятно, принадлежит к юридической лексике, в данном случае стоит признать перевод М. А. Кузмина очень удачным.

**partiarus** ‘общий’ (4, 30, 1; 8, 26, 5; Cato, Apul., Cod. Iust., Gaius, Synod. Nil., Tert.) Юридический термин *partiarus* также используется Апулеем как способ выразить ироническое отношение к происходящему: в *Met.* 4, 30, 1 Венера негодует, как она вынуждена делить почести со смертной Психеей (*cum mortali puella partiaro maiestatis honore tractor*), а в *Met.* 8, 26, 5 «общим любовником» (*partiarus concubinus*) называется раб у жрецов Сирийской богини.

**participo** ‘участвовать, привлекать к участию’ (1, 4, 6; 8, 9, 3; 9, 24, 2; 9, 33, 3; Enn., Pl., Cic., Liv., Lucr., Fronto, Gell., Apul. *apol.* 14, 6; 24, 9; 47, 5; 55, 8,

<sup>1</sup> Gatti, Paolo. *Partiarus* // ThLL, Vol. X, 1 (1982–1997). P. 493.

<sup>2</sup> Перевод М. А. Кузмина (Апулей. Золотой осёл... С. 303).

*Soc.* 16, *Plat.* 1.15, *Ambr.*, *Amm.*, *Arnob.*, *Aug.*, *Auson.*, *Cassiod.*, *Iren.*, *Itala*, *Iul. Val.*, *Lact.*, *Prud.*, *Spart. Nadr.*, *Symm.*, *Tert.*, *Ulp.*, *Ven. Fort.*, *Vulg.*, *Gloss...*)  
 Глагол *participare* засвидетельствован в сочинениях Плавта 6 раз, после этого он несколько раз встречается у Энния, Лукреция, Цицерона и Ливия, но не чаще двух раз у одного автора. Тем не менее, начиная со времени расцвета архаизаторского движения этот глагол фиксируется всё чаще. В «Метаморфозах» в трёх случаях из четырёх глагол *participare* используется в контексте угощения или принятия пищи (1, 4, 6: *prandio participabo*; 9, 24, 2: *mensam nobiscum... participat*; 9, 33, 3: *opipari prandio participat*).

**patagium** ‘золотая кайма’ (2, 9, 7; *Naev. trag.* 43, *Apul.*, *Non.* p. 540, 3, *Paul. Fest.* p. 246 L, *Tert. pall.* 3, 1, *Gloss.*) Существительное *patagium* редко встречается в литературе на латинском языке, а в литературе на греческом (предполагают, что *patagium* заимствовано из греческого)<sup>1</sup> вовсе не зафиксировано. Тем не менее, по случаям употребления у Невия и Тертуллиана можно судить, что *patagium* означает какую-то часть одежды, а словари Феста и Нония поясняют, что речь идёт о золотой кайме. В комедии «Клад» Плавта также упоминаются некие *patagiarii*, которые либо производили одежду с такой каймой, либо продавали её, а в комедии «Эпидик» перечисляются различные виды туник, среди которых есть и *patagiata*. Хотя, согласно толкованию Нония, *patagium* – атрибут дорогого гардероба (*Non.* p. 540: *patagium: aureus clavus, qui pretiosis vestibus inmitti solet*), у Апулея в такой тунике ходит Фотида, служанка в доме скупого Милона.

**patibulatus** ‘пригвождённый’ (4, 10, 4; *Pl. Most.* 56, *Apul. (conj.)*)<sup>2</sup> Хотя составители groningenского комментария к IV книге «Метаморфоз» защищают рукописное чтение *patibulum*,<sup>3</sup> большинство издателей считают, что у Апулея в тексте должно быть прилагательное *patibulatus*. Так

<sup>1</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 861.

<sup>2</sup> *corr. Scaliger* : patibulum F.

<sup>3</sup> Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Smits E. R. – Westendorp Boerma R. E. H. – Westerbrink A. G. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book IV 1–27. Text, Introduction and Commentary. Groningen: Bouma's Boekhuis B. V. Publishers, 1977. Pp. 83–84.



«пригвождённым» оказывается разбойник Ламах, чью руку хозяин дома приколотил к двери.

**paupertinus** ‘бедный’ (3, 13, 1; 4, 12, 4; Var., Gell., Apul., Alc. Avit., Amm., Arnob., Hier., Prud., Sidon., Symm., Tert., Vitae patr.) Прилагательное *paupertinus*, образованное от синонимичного прилагательного *pauper*, впервые засвидетельствовано в двух фрагментах Варрона, сохранённых Нонием (Non. p. 55, p. 162), и далее встречается у архаизаторов Геллия и Апулея, а также у более поздних авторов. У Апулея в «Метаморфозах» *paupertinus* оба раза употреблено вместе с уменьшительно-ласкательным существительным: в III книге *paupertina cenula* называется обед у скупца Милона, а в IV книге так (*paupertinae pannosaeque resculae*) называет свои пожитки хитрая старуха, чтобы убедить грабящего её разбойника обратить внимание на её более состоятельных соседей. Общеупотребительное прилагательное *pauper* Апулей использует намного чаще (в «Метаморфозах» оно засвидетельствовано 8 раз), а в *Met.* 9, 31, 3 Апулей прибегает к уменьшительно-ласкательному *pauperculus*, менее распространённому у римских авторов (это прилагательное несколько раз засвидетельствовано у Плавта и Теренция, а также часто встречается в сочинениях христианских авторов).

**pausa** ‘остановка’ (8, 28, 5; 9, 31, 2; 11, 2, 4; Acc., Cornelia, Enn., Lucil., Pl., Lucr., Ps. Sen., Sulpicia, Aur. Fronto, Fronto, Gell., Apul., Ambrosiast., Arnob., Aug., Auson., Cassiod., Chalc., Hier., Hist. Aug., Iul. Val., Macr., Zeno...) Существительное *pausa* редко употребляется в классической литературе и в основном используется в выражениях *pausam facere* и *pausam dare*.<sup>1</sup> Именно так употребляет это слово и Апулей (в VIII книге – с глаголом *dare*, в IX книге – с *facere*). Хотя в XI книге Апулей использует глагол *tribuere*, общее значение словосочетания остаётся тем же.

**pauxillum** ‘маленькое количество’ (10, 27, 2; Pl., Apul., Aug., Claud. Mam., Gild., Hier., Marcell. *med.*, Hier., Querol., Sol., Vulg.) Возможно,

<sup>1</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 868.

субстантивированное прилагательное *pauxillum* Апулей заимствовал из языка комедиографов: до него в таком же значении *pauxillum* дважды употребляет Плавт (*Aul.* 112, *Capt.* 176), но также стоит отметить и прилагательное *pauxillus*, хорошо засвидетельствованное в архаической комедии (у таких авторов, как Плавт, Невий, Афраний, Турпилий).

**pecu** ‘скот’ (2, 1, 5; 2, 5, 7; 6, 12, 4; 6, 22, 4; 7, 11, 1; 9, 35, 4; 11, 7, 3; Acc., Caecil., Cato, Host. ap. Prisc., Naev., Pl., Cic., Liv., Plin. *nat.*, Var., Apul. *flor.* 2, Fest., Iul. Val., Min. Fel., Paneg., Prud., Gloss.) Существительное *pecu* (форма генетива единственного числа не засвидетельствована) – древнее слово, вместо которого в классическое время чаще пользовались словом *pecus*, *-oris*.<sup>1</sup> Из представленных выше авторов больше всего его употребляли Плавт (в его сочинениях оно засвидетельствовано 5 раз) и Апулей (8 раз).

**penitus** ‘глубокий’ (6, 13, 5; 9, 26, 4; 11, 6, 5; Pl., Var., Gell., Apul. frg. 3, Soc. 16, Amm., Auson., Hier., Isid., Iul. Val., Macr., Mart. Cap., Paul. Nol., Porph., Sidon., Gloss., Gramm.) В отличие от наречия *penitus*, архаическое прилагательное *penitus* достаточно редко встречается в латинской литературе. Апулей пользуется им как в положительной форме (все три случая употребления в «Метаморфозах»; до него в положительной степени *penitus* засвидетельствовано только у Плавта), так и в сравнительной (во фрагменте романа «Гермагор»: *in penitiorem partem*), и в превосходной (*Soc.* 16: *in ipsis penitissimis mentibus*).

**permarceo** ‘быть слабым’ (8, 8, 7 (*conj.*);<sup>2</sup> Enn. *ann.* 534, Apul.) В VIII книге «Метаморфоз» тень убитого Тлеполема является Харите во сне с целью предостеречь её от брака со своим убийцей. К сожалению, речь Тлеполема содержит несколько текстологических проблем, одна из которых связана с формой *permanat* в рукописи *F*: *etsi pectori tuo iam permanat nostri memoria vel acerbae mortis meae casus foedus caritatis intercidit*. Так как *permanare* никогда не управляет дательным падежом, издатели предполагают, что в данном месте

<sup>1</sup> *ibid.*, p. 870.

<sup>2</sup> *Helm* : *F* permanat,  $\varnothing$  permaneat.

текст сильно искажён, и предлагают различные решения.<sup>1</sup> Так, Р. Хельм предложил конъектуру *permarcet*, которая действительно даёт хороший смысл, но *permarcere* – редкий глагол, засвидетельствованный до Апулея только у Энния, а позже и вовсе не зафиксированный. М. Циммерман в своём издании предпочитает чтение *permaneat*.

**perpes** ‘продолжительный’ (2, 22, 2; 3, 3, 7; 9, 11, 1; Pacuv., Pl., Apul. *apol.* 73, 7, *flor.* 17, *Soc.* 1, Ambr., Auson., Calp., Cod. Theod., Hier., Iul. Val., Iust., Lact., Mart. Cap., Maur., Min. Fel., Paul. Fest., Paul. Nol., Prud., Tert., Zeno, Gloss...) Как отмечает словарь Эрну–Мейе, прилагательное *perpes* было вытеснено лексемой *perpetuus* и встречается только у архаических авторов и архаизаторов II в. н. э. (и в более позднее время).<sup>2</sup> Прилагательное *perpes* можно рассматривать как поэтизм с архаическим оттенком (Paul. Fest. p. 239 L: *perpetem pro perpetuo dixerunt poetae*).

**perpetro** ‘совершать’ (1, 8, 6; 5, 9, 1; 5, 31, 2; 10, 8, 3; Pacuv., Pl., Curt., Liv., Tac., Tiro, Var., Flor., Fronto, Gell., Apul., Arnob., Aug., Cod. Theod., Cypr., Fest., Greg. M., Hier., Itala, Pomer., Rufin., Suet., Tert., Vulg...) Глагол *perpetrare* засвидетельствован у множества разных авторов (особенно у историков: 24 раза этот глагол встречается у Ливия, у Тацита – 12 раз), но его определённо избегали использовать в классический период. Тем не менее, это слово становится очень популярным во II в. н. э. и далее.

**perprurisco** ‘раззудеться’ (10, 22, 1; Pl. *St.* 761, Apul.) Апулей, употребляя глагол *perprurisco*, делает несомненную отсылку к Плавту: в комедии «Стих» раб Сагарин просит флейтиста сыграть такую сладостную песню, чтобы всех «проняло до ноготочков» (*St.* 761: *ubi perpruriscamus usque ex unguiculis*). Главный герой романа Апулея употребляет такое же выражение (*ex unguiculis perpruriscens*) в своих размышлениях о том, как прекрасная матрона, даже возбуждённая до кончиков ногтей, может возлечь с ослом.

<sup>1</sup> Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Settels C. B. J. – Wesseling B. – Westendorp Boerma R. E. H. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book VIII... Pp. 91–92.

<sup>2</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 884.

**persentisco** ‘чувствовать’ (8, 10, 3; 8, 22, 7; Pl., Ter., Lucr., Apul. *Plat.* 1, 13, *flor.* 12, Aug., Dict., Sol., Gloss., Gramm.) В двух эпизодах VIII книги «Метаморфоз» Апулей использует глагол *persentiscere* (в *Met.* 8, 10, 3 он относится к домочадцам, которые не должны разведать о тайных встречах Тразилла и Хариты, а в *Met.* 8, 22, 7 – к муравьям, учувшим запах мёда). До Апулея это слово засвидетельствовано в основном в комедии.

**perspicax** ‘зоркий’ (2, 23, 4; Afran., inc. trag. (ap. Cic.), Ter., Cic. *off.*, Apul. *apol.* 53, 4, *Soc.* prol. 4, Ambr., Arnob., Aug., Hier., Macr., Prud., Rufin., Sidon., Tert...) Апулей использует прилагательное *perspicax* в прямом смысле (в «Метаморфозах» и «О божестве Сократа»), тогда как чаще всего оно употребляется в переносном значении ‘проницательный’ (значение ‘зоркий’ до Апулея не засвидетельствовано; в «Апологии» он называет судью «строгим и проницательным») (*apol.* 53, 4: *cum tam gravi et perspicaci iudice*).

**pessulus** ‘задвижка, засов’ (1, 11, 5; 1, 14, 1; 1, 14, 7; 3, 15, 2; 4, 18, 8; 9, 20, 4; Lucil., Pl., Ter., Var., Apul., Arnob., Fulg., Greg. Tur., Marcell. *med.*, Paul. Nol., Rufin., Sidon., Gloss....) Как отмечает Р. Т. ван дер Паардт, существительное *pessulus* не встречается в классической латыни, но характерно для комедии.<sup>1</sup> Апулей также трижды в романе использует прилагательное *oppesulatus* ‘запертый на засов’ (*Met.* 1, 22, 1; 1, 22, 5; 9, 30, 6), до него это слово засвидетельствовано только у Петрония (*Petr.* 97, 7).

**petitus** ‘требование’ (6, 7, 1; Lucr., Gell., Apul. *apol.* 45, 1; 48, 11, *Plat.* 1, 4, Ambr., Amm., Cypr., Sidon., Symm...) Существительное *petitus* редко встречается в латинской литературе. Один раз оно засвидетельствовано у Лукреция в значении ‘движение, наклон’, затем, начиная с Геллия и Апулея оно встречается со значением ‘требование, просьба’. Р. Мараш рассматривает это существительное как архаизм, отмечая, что оно часто встречается в надписях.<sup>2</sup> И в надписях, и в художественной литературе *petitus* практически всегда используется как формула (*ad petitem, sine petitem* или просто в форме

<sup>1</sup> Paardt R. T., van der. L. Apuleius Madaurensis the Metamorphoses. A Commentary on Book III... P. 112.

<sup>2</sup> Marache, René. Mots... P. 159

аблатива *petitu*, как во всех случаях у Апулея). В «Метаморфозах» этим словом обозначается надменное требование Венеры, когда она обращается к Юпитеру, чтобы тот позволил ей воспользоваться услугами Меркурия. Возможно, слово *petitus* воспринималось читателями романа как юридический термин (сам Апулей дважды пользуется им в своей «Апологии», и подобная лексика характерна для образа Венеры в его романе).

**piscatus** ‘улов’ (1, 24, 4; 1, 24, 8; Pl., Pompon., Turp., Cic. *fin.*, Plin. *nat.*, Var., Vitruv., Fronto, Apul., Aug., Itala, Macer. *dig.*, Inscr.) Существительное *piscatus* достаточно редко встречается в латинских текстах, больше всего оно засвидетельствовано у Плавта (7 раз). Хотя в словаре Эрну–Мейе указано, что это слово принадлежит классическому языку,<sup>1</sup> однако, как отмечает Л. Каллеба, авторы этого периода явно избегали использования слова *piscatus*.<sup>2</sup>

**pol** ‘клянусь Поллуком!’ (1, 8, 1; 1, 24, 6; Caecil., Enn., Liv. Andr., Naev., Pl., Pompon., Ter., Titin., Cic. *de orat.*, Hor. *epist.*, Priap., Apul., Don., Serv.) Междометие *pol* (сокращение от *edepol*, клятва Поллуком) лучше всего засвидетельствовано в античной комедии и в классический период, по-видимому, использовалось редко.<sup>3</sup> Апулей употребляет его только в первой книге «Метаморфоз», в диалоге Аристомена и Сократа о злобной колдунье Мерое и разговоре Луция со старым другом Пифием, встретившимся ему на рынке.

**pone** ‘позади’ (1, 4, 4; 1, 11, 5; 1, 15, 1; 2, 4, 6; 2, 9, 3; 2, 29, 1; 3, 8, 1; 4, 1, 5; 4, 20, 1; 5, 25, 6; 8, 31, 1; 9, 21, 3; 9, 25, 1; 9, 37, 6; 10, 31, 5; 11, 9, 2; 11, 24, 2; Cato, Enn., Lucil., Pl., Rhet. Her., Ter., Cic., Liv., Plin. *nat.*, Prop., Quint., Rut. Lup., Sen., Sil., Stat., Suet., Tac., Val. Max., Verg., Gell., Apul. *flor.* 15, Amm., Aug., Hier., Mart. Cap., Sidon., Tert., Gramm....) *Pone* использовалось и как предлог, и как наречие. Об архаичности этого слова свидетельствуют

<sup>1</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 902.

<sup>2</sup> Callebat L. Sermo... P. 59.

<sup>3</sup> May, Regine. Apuleius. Metamorphoses... P. 132.

Квинтилиан (*Inst.* 8, 3, 25: *pone... adspergunt illam... vetustatis inimitabilem arti auctoritatem*) и словарь Феста (р. 292 L: *pone gravi sono antiqui utebantur pro loci significatione*). Чаще всего слово *pone* встречается у Тацита и Апулея, хотя последний употребляет его только в романе «Метаморфозы», за исключением одного случая во «Флоридах».

**potatio** ‘попойка’ (8, 1, 5; Pl., Cic. or. frg., Apul., Ambr., Aug., Cael. Aur., Cassiod., Claud. Don., Ferreol., Fest., Firm., Fulg., Greg. M., Greg. Tur., Heges., Nil., Itala, Pomer., Zeno...) Существительное *potatio* редко встречается в латинской литературе до Апулея (оно засвидетельствовано трижды в комедиях Плавта и один раз во фрагменте речи Цицерона, переданном Квинтилианом (*Inst.* 8, 3, 66)). У Апулея это слово встречается при описании личности Тразилла – человека благородного, но привыкшего к разврату и дневным попойкам. Л. Гаргантини помечает это слово как архаизм.<sup>1</sup>

**praegnatio** ‘беременность’ (1, 9, 5 (дважды); 5, 16, 4; 5, 18, 1; 10, 23, 3; Var., Apul., Ps. Apul. *Ascl.* 41, *Interpr. Paul. sent.*, Max. Taur., Ps. Ambr., Ser. Sann.) Хотя существительное *praegnatio* дважды засвидетельствовано уже у Варрона, оно встречается в основном только в сочинениях позднего периода латинской литературы. Как отмечает У. Койлен, обычно, когда в романе используется слово *praegnatio*, подразумевается нечто необыкновенное:<sup>2</sup> в I книге колдунья Мероя обрекает женщину на вечную беременность, а в V книге сестры Психеи обсуждают необычного ребёнка, которого она вынашивает.

**praegrans** ‘огромный’ (2, 24, 5; 6, 19, 3; Pacuv., Mela, Pers., Plin. *nat.*, Suet., Apul., Alc. Avit., Aug., Iul. Val., Marcell. *med.*, Tert., *Vitae patr.*, *Vulg.*) Прилагательное *praegrans* с приставкой *prae-*, усиливающей значение,<sup>3</sup> чаще всего встречается у Плиния (18 раз). В «Метаморфозах» «преогромным

<sup>1</sup> Gargantini, Luisa. *Ricerche...* P. 39.

<sup>2</sup> Keulen W. H. *Apuleius, Metamorphoses. Book I...* P. 219.

<sup>3</sup> Leumann, Manu. *Lateinische Laut- und Formenlehre.* München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1977. S. 400.

псом» называется Кербер, а во II книге Телефрон просит большую лампу, чтобы всю ночь караулить мертвеца.

**praesegmen** ‘обрезок’ (2, 20, 2; Pl., Apul., Ennod., Fulg., Hil., Isid., Non., Pacian., Prud., Symm., Gloss.) *Praesegmen* – редкое существительное, до Апулея зафиксированное только в комедии Плавта «Клад», где оно обозначает обрезки ногтей. По контексту «Метаморфоз» точно нельзя сказать, что Апулей подразумевал под этим словом в своём романе: там расплывчато называются некие остатки и обрезки трупов, которые могут быть использованы в магических ритуалах (*Met.* 2, 20, 2: *reliquiae quaedam et cadaverum praesegmina*). Более подробно эти «ингредиенты» для зелий описываются в *Met.* 3, 17, где среди вещей Памфилы перечисляются человеческие ноздри, пальцы, кровь.

**praesentarius** ‘настоящий, наличный, сильнодействующий’ (2, 25, 4; 10, 4, 6; 10, 9, 1; Pl., Gell., Apul., Boeth., Iulian., Zeno) У Плавта прилагательное *praesentarius* засвидетельствовано 5 раз, и в большинстве случаев речь у него идёт о деньгах. У Апулея своей «наличествующей силой» (*Met.* 2, 25, 4: *nostrim vim praesentariam*) Телефрон пугает забежавшую к нему ласку. В X книге романа Апулей дважды упоминает *venenum praesentarium* – сильный яд, который действует сразу, как только его принять (Апулей также называет его *venenum momentarium*). Р. Мараш предполагает, что такое значение *praesentarius* применительно к яду было заимствовано Апулеем у Геллия (Геллий рассказывает об Атилии Регуле, который попросил у карфагенян медленный яд для себя: *venenum sibi Carthaginenses dedisse, non praesentarium, sed eiusmodi, quod mortem in diem proferret* (Gell. 7, 4, 1)).<sup>1</sup> До Геллия в том же значении зафиксировано прилагательное *praesentaneus* (Sen. *epist.* 95, 25, Ps. Quint. *decl.* 13, 6, Plin. *nat.* 24, 119).

**praestino** ‘покупать’ (1, 5, 4; 1, 24, 4; 4, 15, 3 (*conj.*);<sup>2</sup> 7, 9, 6; 8, 23, 3; 8, 24, 3; 9, 6, 5; 9, 8, 3; 9, 10, 5; 10, 13, 4; Pl., Apul. *apol.* 101, 7, *flor.* 9, Paul. *Fest.* p.

<sup>1</sup> Marache, René. Mots... P. 183.

<sup>2</sup> praestinatae Beroaldus : praedestinatae F.

249 L) За исключением упоминаний этого глагола в глоссах и словаре Феста, слово *praestinare* засвидетельствовано только в сочинениях Плавта и Апулея, поэтому предполагают, что Апулей прямо заимствовал его у комедиографа.<sup>1</sup> У Плавта этот глагол зафиксирован трижды, причём 2 раза он употреблён в контексте покупки рыбы. В связи с этим Л. Каллеба особенно выделяет соответствующий эпизод в романе Апулея: *forum cupidinis peto, inque eo piscatum opiparem expositum video et percontato pretio... praestinavi* (*Met.* 1, 24, 4; ср. Pl. *Ps.* 169: *ego eo in macellum, ut piscium quidquid ibist pretio praestinem*).<sup>2</sup>

**primigenius** ‘перворождённый’ (11, 5, 2; Var., Cic., Liv., Apul., Amm., Arnob., Aug., Claud. Mam., Fest., Itala, Mart. Cap., Gramm., Inscr...) Гронингенский комментарий отмечает принадлежность прилагательного *primigenius* архаическому языку, а также его религиозную окраску (в надписях слово *primigenius* фигурирует как эпитет богов).<sup>3</sup> В романе Апулея Исида называет *primigenii* фригийцев, выделяя их как самый древний народ.

**proeliaris** ‘похожий на сражение’ (3, 6, 1; 8, 16, 6; 10, 31, 5; Pl., Apul., Ambr., Ennod., Heges., Isid., Itala, Iul. Val., Macr., Paul. Fest.) До Апулея прилагательное *proeliaris* засвидетельствовано только один раз, в комедии Плавта «Куркулион», где воин Ферапонтигон так хвастливо называет бесчисленные битвы, в которых он участвовал (Pl. *Curc.* 573: *meaeque pugnae proeliales plurimae optritae iacent?*). Так же плеонастично употребляет это прилагательное и Апулей в III книге «Метаморфоз», где с помощью выражения *proeliaris acies* Луций, защищаясь на суде, описывает свою схватку с разбойниками, оказавшимися впоследствии виновными бурдюками. Таким же выражением в VIII книге называется процессия пастухов, вооружённых подручными предметами в страхе встретить по дороге волков. Только в X книге прилагательное встречается не в шутовском описании

<sup>1</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 1150.

<sup>2</sup> Callebat L. Sermo... Pp. 484–485.

<sup>3</sup> Keulen W. H. – Tilg. S. – Nicolini L. – Graverini L. – Harrison S. J. – Panayotakis S. – Mal-Maeder D. van. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book XI... P. 157.



схватки: там *proeliaris dea* ('войнолюбивой богиней') рассказчик называет Минерву, появляющуюся на сцене при инсценировке суда Париса.

**prolixus** 'длинный, вытянутый, долгий' (1, 20, 5; 1, 23, 8; 2, 9, 4; 3, 24, 5; 3, 27, 3; 3, 29, 1; 4, 1, 2; 5, 25, 5; 8, 9, 2; 11, 3, 4; 11, 26, 1; Pacuv., Ter., Col., Plin. nat., Suet., Var., Vitr., Gell., Apul. flor. 15, mund. 16, Ambr., Amm., Aug., Cod. Theod., Firm., Greg. Tur., Hier., Iul. Val., Macr., Mart. Cap., Porph., Serv., Sidon., Sol...) Прилагательное *prolixus* хорошо засвидетельствовано в латинской литературе, но, по-видимому, авторы классического периода избегали его использования в значении 'длинный, вытянутый' (у Цицерона в письмах несколько раз *prolixus* фигурирует в значении 'благожелательный' в отношении людей или их действий, но в «Метаморфозах» Апулея это прилагательное употребляется иначе: о долгой дороге, о длинных волосах, о продолжительном разговоре).<sup>1</sup>

**prolubium** 'желание' (10, 21, 4; Acc., Caecil., Laber., Naev., Ter., trag. inc., Varro, Gell., Apul., Don., Gloss.) Существительное *prolubium* в основном засвидетельствовано в древней комедии и не зафиксировано в художественной литературе после Геллия и Апулея. В «Метаморфозах» с помощью выражения *prolubium libidinis* описываются чувства Луция-осла на свидании со знатной матроной.

**promico** 'выступать' (3, 10, 3; 3, 21, 5; 10, 29, 2; Naev., Apul., Amm., Conc. Carth., Euseb. Gallic., Hymn. Walpole, Iul. Val., Non., Pass. Marcul., Serm. Rev. Bened.) *Promicare* – редкий глагол, засвидетельствованный до Апулея только во фрагменте комедии Невия (Naev. com. 16). Ноний (Non. p. 65) поясняет, что у него *promicare* означает то же, что и *extendere* и *porro iacere*. У Апулея и поздних авторов значение несколько иное: в «Метаморфозах» глагол *promicare* описывает, как проступают слёзы, у Памфилы появляются перья, а из земли вырастают розы.

---

<sup>1</sup> Callebat L. Sermo... P. 408.

**properiter** ‘поспешно’ (1, 22, 8; 5, 29, 1; 6, 26, 4; 7, 25, 1; 10, 27, 3; Acc., Pacuv., Apul., Sept. Ser., Auson., Iul. Val., Iulian., Gloss.) *Properiter* – архаическое наречие, до Апулея и его современника Септимия Серена зафиксированное в римской трагедии. Наряду с ним существовало также наречие *propere*, чаще встречавшееся в латинской литературе. Апулей пользуется и лексемой *properiter*, и лексемой *propere* (в 3 раза чаще), по-видимому, без существенного различия.

**propitio** ‘умилостивлять’ (1, 10, 5; 2, 10, 5; 2, 28, 6; 2, 31, 2; 4, 29, 4; 6, 1, 1; 9, 27, 3; 10, 32, 2; 11, 2, 2; 11, 9, 4; 11, 26, 3; Pacuv., Pl., Curt., Plin. *nat.*, Sen. *philos.*, Suet., Tac., Val. Max., Gell., Apul., Amm., Aug., Itala, Itin. Alex., Macr., Prud., Sidon., Tert., Vulg...) Глагол *propitiare* избегался авторами классического периода.<sup>1</sup> Обычно он использовался в качестве религиозного термина (в особенности в сочинениях христианских писателей). В «Метаморфозах» Апулея этот глагол возникает в контексте умилостивления богов (от бога Смеха до Исиды), колдуний и пророков, а также в любовных ласках (с помощью этого глагола Луций просит Фотиду сжалиться над ним).

**propudiosus** ‘бесстыдный’ (9, 27, 2; Pl., Gell., Apul. *apol.* 75, 1, Arnob., Faust., Itala, Min. Fel., Priscill., Rut. Nam., Sidon., Tert., Gloss.) Прилагательное *propudiosus* и в комедиях Плавта, и у Геллия и Апулея используется как оскорбление в адрес женщины (в «Метаморфозах» так называется неверная жена мельника) или мужчины (в «Апологии» Апулей так отзывается о своём обвинителе Гереннии Руфине). Л. Каллеба называет прилагательное *propudiosus* плавтовским (у Плавта оно зафиксировано дважды).<sup>2</sup>

**prorsum** ‘прямо’ (3, 2, 4; 5, 1, 4; 5, 11, 2; 9, 37, 6; 10, 1, 1; Afran., Cato, Lucil., Pl., Ter., Lucr., Fronto, Gell., Apul. *apol.* 4, 12, *flor.* 9, 18, Chalc., Don., Paul. Fest.) Наречие *prorsum* засвидетельствовано в основном у авторов доклассического периода и у архаизаторов (особенно часто встречается в комедиях Плавта). Более распространённой в римской литературе была форма

<sup>1</sup> L&S, p. 1471.

<sup>2</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 512.

*prorsus*, например, Цицерон и Квинтилиан пользуются исключительно формой *prorsus*. Согласно ThLL, в сочинениях Апулея зафиксировано около 92 случаев употребления *prorsus* и только 8 случаев употребления *prorsum*.<sup>1</sup>

**prosapia** ‘род’ (1, 1, 2; 3, 11, 1; 6, 23, 4; 8, 2, 5; 9, 35, 3; 10, 18, 1; Cato, Pl., Cic., Quint., Sall., Suet., Apul. *Soc.* 23, *apol.* 18, 12, Ambr., Amm., Arnob., Cassiod., Claud. Don., Cod. Theod., Ennod., Fest., Greg. Tur., Heges., Iul. Val., Iust., Min. Fel., Prud., Rufin., Serv., Tert., Ven. Fort., Zeno, Gloss....) Об архаичности существительного *prosapia* свидетельствуют Цицерон (*Tim.* 39: *ut utamur vetere verbo*) и Квинтилиан (*Inst.* 1, 6, 40: *nihil est odiosius adfectione, nec utique ab ultimis et iam oblitteratis repetita temporibus, qualia sunt... ‘prosapia’*). Как отмечают комментаторы романа «Метаморфозы», у Апулея *prosapia* всегда имеет оттенок торжественности.<sup>2</sup>

**proserpo** ‘выползать’ (4, 19, 1; 6, 14, 4; 7, 24, 4; Pl., Var., Apul. *apol.* 85, 5, Ambr., Amm., Arnob., Aug., Avien., Cod. Iust., Eustath., Fulg., Seren. Samm., Tert., Vincent. Ler., Gloss.) Как и Плавт, Апулей пользуется глаголом *proserpo* при описании змей или сравнении с ними (в «Апологии» глагол описывает действия гадюки, а в «Метаморфозах» по-змеиному выползают один из рабов во время грабежа дома, медведица, а также драконы, охраняющие источник, питающий воды Коцита).

**protelo** ‘отражать’ (8, 18, 4; 9, 2, 4; Sis., Ter., Turp., Fronto, Apul., Ambr., Avien., Don., Fest., Fulg., Iust., Non., Tert., Ulp., Vulg., Gloss...) Глагол *protelare* в прозе до Апулея засвидетельствован только в одном из фрагментов исторического сочинения Сизенны. Л. Каллеба отмечает этот глагол как пример древних слов, использование которых является общей характеристикой стиля и Сизенны, и Апулея.<sup>3</sup>

**provincia** ‘поручение’ (6, 21, 4; 9, 17, 5; Pl., Ter., Cic., Apul. *Soc.* 6, Aug. Chalc., Claud. Mam., Fulg., Hier., Longin., Macr., Novell., Sidon., Symm., Tert.)

<sup>1</sup> Wick, Claudia. *Prorsus, prorsum* // ThLL, Vol. X, 2 (1995–2009). P. 2156.

<sup>2</sup> Zimmerman M. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book X...* P. 250; Nicolini, Lara. *La Novella...* P. 262.

<sup>3</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 478.

Обычно существительное *provincia* использовалось для обозначения территории вне Италии, находившейся под управлением римского чиновника, либо для обозначения особой функции или задания должностного лица в Древнем Риме. Тем не менее, дважды в романе Апулей пользуется этим словом для обозначения поручения в бытовой обстановке (такое употребление несколько раз зафиксировано в комедиях Плавта). В «Метаморфозах» словом *provincia* обозначается последнее задание, данное Венерой Психее, а также приказ рабу декуриона Барбара следить за его женой Аретой в его отсутствие.

**publicitus** ‘открыто’ (1, 10, 1; 3, 16, 4; 6, 7, 3; 10, 29, 1; Caecil., Enn., Lucil., Pl., Pompon., Ter., Titin., Gell., Apul. *flor.* 9, *apol.* 14, 2, Auson., Claud. Mam., Hist. Aug., Mart. Cap., Paneg., Prud., Gramm.) Наравне с наречием *publice*, в латинском языке существовало и наречие *publicitus*, хотя засвидетельствовано оно в основном в литературе доклассического периода, а затем заимствовано писателями-архаизаторами.

**puellus** ‘мальчик’ (5, 16, 4; 7, 21, 2; 9, 27, 4; 10, 29, 4; 10, 32, 1; Enn., Lucil., Pl., Lucr., Suet., Var., inc. poet. ap. Gell. (возможно, это стихотворение принадлежит Апулею),<sup>1</sup> Apul., Ser. *med.*, Gloss.) В латинском языке в качестве деминутивов от слова *puer* употреблялись слова *puerculus*, *puerulus*, *puellus*. Светоний пишет, что в древности как девочек называли *puerae*, так и мальчиков *puelli* (*Cal.* 8), но авторы классического периода лексемы *puellus* избегают.

**pulvisculus** ‘пыль’ (9, 12, 4; Pl., Apul. *apol.* 6, 3; 6, 4; 16, 7, Arnob., Cael. Aur., Claud. Mam., Hier., Isid., Sol., Vigil., Gramm.) До Апулея деминутив *pulvisculus* засвидетельствован только в комедиях Плавта. В «Метаморфозах» это слово обозначает мучную пыль, которой покрыты работающие на мельнице рабы. Как отмечает Л. Пазетти, при описании этих рабов в романе используется много редких и архаичных слов (включая *pulvisculus*), многие из

<sup>1</sup> Dahlmann H. Ein Gedicht des Apuleius? Gellius 19, 10 // *Abhandlungen des Geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse*, № 8: Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur – Wiesbaden: F. Steiner, 1979.

которых заимствованы у Плавта.<sup>1</sup> При этом Л. Пазетти утверждает, что *pulvisculus* у Апулея (как в «Метаморфозах», так и в «Апологии») принадлежит именно архаической лексике, а не языку комедии: в комедиях Плавта *pulvisculus* используется исключительно в составе устойчивого сочетания *converrere (averrere) cum pulvisculo* ‘сметать всё до последней крошки’.

**purpuro** ‘окрашивать(ся) в пурпур’ (6, 24, 3; 10, 22, 1; Fur. Ant. (poeta vetus ap. Gell.), Col., Apul., Amm., Aug., Hist. Aug., Mart. Cap., Paul. Nol., Prud., Rufin...) Геллий приводит глагол *purpurare* как одно из слов, которые употреблял поэт II–I вв. до н. э. Фурий Анциат и употребление которых не одобрял грамматик Цезеллий Виндекс. По-видимому, для Геллия и Апулея это слово выглядело как архаизм.<sup>2</sup>

**putor** ‘гниль’ (4, 3, 10; Cato, Lucr., Plin. nat., Stat., Var., Apul., Arnob., Aug., Caes. Arel., Hier., Porph., Serv....) Гронингенский комментарий к IV книге «Метаморфоз» называет существительное *putor* «немного архаичным» (slightly archaic).<sup>3</sup> У Апулея это слово обозначает дурной запах ослиного навоза.

**quaerito** ‘искать’ (3, 27, 6; 6, 5, 4; Enn. ap. Macrobr., Pl., Pompon., Rhet. Her., Ter., Catull., Vell., Apul., Aug., Hier., Salv.) Как отмечает этимологический словарь Эрну–Мейе, итератив *quaeritare* в основном засвидетельствован в языке комедии (у Плавта зафиксировано около 40 случаев употребления этого глагола, у Теренция – всего 4).<sup>4</sup>

**quaesito** ‘поиски’ (5, 28, 1; Pl. Cas. 513, Apul., CIL I 814, 5) *Quaesitio* – очень редкое в латинской литературе существительное, синонимичное более распространённому *quaestio*. Единственный случай употребления этого существительного в художественной литературе, помимо «Метаморфоз»

<sup>1</sup> Pasetti, Lucia. Plauto... Pp. 21–22.

<sup>2</sup> Zimmerman M. – Panayotakis S. – Hunink V.C. – Keulen W.H. – Harrison S. J. – McCreight Th. D. – Wesseling B. – Mal-Maeder D. van. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books IV 28–35, V and VI 1–24... P. 549.

<sup>3</sup> Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Smits E. R. – Westendorp Boerma R. E. H. – Westerbrink A. G. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book IV... P. 45.

<sup>4</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 972; Callebat L. Sermo... P. 516.

Апулея, – это Pl. *Cas.* 513, в составе словосочетания *in quaesitione esse* ‘быть искомым’.

**quaqua** ‘где бы ни’ (4, 6, 3; 11, 4, 1; 11, 24, 3 + 11, 30, 5 (*conj.*);<sup>1</sup> Pl., Culex, Suet., Var., Apul.) Относительное наречие *quaqua* представляет собой форму отложительного падежа местоимения *quisquis* и, по-видимому, достаточно редко встречается в латинской литературе.

**quippini** ‘конечно’ (9, 26, 3; Pl., Apul.) *Quippini* – частица, в основном засвидетельствованная в вопросительных предложениях в комедиях Плавта (у этого комедиографа она зафиксирована 16 раз). У Апулея, однако, эта частица встречается не в прямой речи, а в описании действий жены мельника: *adponebat ei propere, quamvis invita, mulier quippini destinatam alii* («жена быстро подала ему (*т. е. мужу*) на стол, хотя и неохотно, потому что кушанье, конечно же, предназначалось другому (*т. е. любовнику*)»); перевод наш. – С. Д.).

**reapse** ‘в самом деле’ (1, 13, 3; 11, 13, 1; Pacuv., Pl., Scip. min. or. frg. Fest., Cic., Sen., Fronto, Gell., Apul. *apol.* 67, 6, Boeth., Chalc., Itin. Alex., Iul. Val.) Оба раза наречие *reapse* в «Метаморфозах» передано в рукописи *F* как *reabse*, но даже если современники Апулея произносили это слово таким образом, нет сомнений, что сам Апулей знал этимологию этого наречия (*re eapse*). Хотя *reapse* несколько раз засвидетельствовано в философских трактатах Цицерона («О государстве», «О пределах добра и зла», «Об обязанностях», «О дивинации», «О законах», «Лелий, или О дружбе», а также один раз в письме Луцию Папирию Пету (*fam.* 9, 15)), уже Сенека в своих «Письмах к Луцилию» (*epist.* 108, 32) посчитал необходимым объяснить значение этого выражения и упомянуть, что его использовал Цицерон.

**recello** ‘отводить’ (7, 24, 5; 10, 22, 4; Liv. 24, 34, 10, Lucr. 6, 573, Apul., Fest., Gloss.) *Recello* – очень редкий латинский глагол, засвидетельствованный до Апулея только у двух авторов, Лукреция и Ливия, причём в непереходном

<sup>1</sup> Oudendorp : qua F.

значении ('отступать, отскакивать'). У Апулея в «Метаморфозах» *recellere* оба раза употреблено в переходном значении, когда Луций-осёл отводит назад часть своего тела (*Met.* 7, 24, 5: *totum corporis pondus in postremos poplites recello*; 10, 22, 4: *nates recellebam*).

**recuro** 'лечить' (6, 25, 2; 8, 18, 6; Catull., Plin. *nat.*, Stat., Apul., Aug., Cael. Aur., Isid., Tert....) *Recurare* – редкий глагол, впервые засвидетельствованный у Катулла. П. Медан приводит этот глагол в ряду архаизмов, хотя, вероятно, слово принадлежало разговорному языку.<sup>1</sup>

**rescula/recula** 'мелочь' (4, 12, 4; Pl. *Cist.* 377, Pl. frag. ap. Prisc. 3, 33, Cic. *Sest.* 110, Apul., Don. *vita Verg.*, Greg. Tur., Мах. Tur., Salv., Gramm.) *Rescula* – редкий деминутив, образованный от существительного *res*. Как отмечает этимологический словарь Эрну–Мейе, это слово было заимствовано архаизаторами позднего периода римской литературы.<sup>2</sup> Л. Каллеба считает, что это плавтовское слово, выбранное Апулеем из-за своей архаичности.<sup>3</sup> В романе «Метаморфозы» это слово произносит старуха, перед вором старающаяся выдать свои вещи за ничего не стоящий хлам (*Met.* 4, 12, 4: *paupertinas pannosasque resculas*).

**saepicule** 'частенько' (1, 12, 1; 2, 3, 3; 6, 28, 1; 8, 20, 3; 9, 30, 6; 9, 39, 1; 11, 28, 3; Pl. *Cas.* 703, Apul., Don. *Ter. Eun.* 269) По-видимому, наречие *saepicule* Апулей заимствовал у Плавта, который воспользовался этим деминутивом с иронией (Pl. *Cas.* 703: *saepicule peccas* – «частенько ошибаешься», о частых оговорках).<sup>4</sup> В VIII книге «Метаморфоз» Апулей пользуется этим наречием, создавая игру слов *sepiculae* – *saepicule* (*sepicula* – деминутив от существительного *sepes* 'забор').

**savium/suavium** 'поцелуй' (2, 10, 1; 3, 14, 5; 4, 26, 7; 5, 7, 5; 5, 23, 3; 6, 8, 3; 7, 21, 3; 9, 22, 6; 10, 22, 2; Caecil., Pl., Sis., Ter., Catull., Cic. *Att.*, Hor. *epod.*, Plin. *ep.*, Prop., Varro, Fronto, inc. poet. ap. Gell., Apul. *apol.* 9, 14, Don., Serv.)

<sup>1</sup> Médan, Pierre. La Latinité... P. 179; Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Settels C. B. J. – Wesseling B. – Westendorp Boerma R. E. H. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book VIII... P. 167.

<sup>2</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 1009.

<sup>3</sup> Callebat L. Sermo... P. 509.

<sup>4</sup> Pasetti, L. Plauto... P. 21.

Сложно отнести существительное *savium* к какому-то определённомu пласту лексики: некоторые исследователи считают, что оно принадлежит разговорному латинскому языку, некоторые – что архаическому. Так или иначе, слово *savium* часто использовалось в античной комедии (чаще всего у Плавта), несколько раз – в поэзии (по одному разу у Катуллa, Проперция и Горация), а затем оно появляется в сочинениях архаизаторов I–II вв. н. э.

**scitamenta** ‘лакомства’ (10, 13, 6; Pl. *Men.* 209, Gell. 18, 8, 1, Apul., *Mastr. sat.* 7, 14, Paul. Nol. *epist.* 44, 1, Symm. *epist.* 1, 23, 2) До Апулея существительное *scitamenta* (оно встречается только во множественном числе) засвидетельствовано у Плавта. Также оно встречается у Геллия в переносном значении для описания стилистических украшений в речи. Апулей называет *scitamenta* в ряду яств, которыми потчуют Луция-осла братья повар и кондитер. Как считает М. Циммерман, это одно из слов в данном эпизоде, которые указывают на комедийный характер сцены.<sup>1</sup>

**scitulus** ‘хорошенький’ (1, 7, 7; 2, 6, 7; 3, 15, 8; 5, 25, 5; 7, 21, 2; Afran. *com.* 386, Pl. *Rud.* 565, 894, Apul., Arnob. 3, 21, 1; 5, 6, 7; 5, 31, 6) Исследователи отмечают, что архаичное прилагательное *scitulus* было заимствовано у Плавта Апулеем, а затем и Арнобием.<sup>2</sup> Как *scitula* Плавт дважды описывает девушку Палестру в комедии «Канат». В «Метаморфозах» этим словом характеризуется целый ряд женских персонажей: колдунья Мероя, служанка Фотида, Психея. Для характеристики мужчины это прилагательное применяется лишь один раз, когда Фотида описывает Луцию колдовство своей хозяйки Памфилы и поясняет, что женщина обычно прибегает к нему, заглядевшись на какого-нибудь симпатичного юношу (*Met.* 3, 15, 8: *cum scitulae formulae iuuenem quempiam libenter aspexit*).

**scortor** ‘развратничать’ (7, 11, 6; Pl., Ter., Var., Apul., Ambr., Aug., Non., Rufin., Salv., Vulg.) Как отмечает Л. Каллеба, Апулей, используя глагол

<sup>1</sup> Zimmerman M. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book X... Pp. 207–208 .

<sup>2</sup> Callebat L. Sermo... P. 511; Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 1064.



*scortari*, следует комическим моделям.<sup>1</sup> Составители groningenского комментария к VII книге «Метаморфоз» уточняют, что в комедиях этот глагол обычно употребляется в контексте винопития (Pl. *Asin.* 270, *Ps.* 1134, *Ter. Hau.* 206, *Ad.* 102), и такой же модели следует и Апулей (Луций-осёл упрекает Хариту в её симпатии к разбойнику Гему, который подносил ей кушанья и напитки).<sup>2</sup> При этом у Апулея *scortari* относится к женскому персонажу, а не к мужскому, как у комедиографов.

**scruposus** ‘каменистый’ (6, 31, 6; *Расув.*, *Pl.*, *Grat.*, *Luc.*, *Lucr.*, *Maur.*, *Apul. flor.* 11, *Amm.*) *Scruposus* – достаточно редкое прилагательное, возможно, поэтизм с архаическим оттенком.<sup>3</sup> Как и у Лукана в «Фарсалии», у Апулея *scruposus* используется в качестве определения к *saxum*.

**sedentarius** ‘связанный с сидением’ (1, 2, 3; *Pl. Aul.* 513, *Col.* 12, 3, 8, *Plin. Pan.* 76, 3, *Apul.*, *Iul. Val.* 1, 33; 2, 15; 3, 24) Словарь Эрну–Мейе утверждает, что прилагательное *sedentarius* редкое и не зафиксировано в классической литературе,<sup>4</sup> но не называет его архаизмом. У Плавта *sedentarii* называются сапожники, работающие сидя (со схожим значением, близким к значению причастия *sedens*, это прилагательное использует и Юлий Валерий, автор перевода «Романа об Александре»), у других античных авторов это прилагательное связано с деятельностью: Колумелла, описывая обязанности вилки, рабыни, заправляющей делами поместья, говорит “*neque enim sedentaria eius opera est*” (*Col.* 12, 3, 8), а Плиний Младший повествует о прежней «сидячей» необходимости (*Plin. Pan.* 76, 3: *sedentariam adsentienti necessitatem*) членов сената молчаливо со всем соглашаться. У Апулея от *fatigatio sedentaria* (долгого сидения на лошади) страдает Луций в начале романа.

**sedulo** ‘усердно’ (1, 18, 1; 2, 3, 5; 2, 8, 2; 3, 3, 3; 3, 16, 4; 3, 20, 2; 4, 6, 2; 4, 9, 4; 5, 2, 4; 6, 2, 1; 6, 13, 3; 7, 1, 6; 8, 18, 6; 9, 6, 5; 9, 26, 4; 9, 41, 7; 10, 1, 2; 11,

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 516.

<sup>2</sup> Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Westendorp Boerma R. E. H. – Westerbrink A. G. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books VI 25–32 and VII...* P. 157.

<sup>3</sup> *Apuleius of Madauros. Florida / Ed. with a commentary by Vincent Hunink...* P. 126.

<sup>4</sup> *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet...* P. 1076.

19, 3; Cato, Enn., Lucil., Pl., Rhet. Her., Ter., Cic., Col., Frontin., Liv., Plin. *ep.*, Quint., Rut. Lup., Sen. *ep.*, Suet., Vatin. ap. Cic., Fronto, Apul. *apol.* 11, 8; 15, 6; 36, 7; 48, 5; 51, 8; 55, 8; 68, 2; 81, 1; 95, 2, *flor.* 9, 14, 16, 17, *Soc.* 8, 16, 18, 22, Char. *gramm.*, Don., Isid., Non., Serv.) Хотя это наречие зафиксировано в литературе классического периода (у Цицерона засвидетельствовано 7 раз, из которых 5 – в письмах), оно особенно часто встречается в античной комедии и считается одним из любимых слов Плавта и Теренция.<sup>1</sup> То, как часто Апулей использует наречие *sedulo* в своих произведениях, также говорит о его симпатии к этому слову.

**s(e)orsum** ‘отдельно’ (10, 19, 2; 11, 21, 6; Acc., Afran., Cato, Pl., Rhet. Her., Ter., Lucr., V. Afr., Cic., Col., Curt., Larg., Liv., Sall., Var., Gell., Apul. *Soc.* 17, Iust. *dig.*, Prud., Vulg.) Как указывает словарь Эрну–Мейе, наречия *s(e)orsum/s(e)orsus*, по-видимому, избегали авторы классического периода (у Цицерона это слово встречается лишь единожды, в трактате «О государстве»)<sup>2</sup> В «Метаморфозах» Апулей использует это наречие при описании того, как из толпы впечатлённых фокусами осла с человеческими повадками к Луцию пускали людей по одиночке (*singulis eorum sorsus admissis*) и за большую плату. В XI книге рассказчик описывает обязанности посвящаемого в жрецы Исиды и отмечает, что сложно найти такого жреца, который не придерживался бы описанных действий без специального указания богини (*seorsum iubente domina*).

**serio** ‘серьёзно’ (3, 8, 5; 3, 29, 1; Afran., Naev., Pl., Ter., Curt., Liv., Plin. *ep.*, Plin. *nat.*, Quint., Sen., Suet., Fronto, Apul.) Наречие *serio* особенно часто встречается в комедиях Плавта, но авторы классического периода его избегают (в сочинениях Цезаря и Цицерона оно вовсе не используется). Зачастую это наречие употребляется в выражении *ioco an serio, ioco vel serio* и подобных (у Плавта, Теренция, Светония, Ливия, Сенеки, Фронтоня), но у Апулея такого употребления не засвидетельствовано. В конце III книги

<sup>1</sup> L&S, p. 1661; Paardt R. T., van der. L. Apuleius Madaurensis the Metamorphoses. A Commentary on Book III... P. 41.

<sup>2</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 1085.

«Метаморфоз» это наречие входит в игру слов *sero quidem serio tamen* «хоть и поздно, но всерьёз», о пришедшей в голову Луция-осла идее обратиться за помощью к властям.

**sessibulum** ‘сиденье’ (1, 23, 2;<sup>1</sup> Pl. *Poen.* 268, Apul.) Когда Милон признаётся, что из-за боязни воров у него в доме почти нет стульев, Апулей употребляет существительное *sessibulum*. Как утверждает Л. Каллеба, большая редкость этого слова и его отсутствие в романских языках указывают на то, что его можно считать архаизмом.<sup>2</sup> Возможно, слово напрямую ассоциировалось у читателей с языком Плавта: и у Плавта в комедии «Пуниец», и в романе «Метаморфозы» существительное *sessibulum* употребляется в контексте с ярко выраженной аллитерацией (Pl. *Poen.* 268: *olant stabulum statumque, sellam et sessibulum merum*; Apul. *Met.* 1, 23, 2: *nulla sessibula ac ne sufficientem supellectilem parare nobis licet*).<sup>3</sup> Позднее в том же значении Юлий Валерий использует слово *sessibile* (Iul. Val. 1, 31; 1, 34).

**severiter** ‘сурово’ (2, 27, 4; 3, 3, 9; 4, 31, 2 (*conj.*);<sup>4</sup> Titin. *com.* 67, Apul., Prisc. 15, 70) Вместо характерного для классического языка наречия *severe*, Апулей пользуется редким и архаичным *severiter*. Это наречие также засвидетельствовано в одном из фрагментов комедиографа Титиния и у Присциана (со ссылкой на Плавта).

**severitudo** ‘суровость’ (1, 25, 5; Pl. *Epid.* 609, Apul., Cod. Iust., Cod. Theod., Non.) Вместо классического *severitas* Апулей пользуется архаичным существительным *severitudo*, до него засвидетельствованным только у Плавта (ср. *habitas – habitudo*). Возможно, употребление этого слова мотивировано комичной атмосферой данного эпизода (Луций покупает рыбу на рынке, но его старый знакомый эдил Пифий решает строго разобраться с плохим

<sup>1</sup> *escsibula F*, corr. *Beroaldus* : *escibula φ* : est *fibula a*.

<sup>2</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 482.

<sup>3</sup> Keulen W. H. *Apuleius, Metamorphoses. Book I...* P. 407.

<sup>4</sup> *Brantius* : *reverenter F*.

товаром), но, возможно, здесь играет роль *severitudo* как юридического термина.<sup>1</sup>

**solide** ‘основательно’ (3, 15, 3; Pl., Ter., Col., Petr., Gell., Apul., Hist. Aug., Vulg.) В III книге «Метаморфоз» Фотида признаётся, что сильно боится (*formido solide*) раскрывать секреты колдуньи Памфилы. Как отмечает Л. Каллеба, этот синоним классического наречия *valde* принадлежит языку комедии (*solide* дважды встречается в комедии Плавта «Три монеты» и один раз у Теренция, в комедии «Девушка с Андроса»).

**solitas** ‘одинокость’ (9, 18, 2; Acc. *trag.* 354, Apul. *apol.* 22, 3, Tert. *adv. Val.* 37) Вместо привычного для классической латыни *solitudo* Апулей пользуется редким и архаичным существительным *solitas*. Несмотря на свою редкость, это слово, тем не менее, сохранилось в испанском и португальском языках.<sup>2</sup>

**sorbillo** ‘отхлёбывать’ (2, 16, 3; 3, 14, 5; Ter. *Ad.* 591, Apul.) *Sorbillare* – очень редкий глагол, возможно, заимствованный Апулеем у Теренция.<sup>3</sup> Особенно выделяется его употребление в III книге «Метаморфоз», где «отхлёбывающими» называются поцелуи, с помощью которых Луций осушает увлажнённые глаза Фотиды (*Met.* 3, 14, 5: *oculos... adnixis et sorbillantibus saviis sitienter hauriebam*).

**spectamen** ‘зрелище’ (4, 20, 4; 7, 13, 2; Pl. *Men.* 966, Agen. *agrim.* 22, Apul., Claud. *Mat. stat. anim.* 2, 12, 7, Prud. *psychom.* 913) Апулей дважды употребляет архаичное существительное *spectamen*, до него зафиксированное только у Плавта, причём оба раза в винительном падеже с двумя определениями: *miserum funestumque spectamen aspexi* (*Met.* 4, 20, 4; о трагической смерти разбойника Фразилеона, раздираемого собаками), *cerneres... novumque et hercules memorandum spectamen* (*Met.* 7, 13, 2; о Харите, въезжающей в город верхом на осле).

<sup>1</sup> Keulen W. H. Apuleius, Metamorphoses. Book I... P. 451.

<sup>2</sup> Romanisches etymologisches Wörterbuch von W. Meyer-Lübke... S. 608.

<sup>3</sup> Callebat L. Sermo... Pp. 516–517.

**specula** ‘проблеск надежды’ (6, 5, 3; 9, 38, 1; 10, 29, 2; Pl., Cic., Sen., Apul., Char. gramm., Salv., Symm.) Трижды в романе «Метаморфозы» Апулей использует существительное *specula*, всегда в качестве деминутива,<sup>1</sup> обозначающего проблеск надежды, которая едва ли может оправдаться (например, надежда Психеи спастись от гнева Венеры (*Met.* 6, 5, 3)).

**sportula** ‘корзинка’ (1, 24, 9; 1, 25, 4; Pl. *Cur.* 289, *Men.* 219, *St.* 289, Apul., Vulg. I *Reg.* 9, 7; 7, 8) Уменьшительно-ласкательное существительное *sportula* зачастую использовалось в латинской литературе для обозначения атрибута клиента – корзинки с едой или деньгами, выдаваемой патроном клиенту. Именно в значении такого денежного подарка Апулей использует слово *sportula* в VII книге «Метаморфоз» (*Met.* 7, 8, 3). Однако в I книге романа *sportula* – именно корзинка, а не её содержимое.<sup>2</sup> С этой корзинкой Луций идёт на рыбный рынок. Возможно, такое употребление *sportula* (а также комичность самого эпизода в целом) должно было напомнить читателю о комедиях Плавта, где это существительное фигурирует именно в этом значении.<sup>3</sup>

**spurcitia** ‘грязь’ (8, 28, 3; Afran., Col., Lucr., Plin. *nat.*, Var., Apul. *flor.* 17, Hist. Aug., Serv., Vulg.) *Spurcitia* – редкое существительное, используемое Апулеем для обозначения нечистой крови служителей Сирийской богини. Во «Флоридах» под этим словом понимают ушную серу (*auris spurcitiæ obseratae*).

**strictim** ‘плотно’ (7, 28, 3; 11, 10, 2; Pl. *Capt.* 268, Apul. *flor.* 15, Pallad. 1, 13) Наречие *strictim* в латинской литературе чаще всего употребляется метафорически: оно относится к организации устного или письменного текста и означает «кратко», «сжато», «поверхностно». Тем не менее, Плавт и Апулей употребляют его в прямом значении (глагол *stringere* имеет значение «стягивать, снимать, обнажать»): у Плавта словом *strictim* характеризуется

<sup>1</sup> Л. Пазетти включает существительное *specula* в число либо не уменьшительно-ласкательных образований, либо деминутивов неясного происхождения («formazioni non diminutive o di origine dubbia»): Pasetti, Lucia. *Plauto...* P. 55.

<sup>2</sup> Исключительно в значении «небольшая корзинка» использовался деминутив *sportella* (Cic. *Fam.* 9, 20, 2, Petr. 40, 3; 40, 8, Suet. *Dom.* 4, 5), *sportula* же в большинстве случаев обозначало именно денежную сумму или еду.

<sup>3</sup> Pasetti, Lucia. *Plauto...* P. 28.

стрижка «наголо», у Апулея в XI книге так описывается плотно сидящая на теле одежда (схожим образом во «Флоридах» Апулей повествует о статуе с кифарой на перевязи, которая «плотно крепится» (*strictim sustinetur*)), а в VII книге Луций-осёл вынужден защищаться струёй кала «*strictim egesta*».

**suadela** ‘убеждение’ (9, 18, 4; 9, 25, 4; Pl., Hor., Apul. *Plat.* 2, 27, Cassiod., Mar. Vict., Porph., Serv., Zeno) По-видимому, Апулей и его читатели воспринимали латинские абстрактные существительные на -ela как архаические (возможно, это справедливо и для Горация: в *Epist.* 1, 6 поэт использует слово *suadela* в качестве латинского имени греческой богини убеждения Πειθώ).<sup>1</sup> В своём романе Апулей оба раза использует *suadela* в «милетских рассказах», которыми наполнена IX книга.

**sublimo** ‘возвышать’ (1, 8, 4; 1, 16, 4; 3, 21, 6; 5, 16, 1; Cato, Enn., Vitruv., Apul. *Soc.* 4, 8, 16, *flor.* 2, Amm., Aurel. Vict., Hier., Macr., Mamert., Mart. Cap., Paul. Fest., Prud., Serv., Tert., Vulg.) Глагол *sublimare* считается архаическим, так как до Апулея он засвидетельствован во фрагментах «Начал» Катона и трагедий Энния (словарь Эрну–Мейе отмечает, что глагол был позднее заимствован архаизаторами,<sup>2</sup> но у Фронтоня и Геллия он не зафиксирован). В *Met.* 1, 8, 4 рядом с *sublimare* Апулей ставит свой неологизм *infimare*, с точки зрения Ч. Ронкайоли сочинённый им на основе плавтовского прилагательного *infimatis* по соседству с *sublimatis* (Pl. *Stich.* 493; ср. такой же приём в Apul. *Soc.* 4: *ingenia illa ad beatitudinem sublimata sint, haec ad miserias infimata*).<sup>3</sup> В целом, в своём романе Апулей пользуется глаголом *sublimare*, пародируя возвышенные, трагические сюжеты и повествуя о мистических, волшебных передвижениях: описывая способности зловещей колдуньи Мерои, попытку самоубийства Аристомена, полёт Памфилы в образе совы, перемещение сестёр Психеи с помощью волшебных сил Зефира. Во «Флоридах»

<sup>1</sup> Dubova, Svetlana S. *Turbela*... P. 224.

<sup>2</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 1168.

<sup>3</sup> Roncaioli, Cecilia. *L'Arcaismo*... P. 338.

употребление глагола уже более прозаично: Апулей описывает с помощью него полёт орла.

**suboles** ‘потомство’ (2, 9, 4; 5, 12, 1; 6, 9, 4; 8, 2, 5; 10, 5, 6; 10, 18, 3; 10, 32, 2; 11, 2, 1; 11, 7, 5; Pl., Cic., Col., Hor., Liv., Luc., Lucr., Mart., Ov., Plin. *nat.*, Plin. *pan.*, Pol., Prop., Quint., Sen., Stat., Suet., Tac., Turn., Val. Max., Var., Verg., Flor., Gell., Apul. *apol.* 88, 5, *Plat.* 2, 26, Arnob., Cypr., Fest., Iust., Porph., Serv., Vulg., Zeno) Об архаичности и возвышенности существительного *suboles* пишет Цицерон (*De Orat.* 3, 153). Сам оратор использовал его в переводе фрагмента «Прометея освобождённого» Эсхила, но в прозаических текстах *suboles*, вероятно, выделялось и как поэтизм, и как архаизм. Апулей употребляет его в соответствующих контекстах: например, в поэтическом описании красоты волос, в перифразе, обозначающей Амура (*Met.* 5, 12, 1: *divinae subolis*), в хвалебном обращении к Исиде.

**subsilio** ‘подпрыгивать’ (2, 17, 4; 8, 16, 3; Pl., Lucr., Prop., Sen., Var., Apul. *mund.* 18, Vulg.) По-видимому, глагол *subsilio* является поэтизмом с архаическим оттенком. В VIII книге «Метаморфоз» Луций делает предположение, что Пегас от страха перед Химерой «подпрыгивал» в небо и оттого был прозван крылатым.

**succidaneus** ‘заместительная жертва’ (8, 26, 3; Pl., Var., Fronto, Gell., Apul., Cypr., Impp. Gratian. et Valent., Impp. Valent. et Valens, Iust. *dig.*, Paul. Fest., Serv., Ulp. *dig.*, Zeno) *Succidaneus* – архаическое прилагательное, связанное с языком религии и права,<sup>1</sup> благодаря которому усиливается ирония в пассаже, отсылающем к мифу об Ифигении, вместо которой в жертву Артемиде была принесена лань (*Met.* 8, 26, 3): *Sed postquam non cervam pro virgine sed asinum pro homine succidaneum videre, nare detorta magistrum suum varie cavillantur* («но после того как они <жрецы Сирийской богини> увидели, что не ланью заменена дева, а ослом человек, они, отвернув носы, начинают по-разному издеваться над своим наставником»).

<sup>1</sup> Hout, Michel Petrus Josephus van den. A Commentary on the Letters of M. Cornelius Fronto... P. 9.

**succussus** ‘дрожание’ (1, 13, 1; 3, 21, 4; *Pacuv. trag.* 257, *Apul., Tert. anim.* 49, 1) Апулей дважды пользуется архаическим существительным *succussus*, возможно, заимствованным из трагедии Пакувия. У. Койлен предполагает, что это слово «трагического регистра», и его употребление у Пакувия, связанное с тряской, сопровождаемой болезненными ощущениями (*Pacuv. trag.* 257: {*Ulixes*} *Pedetemptim ac sedato nisu, / Ne succussu arripiat maior / Dolor*), находит своё отражение и у Апулея в романе: в присутствии ведьм Мерои и Пантии Аристомен трясётся под кроватью в ожидании расправы над самим собой и другом Сократом.<sup>1</sup> Этот трагический для Аристомена эпизод сопровождается сильными переживаниями (*Met.* 1, 13, 1: *sudore frigido miser perfluo, tremore viscera quatior*), среди которых вполне вероятна и физическая, и душевная боль. Существительное *succussus* вновь встречается в III книге «Метаморфоз» при описании превращения Памфилы в сову. Хотя Апулей не передаёт никаких чувств Памфилы в этот момент, разумно предположить, что трансформация тела может являться болезненной процедурой (*Met.* 3, 21: ... *multumque cum lucerna secreto conlocuta membra tremulo succussu quatit. Quis leniter fluctuantibus... fit bubo Pamphile*).

**suffarcino** ‘набивать’ (9, 8, 1; 9, 29, 2; 10, 16, 4; *Caecil., Pl., Ter., Apul., Cassiod., Paul. Nol.*) Как отмечает этимологический словарь Эрну–Мейе, глагол *suffarcino* является просторечным дублетом глагола *suffercio*,<sup>2</sup> хотя последний засвидетельствован лишь в неясном пассаже из Луцилия, цитируемом Геллием (*Gell.* 4, 17, 3: *subicit huic humilem et suffercitus posteriorem*). У Апулея это слово используется при обозначении материального обогащения (*Met.* 9, 8, 1: *crebris mercedibus suffarcinati*;<sup>3</sup> 9, 29, 2: *multisque suffarcinat muneribus*) и, по соседству с другим архаичным словом

<sup>1</sup> Keulen W. H. *Apuleius, Metamorphoses. Book I...* Pp. 264–265.

<sup>2</sup> *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet...* P. 385.

<sup>3</sup> Л. Каллеба отмечает сатирический контекст этого эпизода, где причастие *suffarcinatus* служит оскорбительной отсылкой к обманщикам и самозванцам (у Апулея так называются жрецы Сирийской богини, а у Плавта (*Curc.* 290), на которого, возможно, Апулей опирается в данном случае, *suffarcinati* относится к греческим псевдо-философам): Callebat L. *Sermo...* P. 517.



*bellule*, при обозначении приёма пищи (10, 16, 4: *at ergo quanquam iam bellule suffarcinatus... esurienter exhibitas escas adpetebam*).

**suffulcio** ‘поддерживать’ (10, 20, 2; Pl., Lucr., Mart., Sen., Apul.) Глагол *suffulcire*, как отмечает словарь L&S,<sup>1</sup> встречается в основном в до- и постклассической литературе: четырежды у Лукреция и по одному разу у Плавта (в комедии «Эпидик»), Марциала и Сенеки (в трагедии «Троянки»). По значению глагол не отличается от бесприставочного *fulcire*. Возможно, Апулей предпочёл использовать глагол с приставкой из-за близости с формой *superstruunt: quattuor eunuchi... desuper brevibus admodum, sed satis copiosis pulvillis, aliis nimis modicis, quis maxillas et cervices delicatae mulieres suffulcire consuerunt, superstruunt* (*Met.* 10, 20, 2, «четыре евнуха... кладут поверх хоть и небольшие, но многочисленные подушки, другие совсем маленькие, которые обычно изнеженные женщины под щеку и шею подкладывают») (перевод наш. – С. Д.).

**summas** ‘высокородный’ (4, 23, 3; 11, 1, 2; 11, 10, 4; 11, 22, 4; Pl., Gell., Apul., Amm., Cassiod., Cod. Theod., Ennod., Fulg., Sidon.) Прилагательное *summas*, возможно, было заимствовано Апулеем у Плавта (у комедиографа оно встречается трижды). Как обстоят дела с большинством подобных слов, сложно сказать, принадлежит ли это прилагательное лексике высокого стиля или же является частью повседневного латинского языка.<sup>2</sup> Тем не менее, слово определённо является архаичным (после Плавта оно засвидетельствовано только у писателей-архаистов и распространяется уже в постклассическом языке),<sup>3</sup> а в романе Апулея в большинстве случаев оно является частью уважительного обращения к богине Исиде (*summas dea* во всех 3 случаях употребления в XI книге «Метаморфоз»), что скорее указывает на принадлежность высокому стилю. В IV книге автор называет так Хариту,

<sup>1</sup> L&S, p. 1793.

<sup>2</sup> Keulen W. H. – Tilg. S. – Nicolini L. – Graverini L. – Harrison S. J. – Panayotakis S. – Mal-Maeder D. van. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book XI... P. 92.

<sup>3</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... Pp. 1176–1177.

используя также изысканное выражение с архаичным значением слова *filum*:<sup>1</sup> *virginem filo liberalem et... summam regionis* («девушку благородной внешности и... принадлежащей местной аристократии» (перевод наш. – С. Д.)).

**suppetiae** ‘помощь’ (3, 26, 3; 6, 27, 4; 9, 37, 2; Pl., V. Afr., Suet., Var., Apul. *apol.* 40, *Soc.* 6, *Amm.*) Как и с прилагательным *summas*, с существительным *suppetiae* связана проблема определения его стилистической окраски. По большей части оно не встречается в классической прозе и поэзии, но хорошо засвидетельствовано у Плавта (8 раз), в «Записках об Африканской войне» (7 раз) и в поздней литературе (например, 10 раз у Аммиана Марцеллина). *Suppetias* неоднократно встречается в составе выражений для обозначения цели при глаголах движения (например, *advenire suppetias* – «приходить на помощь»). Такого рода выражения часты в «Записках об Африканской войне», а у Апулея выражение *suppetias acurrere* засвидетельствовано в *Met.* 9, 37, 2. Такое употребление этого существительного многие отмечают как принадлежащее разговорному латинскому языку.<sup>2</sup> Для Плавта же более характерно выражение *suppetias ferre* («помогать»; у Плавта зафиксировано 6 раз), у Апулея оно встречается в *Met.* 6, 27, 4, и составители groningenского комментария в данном случае считают его архаизмом, возможно, заимствованном напрямую у Плавта.<sup>3</sup>

**suspiritus** ‘вдох’ (1, 7, 4; 5, 25, 5; 6, 29, 6;<sup>4</sup> 8, 15, 1 (*conj.*);<sup>5</sup> 10, 2, 6; Pl., Cic. *Att.*, Liv., Apul. *apol.* 85) Существительное *suspiritus* 3 раза встречается у Плавта, по одному разу у Цицерона и Ливия, а затем несколько раз у Апулея (у которого *suspiritus* обычно обозначает тяжёлый вдох влюблённого человека). Словарь L&S называет его редким, но, тем не менее,

<sup>1</sup> Dubova, Svetlana S. On the Archaic Meaning... Pp. 136–141.

<sup>2</sup> Bernhard, Max. *Der Stil...* S. 132; *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet...* P. 892; Callebat L. *Sermo...* P. 186.

<sup>3</sup> Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Westendorp Boerma R. E. H. – Westerbrink A. G. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books VI 25–32 and VII...* P. 45.

<sup>4</sup> Чтение рукописи F, исправленное на полях на *suspiratus*. М. Циммерман в своём издании печатает *suspiratus* (*lectio difficilior*), кроме Апулея зафиксированное только у Овидия (*Met.* 14, 129).

<sup>5</sup> *Brantius* : spiritus F.

принадлежащим классическому языку словом.<sup>1</sup> Стоит отметить, что всё же в классическом языке в таком значении употребляется слово *suspirium*, а *suspiritus* ассоциируется с языком Плавта, несомненного источника лексики для Апулея.<sup>2</sup>

**sycophanta** ‘сикофант, клеветник’ (7, 12, 1; Pl., Ter., Fronto, Gell., Apul., Paul. Fest., Prud.) Греческое заимствование *sycophanta* характерно для языка комедии (в комедиях Плавта оно встречается больше 10 раз).<sup>3</sup> У Апулея это слово также фигурирует в комичном эпизоде: пленённая Харита благосклонно принимает ухаживания своего жениха, переодетого в разбойника Гема. Луций, ещё не зная о настоящей личности Гема, мысленно порицает легкомысленность девушки, и за эти рассуждения рассказчик укоризненно называет себя сикофантом (*Met.* 7, 12, 1: *dum ista sycophanta ego tecum maxima cum indignatione disputo*).

**tantillus** ‘маленький’ (2, 32, 2; 3, 6, 3; 3, 13, 5; 4, 26, 8; 5, 15, 5; 6, 20, 6; 7, 27, 2; 8, 5, 5; 9, 36, 1; 9, 41, 5; 10, 7, 7; 10, 16, 2; Pl., Ter., Catull., Cels., Lucr., Apul., Aug.) Наречное употребление уменьшительно-ласкательного прилагательного *tantillus* (9 из 12 случаев употребления в «Метаморфозах») Л. Каллеба включает в перечень заимствований Апулея из языка комедии, в частности из комедий Плавта.<sup>4</sup> Исследователи подчёркивают дейктическую функцию этого наречия.<sup>5</sup>

**tenellus** ‘нежный’ (3, 24, 4; 5, 18, 4; 5, 22, 6; Pl., Dom. Mars., Laev., Stat., Var., Gell., Apul., Hier., Mamert., Vulg.) С точки зрения Л. Каллеба, уменьшительно-ласкательное прилагательное *tenellus* было заимствовано Апулеем из языка Плавта (*Cas.* 108: *bellam et tenellam Casinam*), хотя тот факт, что это слово зафиксировано у Плавта лишь один раз, но также встречается

<sup>1</sup> L&S, p. 1821.

<sup>2</sup> Keulen W. H. Apuleius, *Metamorphoses*. Book I... P. 187; Desertine, Adolphus Henricus Josephus Victor Marius. *De Apulei studiis*... P. 22.

<sup>3</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 1184; Callebat L. *Sermo*... P. 84.

<sup>4</sup> Ibid., p. 520; Pasetti, Lucia. *Plauto*... P. 25.

<sup>5</sup> Paardt R. T., van der. L. *Apuleius Madaurensis the Metamorphoses. A Commentary on Book III*... P. 61; Zimmerman M. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book X*... P. 143.

трижды у Варрона в трактате «О сельском хозяйстве» и у Левия (слова которого передаёт Геллий), скорее указывает на то, что это слово принадлежало не только языку Плавта, но характерно для лексики доклассического периода римской литературы в целом. В своём романе словом *tenellus* Апулей описывает кожу Луция до его превращения в осла (*Met.* 3, 24, 4: *cutis tenella duratur in corium*), чувствительную натуру Психеи (5, 18, 4: *Psyche misella, utpote simplex et animi tenella*) и перья на крыльях Амура (5, 22, 6: *extimae plumulae tenellae ac delicatae*).

**teneritudo** ‘нежность’ (5, 11, 5; Var., Suet., Apul., Hier., Pall., Serv., Vulg., Zeno) Редкое существительное *teneritudo* впервые зафиксировано у Варрона в трактате «О сельском хозяйстве», где оно означает мягкость и податливость почвы. У Светония оно уже обозначает юный возраст, а у Апулея – нежность и чувствительность души Психеи.

**tuburcinor** ‘поедать’ (6, 25, 3; Pl. *Persa* 122, *Titin. com.* 83, *Turp. com.* 2, Apul., Non. 179) По-видимому, Апулей заимствовал редкий глагол *tuburcinari* из лексики архаической комедии, что не препятствует различать в этом слове и просторечный оттенок.<sup>1</sup> Квинтилиан (*Inst.* 1, 6, 42), предостерегая писателей не пользоваться вышедшими из употребления словами, даже заимствованными от лучших авторов, называет среди них прилагательные *tuburchinabundus* и *lurchinabundus*, использовавшиеся Катонем.

**turbela** ‘толпа’ (3, 29, 2; 4, 20, 6; 7, 1, 4; в значении ‘потрясение, суматоха’ Pl. *Vac.* 1057, *Ps.* 109, Apul. *Soc.* 12, Amm., Aug., Gaudent., Paul. Fest., Vet. Lat.)<sup>2</sup> Апулей заимствовал плавтовское слово *turbela*, употребив его в «Метаморфозах» метонимически. Такое использование *turbela* в значении ‘толпа’, возможно, повторяет только Аммиан Марцеллин (хотя в его сочинении контекст допускает оба варианта перевода). Разные исследователи расходятся во мнениях, является ли апулеевское *turbela* вульгаризмом,<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 517.

<sup>2</sup> О значении этого слова и о том, как оно должно было восприниматься читателями Апулея см. Dubova, Svetlana S. *Turbela...* Pp. 220–227.

<sup>3</sup> Paardt R. T., van der. L. *Apuleius Madaurensis the Metamorphoses. A Commentary on Book III...* P. 203.

архаизмом<sup>1</sup> или вовсе неологизмом,<sup>2</sup> а также остаётся неясным, есть ли у этого слова уменьшительное значение.

**ubertim** ‘обильно’ (3, 1, 2; 5, 5, 6; 8, 19, 3; 10, 3, 4; Catull., Petr., Sen. *Contr.*, Suet., Fronto, Apul., Claud. Laud. Seren., Serv.) Наречие *ubertim* Апулей употребляет в «Метаморфозах» 4 раза, всегда при описании нахлынувших чувств, вызвавших обильные слёзы (в этом же значении наречие используется и у других авторов).

**utrimquesecus** ‘с обеих сторон’ (2, 4, 4; 9, 42, 1; 10, 2, 7; 10, 6, 4; 10, 14, 7; Cato, Lucil., Lucr., Apul., Amm., Itin. Alex., Mart. Cap., Sol.) Апулей использует наречие *utrimquesecus* 5 раз, только в романе «Метаморфозы». Судя по всему, это редкое наречие, синонимичное более распространённому *utrimque*.

**utut** ‘как бы то ни было, так или иначе’ (11, 20, 3 (*conj.*);<sup>3</sup> Pl., Ter., Cic. *Att.*, Apul., Arnob.) Апулей употребляет архаичное наречие *utut* всего один раз, передавая мысли рассказчика о странном сне про возвращение раба Кандида. Хотя *utut* соответствует контексту по смыслу и принимается большинством издателей, составители groningenского комментария к XI книге «Метаморфоз» принимают чтение рукописи F (так как *ut* может иметь то же значение, что и *utcumque* (и *utut*), управляя придаточным с конъюнктивом).<sup>4</sup>

**uxorcula** ‘жёнушка’ (9, 5, 1; Pl., Var., Apul., Ennod., Hier.) До Апулея демиинутив *uxorcula* засвидетельствован только у Плавта в комедии «Касина» и у Варрона в «Менипповых сатирах», причём исключительно как ласкательный термин. Апулей, напротив, употребляет это слово уничижительно, сопоставляя миниатюрность женщины с её большой распутностью (*Met.* 9, 5, 1): *erat ei tamen uxorcula etiam satis quidem tenuis et ipsa, verum tamen postrema lascivia famigerabilis* («Была у него, однако,

<sup>1</sup> Gargantini, Luisa. *Ricerche...* P. 35.

<sup>2</sup> Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Smits E. R. – Westendorp Boerma R. E. H. – Westerbrink A. G. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book IV...* P. 154.

<sup>3</sup> *ut F, corr. Pricaeus.*

<sup>4</sup> Keulen W. H. – Tilg. S. – Nicolini L. – Graverini L. – Harrison S. J. – Panayotakis S. – Mal-Maeder D. van. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book XI...* P. 343.

жёнущка, тоже довольно худенькая, как и он, но известная крайней распущенностью» (перевод наш. – С. Д.)).<sup>1</sup>

**velitor** ‘сражаться’ (5, 11, 3; 5, 21, 5; 7, 16, 4; 8, 25, 3; 9, 1, 2; 9, 15, 5; 9, 29, 4; 9, 37, 4; Afran., Pl., Turp., Gell., Apul. *apol.* 2, 6, Tert., Gloss.) Глагол *velitari* (*veles* – слово, обозначающее легковооружённого солдата, осуществлявшего внелинейное нападение)<sup>2</sup> Апулей заимствует из архаической комедии и использует как военный термин, в прямом («сражаться подобно велиту») или переносном значении («вести словесную перепалку»). Кроме того, с помощью этого глагола Апулей описывает занятие любовью, сравнивая его с военными действиями (*Met.* 5, 21, 5: *Veneris proeliis velitatus*).

**verbero** ‘негодяй’ (8, 31, 5; 10, 7, 10; 10, 9, 2; 10, 10, 1; 10, 10, 3; Pl., Ter., Cic. *Att.*, Gell., Apul.) Возможно, существительное *verbero* (означающее человека, заслуживающего ударов плетью, *verber*) было заимствовано Апулеем из языка комедии, в особенности языка комедий Плавта. Л. Каллеба считает его принадлежащим разговорному языку.<sup>3</sup> Интересно, что, согласно Авлу Геллию, Плутарх однажды назвал своего раба *verbero* как раз тогда, когда этого раба подвергали наказанию плетью (Gell. 1, 26: *cooperat verberari*). Апулей особенно часто употребляет слово *verbero* в X книге, по отношению к рабу, раздобывшему яд для убийства невинного юноши.

**versipellis** ‘изменчивый’ (2, 22, 2; Lucil., Pl., Petr., Plin. *nat.*, Apul., Arnob., Aug., Mart. Cap., Prud., Serv., Vulg.) Существительное *versipellis* (образованное от *verto* ‘поворачиваю, изменяю’ и *pellis* ‘шкура’) Апулей употребляет, характеризуя женщин-оборотней, которые меняют свою внешность, чтобы тайком украсть нужную часть тела покойника.

**virosus** ‘мужелюбивый’ (9, 14, 4; Afran. *com.* 62, Lucil. 282, Scip. *min. orat.* 10, Apul.) Большинство издателей, среди которых Р. Хельм и М. Циммерман, предпочитают читать *virosa*, а не *viriosa* (в рукописи F i было написано

<sup>1</sup> Pasetti, Lucia. *Plauto...* P. 31. Ср. перевод М. А. Кузмина, где не подчёркивается худоба героини, а акцент ставится на бедности пары: «Была у него женка, у которой тоже за душой ничего не было, но которая пользовалась, однако, известностью за крайнее свое распутство» (Апулей. Золотой осёл... С. 277).

<sup>2</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... Pp. 1269–1270.

<sup>3</sup> Callebat L. *Sermo...* P. 75.

позднее).<sup>1</sup> В отличие от прилагательного *virosus* ‘резкий, сильно пахнувший’, образованного от *virus*, это прилагательное образовано от слова *vir* ‘мужчина’ и в «Метаморфозах» относится к неверной жене мельника.

**visito** ‘посещать’ (4, 18, 8; Pl., Cic., Suet., Vitruv., Fronto, Apul. *Soc.* 16, 20, *flor.* 9, Ambr., Hier., Iust. *dig.*, Vulg., Zeno) Глагол *visitare* довольно редко встречается в классическом языке (так, у Цицерона слово засвидетельствовано только один раз, в трактате «О пределах блага и зла»). Словарь L&S помечает этот глагол как до- и постклассический в значении «видеть» (по сравнению со значением «приходить, чтобы увидеть; навещать»).<sup>2</sup> Именно в таком значении его употребляет Апулей в «Метаморфозах», где один из разбойников утверждает, что любой храбрец струсил бы, увидев ночью огромного зверя (разбойника Фразилеона в медвежьей шкуре; *Met.* 4, 18, 8: *immani forma tantae bestiae noctu praesertim visitata*). В таком же значении Апулей использует глагол *visitare* в своих сочинениях «О божестве Сократа» и «Флориды».

**vulpinor** ‘лукавить’ (3, 22, 6; Var. *Men.* 327, Apul.) Возможно, Апулей заимствовал этот глагол, являющийся калькой с греческого *ἀλωπεκίζω*, у Варрона.<sup>3</sup> Словарь Вальде-Хофманна ошибочно принимает апулеевское *vulpinoris* за прилагательное.<sup>4</sup>

Стоит отметить, что, к сожалению, мы не обладаем достаточным материалом, чтобы с уверенностью утверждать, что все приведённые слова в данном списке обладают архаическим оттенком. Как уже было сказано, о стилистической окраске слова сложно судить, даже имея большое количество случаев употребления. Например, мы знаем, что наречие *oppido* считалось архаизмом, хотя это наречие не раз использовалось Витрувием, человеком, как он сам утверждает, не обладающим знанием риторики (1, 1, 18), а архаический глагол *nuncupare* обнаруживается в сочинениях Цицерона и

<sup>1</sup> Hijmans B. L. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Wesseling B. – Zimmerman M. Apuleius Madaurensis *Metamorphoses*. Book IX... Pp. 137–138.

<sup>2</sup> L&S, p. 1998.

<sup>3</sup> Flobert P. *Recherches*... P. 220.

<sup>4</sup> Lateinisches Etymologisches Wörterbuch von A. Walde und J. B. Hofmann... P. 830.

Цезаря. В этот список не включены те лексемы, которые можно подозревать в архаическом оттенке, но о которых недостаточно сведений. Например, загадочное апулеевское *cancri* (*Met.* 6, 8, 7), возможно, означающее ‘решётка’ – значение, засвидетельствованное только в словаре Феста (р. 40 L), или редкое прилагательное *depilis* (‘голый’, *Met.* 7, 8, 1), приведённое Нонием в связи с Варроном (р. 530), о котором неясно, входит ли оно в цитату Варрона. Поэтому, скорее всего, вышеприведённый список не является полным, однако он способен дать представление о том, какого рода архаизмы интересовали Апулея и каких архаических авторов он читал.

### 3. Неологизмы<sup>1</sup>

**abactor** ‘похититель скота’ (7, 26, 3; Cassiod., Cod. Iust., Cod. Theod., Firm., Hier., Iord., Mar. Vict., Max. Taur., Isid., Paul., Serv., Sulp. Sev., Gloss.; *c/o*: abigo+tor)

**adfamen** ‘обращение’ (11, 7, 4; 11, 30, 3; Iuven. 1, 91, Ven. Fort. *carm.* 5, 1, 3; *c/o*: affor+men)

**adiuratio** ‘клятва’ (2, 20, 9; Eugipp. *Sev.* 16.6, Fulg. Rusp. frg. 31, Lact. 2, 17, 11, Zeno 1, 2, 7; *c/o*: adiuro+tio)

**adlubentia** ‘склонность’ (1, 7, 4; гапакс; *c/o*: ad+libentia) По-видимому, *adlubentia* – неологизм с архаическим оттенком (ср. плавтовские *libentia*, *adlubesco*).

**adluctor** ‘бороться’ (10, 17, 3; 11, 12, 1; Gloss.; *c/o*: ad+luctor)

<sup>1</sup> Лексемы перечислены в алфавитном порядке, независимо от части речи. В скобках к каждой лексеме даются случаи употребления в романе «Метаморфозы». Далее перечисляются авторы, жившие после Апулея и использовавшие данную лексему, если таковые есть. Точные места даются, если слово встречается достаточно редко. В большинстве случаев места приводятся согласно ThLL. Если слово засвидетельствовано только один раз, оно помечается как гапакс. В конце с пометой *c/o* поясняется словообразование. Естественно, что не все представленные здесь слова являются неологизмами Апулея: скорее всего, многие из них просто не засвидетельствованы в текстах, предшествующих работам Апулея, или являлись частью разговорного латинского языка, поэтому термин «неологизм» применительно к этим словам достаточно условен.



**adorabilis** ‘заслуживающий поклонения’ (11, 18, 1; Cassiod. *in psalm.* 17, 12, *hist.* 5, 29, Cod. Iust. 11, 12, 1, 3 (*conj.*, *codd.* adoptabile), Leo. M. *epist.* 57, Max. Taur. *hom.* 17; *c/o*: adoro+bilis)

**adprono** ‘наклонять’ (1, 19, 8; гапакс; *c/o*: ad+pronus+o)

**adsuspiro** ‘вздыхать’ (4, 25, 2; 4, 27, 5; *c/o*: ad+suspiro)

**afannae** ‘отговорки’ (9, 10, 4; 10, 10, 2) Слово *afannae* встречается только у Апулея (значение ‘пустые отговорки’ ясно из контекста), можно сравнить со столь же редким *apinae* ‘пустяки’ у Марциала. Предположения по этимологии *afannae* приводятся в комментариях к IX книге «Метаморфоз» (по-видимому, это грецизм, происходящий из выражения εἰς Ἀφάνας).<sup>1</sup>

**aggeratim** ‘грудами, кучами’ (4, 8, 4; гапакс; *c/o*: причастие от *aggero*+im) Это наречие встречается в удивительном по звучности пассаже Апулея, где зарифмованы три существительных на -tis, к каждому из которых относится наречие на -tim (в том числе следующее по списку *agminatim*), все наречия обладают приблизительно одним и тем же значением ‘в большом количестве’.

**agminatim** ‘кучами’ (4, 8, 4; 4, 20, 4; Amm. 18, 6, 23; 22, 8, 47; 31, 4, 5; Sol. 25, 4; *c/o*: agmen+atus+im)

**alternatio** ‘попеременное движение’ (10, 10, 2; Arnob., Audax. *gramm.*, Aug., Isid., Macr., Paul. Fest., Prosp., Ps. Apul. *Ascl.*, *Sacr.*, Ter. Maur., Ulp. *dig.*; *c/o*: alterno+tio)

**alterorsus** ‘в другую сторону’ (5, 31, 7; 9, 28, 1; *c/o*: alter+vorsus) Слово *alterorsus* встречается только у Апулея, однако у Плавта есть наречие *altrovorsum* (*Cas.* 555), так что, скорее всего, слово воспринималось как архаичное.

**altiuscule** ‘высоко’ (2, 7, 3; 8, 31, 1; 11, 11, 4; *c/o*: altiusculus+e) Наречие *altiuscule* встречается только у Апулея, но прилагательное *altiusculus* засвидетельствовано также у Светония и Августина.

<sup>1</sup> Hijmans B. L. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Wesseling B. – Zimmerman M. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book IX... P. 103.

**alumnor** ‘воспитывать’ (6, 23, 2; 8, 17, 2; 9, 36, 4; 10, 23, 4; Mart. Cap. 8, 813; 9, 892; *c/o*: *alumnus+o*)

**amasio** ‘любовник’ (3, 22, 6; 7, 21, 4; Arnob. *nat.* 4, 34, Prud. *perist.* 10, 182, Sept. Ser. *carm.* frg. 14 ap. Diomed. *gramm.* 1, 514, 8; 1, 514, 10) По-видимому, слово *amasio* воспринималось как архаичное, ср. *amasius* (Pl. *Cas.* 590, *Truc.* 658).

**amicimen** ‘одеяние’ (11, 9, 2; 11, 23, 4 вместо классического *amictus*; *c/o*: *amicio+men*)

**ancoralis** ‘якорный’ (11, 16, 9, прилагательное; гапакс; *c/o*: *ancora+alis*)  
Как прилагательное *ancoralis* встречается только у Апулея, тогда как существительное *ancorale* известно, начиная с Ливия.

**angulatum** ‘из угла в угол’ (3, 2, 5; 9, 41, 7; Diom. *gramm.* 1, 407, Sidon. *epist.* 7, 9, 3; *c/o*: *angulatus+im*)

**antecantamentum** ‘запев’ (11, 9, 5; гапакс; *c/o*: *ante+canto+mentum*)

**antecenium** ‘закуска’ (2, 15, 6; Isid. *Orig.* 20, 2, 12; *c/o*: *ante+cena+ium*)

**antelucio** ‘до рассвета’ (1, 11, 3; 1, 15, 1; 9, 15, 1; *c/o*: *ante+luceo+ium*)

**anteluculo** ‘до рассвета’ (1, 14, 6; гапакс; *c/o*: *ante+luceo+ulus*)

**anteludium** ‘вступление’ (11, 8, 1; гапакс; *c/o*: *ante+ludo+ium*)

**antependulus** ‘свисающий спереди’ (2, 23, 7; 5, 22, 5; *c/o*: *ante+pendulus*)

**antepolleo** ‘превосходить’ (1, 5, 4; 7, 5, 2; *c/o*: *ante+polleo*)

**anteventulus** ‘свисающий спереди’ (9, 30, 3; Apul. *flor.* 3; *c/o*: *ante+venio+ulus*)

**araneans** ‘заросший паутиной’ (4, 22, 4; гапакс; *c/o*: причастие от \**araneo* (*aranea+o*))

**armentarius** ‘пасущий’ (7, 15, 1, прилагательное; Ambr. *Cain et Ab.* 2, 1, 4, Greg. M. *hom.* 2, 20, 8, *dial.* 4, 24, Sol. 5, 22; *c/o*: *armentum+arius*) Как прилагательное *armentarius* впервые засвидетельствовано у Апулея, хотя существительное зафиксировано ещё у Лукреция и Варрона.

**ascalpo** ‘чесать’ (6, 9, 1; гапакс; *c/o*: *ad+scalpo*)

**asinalis** ‘ослиный’ (4, 23, 1; Chiron 189, 686; *c/o*: *asinus+alis*)

**asso** ‘жарить’ (2, 10, 3; Ambr., Anthim., Antid., Apic., Cael. Aur., Cass. Fel., Chiron, Comput., Gaudent., Hier., Itala, Marcell. *med.*, Oribas., Pelagon., Placit., Ps. Aug., Ps. Theod. Prisc., Vulg., Zeno, Gramm., Gloss.; *c/o*: assus+o)

**astutulus** ‘хитрый’ (6, 27, 1; 9, 1, 4; 9, 30, 1; *c/o*: astutus+ulus)

**auscultatus** ‘слушание’ (6, 13, 1; Fulg. *Virg. cont.* 86, 6; *c/o*: ausculto+tus)

По-видимому, слово *auscultatus* воспринималось как архаичное (ср. архаизм *auscultare* в разделе слов с архаическим оттенком).

**bacchatim** ‘в вакхическом исступлении’ (1, 13, 2; гапакс; *c/o*: причастие от *bacchor+im*)

**barbitium** ‘борода’ (5, 8, 4; 11, 8, 3; *c/o*: barba+itium)

**blandicule** ‘ласково’ (10, 27, 2; гапакс; *c/o*: blandus+culus+e)

**boatus** ‘крик’ (3, 3, 1; Mart. Cap. 2, 98, Sedul. *carm. pasch.* 1, 18, Ven. Fort. *vita Leob.* 12, 37, Gloss.; *c/o*: boo+tus) Возможно, слово *boatus* воспринималось как архаичное (ср. глагол *boo* в разделе слов с архаическим оттенком).

**borrio** ‘кишетъ’ (8, 22, 6; гапакс; этимология неизвестна)

**busequa** ‘волопас’ (8, 1, 3; Apul. *apol.* 10, 6, Soc. 5, *flor.* 3, Sidon. *epist.* 1, 6, 3, Gloss. V 657, 10; *c/o*: bos+sequor+a)

**buxans** ‘бледный как самшит’ (8, 21, 3; гапакс; *c/o*: по типу причастия от *buxus*)

**byssus** ‘тонкое полотно’ (11, 3, 5; Ambr., Apring., Aug., Bachiar., Evang., Eucher., Gaudent., Greg. Tur., Heges., Hier., Isid., Mart. Cap., Paul. Nol., Ps. Origen., Salon., Salv., Sidon., Ven. Fort., Vulg., Gramm., Gloss.; *c/o*: заимствование из греческого *βύσσοϛ*)

**cachinnabilis** ‘безудержный, шумный’ (3, 7, 3; Ps. Apul. *herm.* p. 271; *c/o*: cachinno+bilis)

**callenter** ‘ловко’ (4, 16, 4; гапакс; *c/o*: callens+ter)

**caloratus** ‘пылкий’ (6, 23, 2; Diosc., Fulg., Garg. Isid., Mart., Porph., Gloss.; *c/o*: calor+atus) Глагол *calorare* засвидетельствован только один раз (Mar. Victor. *aleth.* 3, 55).

**cantatrix** ‘кодунья’ (2, 20, 3; 2, 30, 2; Caes. Arel. *suggest.* p. 299, Claud. 15, 448, Eccles. 2, 8, Op. imperf. in Matth. 1 p. 632, Pass. *Thom.* 136, 1; 137, 1, Rust. *Help. benef.* 47, Vulg. *II reg.* 19, 35, 2. *par.* 35, 25, *I Esdr.* 2, 65, *II Esdr.* 7, 67; *c/o*: canto+trix)

**cantilo** ‘петь’ (4, 8, 5; Apul. *flor.* 3, 15, 17; *c/o*: обратное образование от *cantilena*)

**capillitium** ‘волосы’ (2, 2, 9; Mart. *Cap.* 2, 181; 4, 331; *c/o*: capillus+itium)

**capreolatim** ‘переплетаясь’ (11, 22, 8; гапакс; *c/o*: capreolus+atus+im)

**captivitas** ‘слепота’ (1, 6, 3) Хотя существительное *captivitas* в этом значении засвидетельствовано только у Апулея, в классическом языке существовало выражение *captus oculis*, передающее тот же смысл (например, Cic. *Ver.* 5, 101, *Tusc.* 5, 117, *fin.* 5, 54, *div.* 2, 9, Verg. *georg.* 1, 183, Ov. *fast.* 6, 204, Liv. 9, 29, 11; 21, 58, 6).

**caseatus** ‘сырный’ (1, 4, 1; Gloss. III 441, 34, Hier. *epist.* 66, 10, Hil. *in psalm.* 67, 17, Itala *psalm.* 67, 17; *c/o*: caseus+atus)

**cataclistus** ‘драгоценный’ (11, 9, 5; Tert. *pall.* 3; *c/o*: заимствование из греческого *κατάκλειστος*)

**cavillatus** ‘осмеивание’ (8, 25, 3; гапакс; *c/o*: cavillor+tus)

**cheniscus** ‘украшение на корабельной корме в виде гуся’ (11, 16, 8; гапакс; *c/o*: заимствование из греческого *χηνίσκος*)

**cinerosus** ‘полный пепла’ (4, 18, 2; 7, 27, 2; Diosc. 4, 105; 5, 95; 5, 177; *c/o*: cinis+osus)

**cinnameus** ‘коричный’ (2, 10, 4; 5, 13, 3; 8, 9, 6; 10, 29, 2; Auson. 336, 17; *c/o*: cinnamum+eus)

**circumcursio** ‘беготня’ (9, 13, 2; Eustath. *Bas. hex.* 3, 7 p. 898a; *c/o*: circumcurro+tio)

**circumnoto** ‘рисовать кругом’ (11, 24, 3; гапакс; *c/o*: circum+noto)

**circumroro** ‘окроплять’ (11, 23, 2; гапакс; *c/o*: circum+roro)

**circumsecus** ‘кругом’ (2, 14, 5; 5, 17, 4; 11, 16, 6; *c/o*: circum+secus)

**circumtorqueo** ‘повернуть кругом’ (6, 30, 3; гапакс; *c/o*: circum+torqueo)

**civitatula** ‘городок’ (10, 1, 3; Cassiod. *hist.* 4, 21 p. 967b, Ennod. *opusc.* 3, 127 p. 363, 21, Eugipp. *Sev. capp.* 3, Hier. *sit. et nom.* p. 100, 14, *in Is.* 26, 5 p. 346, *psalt. sec. Hebr.* 47, 3, Gloss. V 316, 49; *c/o*: civitas+ula) До Апулея существительное *civitatula* встречается у Сенеки, но в значении ‘право гражданства небольшого города’ (Sen. *apoc.* 9, 4).

**clanculo** ‘тайком’ (3, 8, 7; 3, 16, 4; 7, 11, 3; 9, 9, 5; 10, 14, 6; Apul. *flor.* 15, Ambr., Amm., Aug., Cod. Iust., Cod. Theod., Epist. *pontif.*, Greg. Tur., Heges., Macr., Physiogn., Praedest., Ps. Rufin., Schol. Cic., Schol. Iuv., Sol., Tert., Veg., Zeno, Gloss.; *c/o*: clanculum+o) Наречие синонимично с архаичным *clanculum* и, вероятно, имело архаический оттенок.

**coetaneus** ‘одного возраста’ (8, 7, 2; Aug., Cassiod., Decl. in Catil., Gaudent., Iren., Isid., Itala, Mart. Bras., Petr. Chrys., Sacr., Tert., Victor., Gloss.; *c/o*: con+aetas+aneus)

**coapto** ‘прилаживать’ (9, 8, 3; 10, 35, 1; Amm., Aug., Avian., Boeth., Cassian., Cassiod., Greg. Tur., Hier., Hil., Isid., Itala, Mart. Cap., Novell., Oros., Vulg., Zeno...; *c/o*: con+apto)

**cogitatus** ‘мышление’ (4, 5, 1; 8, 25, 6; Ambr., Aug., Eugraph., Hyg., Itala, Mar. Victorin., Paul. Nol., Pelag., Ps. Aug., Ps. Fulg. Rusp., Ps. Hil., Serm. *Arrian.*, Sulp. Sev., Tert., Vitae Patr., Vulg...; *c/o*: cogito+tus)

**cohumido** ‘оросить’ (8, 9, 1; гапакс; *c/o*: con+umidus+o)

**commeator** ‘гонец, вестник’ (11, 11, 1; Apul. *apol.* 64, 1;<sup>1</sup> *c/o*: commeo+tor)

**commino** ‘сгонять’ (7, 11, 1; гапакс; *c/o*: con+mino) Это слово можно сравнить с другим неологизмом Апулея *prominare*.

**commorsico** ‘покусывать’ (7, 16, 4; 10, 22, 2; *c/o*: con+morsico) Апулей в своём романе использует 3 новых глагола с этим корнем: *morsico*, *commorsico*, *demorsico*. При этом, помимо предсказуемого значения ‘кусать’, в двух случаях они приобретают значение ‘пожирать глазами’ (2, 10, 2; 10, 22, 2) –

<sup>1</sup> Вдобавок к случаю употребления у Апулея это существительное также встречается в одной африканской надписи CIL VIII 22672 (commeato<ri>).

значение, предложенное ещё Ф. Бироальдом.<sup>1</sup> Однако основные словари приводят для глагола *morsicare* спорное значение ‘моргать’.<sup>2</sup> «Пожирание глазами» – более естественная метафора (ср. *spectat oculis devorantibus* ‘смотрит пожирающими глазами’ (Mart. 1, 96)), которая находит параллели в других языках и принадлежит к числу эротико-кулинарных метафор, в достаточном количестве встречающихся у Апулея.<sup>3</sup>

**commulco** ‘колотить’ (8, 28, 2; Gloss. V 183, 47; *c/o*: con+mulco)

**compavio** ‘топтать’ (7, 21, 5; гапакс; *c/o*: con+pavio)

**compulso** ‘ударять’ (7, 21, 3; Coripp. *Ioh.* 8, 423, Fulg. *myth.* 1 praef., *aet. mund.* p. 162, 11, Tert. *apol.* 20; *c/o*: con+pulso)

**concinaticius** ‘искусно изготовленный’ (2, 11, 4; гапакс; *c/o*: причастие от *concinno*+*icius*) Возможно, слово *concinaticius* воспринималось как архаичное (ср. глагол *concinno* в разделе слов с архаическим оттенком).

**confixilis** ‘собранный’ (4, 13, 5; гапакс; *c/o*: configo+ilis)

**confluctuo** ‘развеваться’ (11, 3, 5; гапакс; *c/o*: con+fluctuo)

**confoedo** ‘испачкать’ (7, 28, 3; гапакс; *c/o*: con+foedo)

**congrex** ‘находящийся в стаде’ (7, 16, 1; Aug., Auson., Carm. epigr., Cypr. Gall., Itin. Alex., Iul. Val., Mar. Victor., Paul. Nol., Pervig. Ven., Prud., Sol., Tert., Tiberian., Gloss.; *c/o*: con+grex)

**coniuga** ‘супруга’ (6, 4, 1; 8, 22, 2; 9, 14, 2; Carm. epigr. 112, 2; 1559, 1, Inscr. *christ. Rossi* I 17, Mart. Cap. 1, 4, Gloss. IV 435, 20; *c/o*: coniux+a)

**conlimo** ‘направлять’ (9, 42, 2; гапакс; *c/o*: con+limus+o)

**conmasculo** ‘делать храбрым, укреплять’ (2, 23, 1; Macr. *sat.* 7, 11, 2, Schol. Ter. p. 130, 7, p. 160, 30; *c/o*: con+masculus+o)

<sup>1</sup> «Significantissimo vocabulo vim venustorum oculorum expressit, qui illices sunt veneris et potentissimum amoris incitamentum, quorum fulgor et amabilis intuitus quodam quasi morsu vitalia populatur et morsicatum medullas depascitur»; Appuleii Metamorphoseon libri XI / Ed. Franciscus Oudendorpius... P. 72.

<sup>2</sup> OLD, p. 1135; L&S, p. 1166; Reichmann, Victor – Buchwald, Wolfgang. *Morsico* // ThLL, Vol. VIII (1936–1966). P. 1508; «malim ego intellegere oculos mobiles, identidem se aperientes claudentesque, oris manducantis instar» Appuleii Metamorphoseon libri XI / Ed. Franciscus Oudendorpius... P. 113 (ad loc. II, 10). Ср. «limis et morsicantibus oculis, h. e. intente avideque intuentibus, et quasi morsu arripientibus» Forcellini Aeg. *Lexicon totius latinitatis*. Tom. III. Patavii: typis Seminarii, 1965. P. 293.

<sup>3</sup> Например, *mellitissimum*, *suavium*, *ollula*, см. Mal-Maeder D. van. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses*. Livre II... P. 185.

**consavio** ‘расцеловать’ (2, 13, 5; 6, 22, 2; *c/o*: con+suavior) Глагол *consavio* засвидетельствован только у Апулея, однако, по-видимому, он мог восприниматься как архаичный (так воспринимались активные формы отложительных глаголов).<sup>1</sup>

**consequius** ‘следующий’ (5, 24, 1; 10, 18, 3; *c/o*: consequor+ius)

**consiliatrix** ‘советчица’ (5, 24, 5; Ambr. *Cain et Ab.* 1, 4, 13, Hier. *nom. hebr.* 59, 13, Max. Taur. *serm.* 15 (Ps. Ambr. *serm.* 27, 2), Ps. Fulg. Rusp. *serm.* 65; *c/o*: consilior+trix)

**consone** ‘единогласно’ (1, 10, 4; Novell. *Iust.* 132; *c/o*: consonus+e)

**contempero** ‘смешивать’ (10, 16, 8; Anthim., Apic., Aug., Boeth., Cassian., Chiron, Claud. Mam., Eug. Tolet., Eustath., Mar. Merc., Marcell. *med.*, Schol. Lucan., Schol. Pers., Veg.; *c/o*: con+tempero)

**contrio** ‘стирать’ (7, 17, 3; Itala *Dan.* 11, 20, *Os.* 8, 5, *I Mac.* 13, 1, Vulg. *Exod.* 23, 23; *c/o*: обратное образование от *contrivi*, *contritus*)

**coquitatio** ‘длительная варка’ (4, 22, 3; гапакс; *c/o*: coquito+tio) Существительное, возможно, воспринималось как архаичное: словарь Феста отмечает, что глагол *coquitare* использовался Плавтом (р. 54 L).

**coronalis** ‘относящийся к венцу’ (1, 10, 2; Cassiod. *in psalm.* 14, 93, 110, Chiron 657, Iul. Val. 1, 7, Ps. Apul. *herb.* 79; *c/o*: corona+alis)

**coronamen** ‘венки’ (11, 9, 2; гапакс; *c/o*: coronam+men)

**crassities** ‘полнота’ (7, 5, 3; Cael. Aur. *chron.* 5, 10, 123; *c/o*: crassus+ies)

**crasso** ‘утолщать’ (3, 24, 4; Amm., Aug., Boeth., Eustath., Max. Taur., Petr. Chrys., Zeno, Gloss.; *c/o*: crassus+o)

**cruciabilis** ‘мучительный’ (1, 7, 4; 2, 2, 1; 7, 21, 5; 9, 13, 3; 10, 3, 2; Gell., Amm., Arnob., Aug., Cassiod., Comm. Bern. *Lucan.*, Don., Lact., Porph., Prosp., Prud., Rufin.; *c/o*: crucio+bilis) Скорее всего, слово *cruciabilis* воспринималось как архаизм (ср. *cruciabilitas* (Pl.), *cruciabiliter* (Pl., B. Afr.)).

**cruenter** ‘жестоко’ (3, 3, 3; гапакс; *c/o*: cruentus+ter)

<sup>1</sup> Zimmerman M. – Panayotakis S. – Hunink V.C. – Keulen W.H. – Harrison S. J. – McCreight Th. D. – Wesseling B. – Mal-Maeder D. van. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books IV 28–35, V and VI 1–24... P. 531.

**curiosulus** ‘любопытный’ (10, 31, 2; гапакс; *c/o*: curiosus+ulus)

**curito** ‘заботиться’ (7, 14, 1; гапакс; *c/o*: curo+ito)

**dammula** ‘лань’ (8, 4, 4; Ambr., Aug., Exc. *Barb.*, Hier., Isid., Itala, Not. Tir., Rufin., Vulg., Gloss.; *c/o*: damma+ula)

**decermina** ‘обрезки’ (1, 6, 1 (*conj.*, *F* *determina*); Paul. Fest. p. 63 L, Gloss. IV 53, 36 (= V 450, 8), V 496, 43; *c/o*: decerpo+men) В художественной литературе слово *decermina* засвидетельствовано только у Апулея.

**decoriter** ‘изящно’ (5, 22, 5; 6, 28, 5; 11, 3, 4; Iul. Val. 1, 24; 2, 29; *c/o*: decor+ter) Комментарий к XI книге отмечает, что это наречие имеет архаический оттенок.<sup>1</sup>

**decunctor** ‘обдумывать’ (7, 24, 3; 10, 3, 2; *c/o*: de+cunctor)

**dedolo** ‘колотить, разделять’ (7, 17, 3; 9, 7, 5 в переносном значении) Переносное значение этого глагола впервые зафиксировано у Апулея в «Метаморфозах», хотя в «Апологии» он употребляет этот глагол в его обычном значении ‘обтёсывать, обрубать’ (*apol.* 29, 3).

**defamis** ‘позорный’ (9, 17, 4; гапакс; *c/o*: de+fama+is)

**deflammo** ‘гасить’ (5, 30, 5; гапакс; *c/o*: de+flammo)

**demeaculum** ‘спуск’ (6, 2, 5; гапакс; *c/o*: demeo+culum)

**demorsico** ‘кусать’ (2, 21, 7; 3, 25, 3; *c/o*: de+morsico)

**demusso** ‘терпеть’ (3, 26, 4; Amm. 30, 1, 15, Gloss.; *c/o*: de+musso)

**dependulus** ‘ниспадающий’ (2, 9, 7; 3, 2, 8; 11, 3, 5; *c/o*: dependeo+ulus)

**depraedor** ‘разграблять’ (8, 29, 1; Ambr., Ambrosiast., Aug., Cassiod., Fulg., Greg. M., Greg. Tur., Hier., Iord., Isid., Itala, Iust., *Lex Visig.*, Marcell. *chron.*, Rufin., Schol. Iuv., Vulg., Ulp. *dig.*, Gloss...; *c/o*: de+praedor)

**detestatio** ‘оскопление’ (7, 23, 3; гапакс) Несмотря на то что в латинском языке уже существовало существительное *detestatio* ‘проклятие’ (от глагола *detestor*), Апулей прибегает к игре слов, сочиняя существительное *detestatio*, производное от *testis*.

<sup>1</sup> Keulen W. H. – Tilg. S. – Nicolini L. – Graverini L. – Harrison S. J. – Panayotakis S. – Mal-Maeder D. van. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book XI... P. 138.



**detundo** ‘разбивать’ (2, 32, 1; Paul. Fest. p. 64 L, Gloss.; *c/o*: de+tundo)

**devestio** ‘раздевать’ (3, 21, 4; 4, 7, 5; *c/o*: de+vestio)

**dicacule** ‘язвительно’ (1, 9, 5; 8, 25, 3; *c/o*: dicaculus+e) Скорее всего, наречие *dicacule* воспринималось как архаизм (ср. платовское прилагательное *dicaculus* в разделе слов с архаическим оттенком).

**difileo** ‘выплакивать’ (1, 6, 3; 5, 7, 1; *c/o*: dis+fleo)

**discretim** ‘отдельно’ (6, 1, 5; Apul. *flor.* 9, Amm. 28, 1, 36; 29, 6, 13, Avien. *Arat.* 591, Сурр. Gall. *gen.* 63, 345, Hil. *in psalm.* 138, 23, 1; *c/o*: discerno+im)

**dispeciscor** ‘отменять’ (4, 26,8; гапакс; *c/o*: dis+paciscor)

**disseminatio** ‘распространение’ (11, 30, 4; Cassiod. *inst. div.* 38, Hier. *in Is.* 18, 2, Itala *deut.* 28, 25, II Масс. 1, 27, Tert. *fug.* 6, Victric. 19; *c/o*: dissemino+tio)

**dissitus** ‘далёкий’ (9, 15, 6; 10, 4, 4; Apul. *flor.* 2, Arnob. *nat.* 1, 55; 4, 30, Carm. *adv. Marc.* 4, 148, Cod. Theod. 5, 11, 11, Mart. Cap. 9, 912; *c/o*: dis+situs) П. Медан ошибочно называет это слово архаизмом, так как в предложенном им месте (Lucr. 3, 143) *dissitus* – это причастие от *dissero*.<sup>1</sup>

**disterno** ‘расстирать’ (2, 15, 5; 10, 34, 4; Not. Tir. 54, 87; 54, 88; 54, 89; *c/o*: dis+sterno)

**domuscula** ‘домик’ (4, 26, 4; гапакс; *c/o*: domus+cula)

**dorsualis** ‘спинной’ (11, 20, 6; Amm. 22, 15, 18; 19, 8, 7, Edict. *imp. Diocl.* 16, 62, Sol. 12, 4, Treb. Gall. 8, 2; *c/o*: dorsum+alis)

**ducenaria** ‘должность дуценария’ (7, 6, 1; Inscr. граес. Rom. Cagnat I 227 δουκηναρία; ср. *ducenarius*) *Ducenaria* как абстрактное существительное, обозначающее должность *procurator ducenarius* в латинской литературе встречается только у Апулея.

**dulciolum** ‘сладость, десерт’ (4, 27, 7; гапакс; *c/o*: dulcis+olus)

<sup>1</sup> Médan, Pierre. La Latinité... P. 183.

**effigio** ‘украшать изображениями’ (11, 11, 3; Apul. *apol.* 14, 3, *flor.* 1, Amm., Aug., Boeth., Chalc., Drac., Gennad., Iul. Val., Macr., Mart. Cap., Min. Fel., Non., Paul. Petric., Prob., Prud., Ps. Primas., Sidon., Sol., Tert., Ven. Fort., Vincent. Vict.; *c/o*: *effigies+o*)

**efflicte** ‘сильнейшим образом’ (5, 28, 8; Symm. *epist.* 1, 90, 1; *c/o*: *effligo+e*) Наречие *efflicte*, по-видимому, воспринималось как архаичное (ср. *efflictim* в разделе слов с архаическим оттенком).

**elocutilis** ‘имеющий отношение к речи’ (11, 3, 3; гапакс; *c/o*: *eloquor+ilis*)

**emasculo** ‘оскоплять’ (7, 23, 4; Pallad. *hist. mon.* I 17 p. 294c, Serv. *Aen.* 6, 661; *c/o*: *ex+masculus+o*)

**emeditor** ‘придумывать’ (2, 27, 7; Carm. *de sept. sap.* p. 137 M.; *c/o*: *ex+meditor*)

**epebicus** ‘юношеский’ (10, 30, 3; гапакс; *c/o*: заимствование из греческого *ἐφηβικός*)

**esurienter** ‘жадно’ (10, 16, 4; Zeno 1, 24, 1; *c/o*: *esuriens+ter*)

**examurgo** ‘сушить, выжимать’ (4, 14, 7; гапакс; *c/o*: *ex+amurca+o*)

**exapto** ‘прилаживать, надевать’ (11, 27, 9; гапакс; *c/o*: *ex+apto*)

**excitus** ‘призыв’ (6, 27, 5; гапакс; *c/o*: *excio+tus*)

**exercitius** ‘усердно’ (11, 29, 2; Epist. *pontif.*, Rufin., Soran.; *c/o*: *exercitus+e*) Наречие *exercite* засвидетельствовано только в сравнительной степени.

**exhinc** ‘после этого’ (11, 24, 4; Cassian., Claud. Mam., Drac., Ennod., Eugraph., Fulg., Greg. Tur., Iord., Isid., Iul. Hon., Iuvenc., Mart. Cap., Novell., Pass., Sidon., Symm., Theod. Prisc., Ps. Orig., Ps. Prosp., Vinc. Victor, Virg. *gramm.*, Theod. Mops.; *c/o*: *ex+hinc*)

**exobruo** ‘выкапывать’ (9, 6, 3; Antidot. Brux. *frg. phys.* p. 397, 6, Cassiod. *hist.* 5, 31 p. 1108c, Itala *prov.* 29, 22 (Ps. Aug. *spec.* 49 p. 509, 11); *c/o*: *ex+obruo*)

**expergite** ‘бдительно, внимательно’ (2, 23, 7; 8, 31, 4; *c/o*: причастие от *expergo+e*) По-видимому, наречие *expergite* воспринималось как архаичное (ср. *expergo* в разделе слов с архаическим оттенком).

**exsector** ‘оскопитель’ (8, 15, 4; гапакс; *c/o*: exseco+tor)

**exserte** ‘громко’ (1, 17, 1; Aug., Cypr., Dict., Don., Itala, Porph., Schol. Cic., Schol. Hor., Serv., Spart., Tert., Zeno, Gloss.; *c/o*: exsertus+e)

**famulitio** ‘челядь’ (2, 2, 3; 6, 8, 5; *c/o*: famulus+tio) На примере этого слова прекрасно видно желание Апулея быть оригинальным: вместо обычного *servitium* он употребляет неологизм *famulitio*, при этом он также пользуется уже существовавшим словом *famulitium*.

**fanatice** ‘исступлённо’ (8, 27, 4; гапакс; *c/o*: fanaticus+e)

**farinulentus** ‘мучнистый’ (9, 12, 4; гапакс; *c/o*: farina+ulentus)

**fastidienter** ‘презрительно’ (5, 17, 1; Auson. 399, 20 (*conj.*); *c/o*: fastidiens+ter)

**feminal** ‘женский половой орган’ (2, 17, 2; Apul. *apol.* 33; *c/o*: femina+al)

**fenestrula** ‘окошко’ (9, 42, 2; гапакс; *c/o*: fenestra+ula)

**fistulatum** ‘струей’ (4, 3, 10; гапакс; *c/o*: fistulatus+um)

**flammidus** ‘горящий’ (11, 3, 5; Apul. *Soc.* 8, 9, *mund.* 21; *c/o*: flamma+idus)

**floride** ‘цветисто’ (11, 24, 2; Carm. epigr. 686, 16, Lact. *mort. pers.* 3, 4; *c/o*: floridus+e)

**follico** ‘раздуться’ (9, 13, 2; Hier. *epist.* 22, 34, 3, Isid. *orig.* 12, 2, 30, Tert. *pall.* 3, Veg. *mulom.* 2, 140, 1; *c/o*: follis+ico)

**fragium** ‘перелом’ (9, 23, 2; гапакс; *c/o*: frango+ium) Возможно, что Апулей, создавая неологизм *fragium*, ориентировался на Плавта (*Am.* 454, *Cas.* 496 *lumbifragium*).

**frustulum** ‘кусочек’ (1, 19, 2; гапакс; *c/o*: frustum+ulum)

**furatrina** ‘кража’ (6, 13, 1; 8, 3, 1; 10, 14, 1; Iul. Val. 2, 26, Non. p. 88; *c/o*: furor+trina)

**fusticulus** ‘щепка’ (6, 18, 4; Not. Tir. 74, 37, Pallad. 1, 35, 6, Paul. Fest. p. 43 L, Gloss. V 515, 61; *c/o*: fustis+culus)

**gallinula** ‘курочка’ (2, 11, 1; Arnob. *nat.* 7, 8, Avien. *Arat.* 1713; *c/o*: gallina+ula)

**gaudialis** ‘радостный’ (2, 31, 2; 8, 15, 4; 8, 29, 1; 11, 29, 5; *c/o*: gaudium+alis)

**gaudibundus** ‘радостный’ (8, 2, 5; *Cypr. epist.* 76, 4, *Virg. gramm. epist.* 5 p. 166, 19; *c/o*: gaudium+bundus)

**gemmosus** ‘усыпанный драгоценными камнями’ (5, 8, 5; гапакс; *c/o*: gemma+osus)

**glabellus** ‘безволосый’ (2, 17, 2; 5, 22, 7; *Apul. flor.* 3, *Mart. Cap.* 2, 132; *c/o*: glaber+lus)

**grabattulus** ‘кроватька’ (1, 11, 5; 1, 11, 8; 1, 12, 2; 1, 12, 7; 1, 13, 1; 1, 13, 8; 1, 16, 2 (2 раза); 1, 16, 4; 1, 22, 6; 1, 26, 3; 2, 15, 5; 2, 17, 4; *c/o*: grabatus+ulus)

**grammateus** ‘писец, секретарь’ (11, 17, 2; *Gloss.*, *Inscr.*; *c/o*: заимствование из греческого *γραμματεύς*)

**granatim** ‘по зёрнышку’ (6, 10, 7; гапакс; *c/o*: granum+im)

**gurgustiolum** ‘лачужка’ (1, 23, 4; 4, 10, 4; *Gloss.* III *Abol.* GV 4, IV *Plac.* G 6, *Gloss.* IV 605, 50; *c/o*: gurgustium+olum)

**gustulum** ‘лакомство’ (2, 10, 2; 9, 33, 5; *c/o*: gustus+olum) Л. Гаргантини ошибочно помечает слово *gustulum* как архаизм (в *Pl. Cist.* 70 *gustus*).<sup>1</sup>

**helcium** ‘хомут, ляжка’ (9, 12, 1; 9, 22, 4; *c/o*: от греческого глагола *ἔλκω*)

**herbans** ‘травянистый’ (7, 15, 1; гапакс; *c/o*: по типу причастия от существительного *herba*)

**hircuosus** ‘козловидный’ (5, 25, 4; в такой орфографии гапакс (у авторов разных периодов засвидетельствовано написание *hircosus*); *c/o*: hircus+osus)

**horricomis** ‘вздохмаченный’ (4, 19, 5; 7, 11, 1; *c/o*: horreo+coma+is)

**hortulanus** ‘огородник’ (4, 3, 2; 9, 31, 3; 9, 39, 1; 9, 39, 4 (2 раза); 9, 39, 6; 9, 40, 3; 9, 40, 4; 9, 40, 5; 9, 41, 3; 9, 41, 5; 9, 42, 4; 10, 1, 1; *Apic.*, *Arnob.*, *Aug.*, *Firm.*, *Hier.*, *Itala*, *Iulian.*, *Macr.*, *Misc.* *Tir.*, *Oribas.*, *Pacian.*, *Plin.* *Val.*, *Ps.* *Aug.*, *Regula*, *Romul.*, *Tert.*, *Vigil.* *Trid.*, *Vitae patr.*, *Vulg.*, *Gloss.*; *c/o*: hortulus+anus)

**hospitator** ‘гость’ (4, 7, 4; гапакс; *c/o*: hospitor+tor)

<sup>1</sup> Gargantini, Luisa. *Ricerche...* P. 42.

**ignorabiliter** ‘неизвестным образом’ (3, 17, 4; гапакс; *c/o*: ignorabilis+ter)

**imaginabundus** ‘воображающий’ (3, 1, 2; гапакс; *c/o*: imaginor+bundus)

Возможно, неологизм *imaginabundus* был создан в подражание Сизенне (Gell. 11, 15, 7).

**immeditatus** ‘безыскусственный’ (2, 2, 9; Apul. *flor.* 17, Conc.<sup>s</sup> I 3 *vers.* Tur. p. 151, 23, Ennod. *opusc.* 3, 142, Martyr. *gramm.* 7, 194, 3 = Cassiod. *gramm.* 7, 194, 5; *c/o*: in+meditatus)

**impaenitendus** ‘не вызывающий раскаяния’ (6, 13, 1; 11, 28, 4; Cassiod. *var. praef.* 3, Itala II *Cor.* 7, 10; *c/o*: in+paenitendus)

**impossibilitas** ‘невозможность’ (6, 14, 6; Ambr., Arnob., Aug., Boeth., Cael. Aur., Cassian., Cassiod., Claud. Don., Eucher., Gaudent., Greg. M., Heges., Hier., Hil., Oribas., Rufin., Serv., Tert...; *c/o*: impossibilis+tas)

**impunis** ‘безнаказанный’ (3, 6, 3; Cod. Iust. 9, 39, 2, 2, Drac. *Orest.* 952, Itala II *Macc.* 7, 19, Op. imperf. in Matth. 34 p. 819; *c/o*: обратное образование от *impune*)

**inacidatus** ‘пропитанный уксусом’ (8, 18, 7; гапакс; *c/o*: in+acidus+atus)

**inalbeo** ‘быть белым’ (7, 1, 1; гапакс; *c/o*: in+albeo) Неологизм *inalbere* подкрепляет аллюзию на текст Энния, содержащий глагол *indalbare* (ann. 212). Апулей воспроизводит строку из Энния, лишь слегка видоизменив глагол: *ut primum tenebris abiectis indalbabat* (у Апулея: *ut primum tenebris abiectis dies inalbebat*).<sup>1</sup> Этот глагол также мог восприниматься как архаичный (также см. глагол *inalbo* ниже).

**inalbo** ‘отбеливать’ (9, 24, 2; 10, 20, 3; Itala *Is.* 1, 18, *Dan.* 12, 10; *c/o*: in+albus+o)

**incapistro** ‘взнуздывать’ (11, 20, 6; гапакс; *c/o*: in+capistrum+o) Хотя глагол *incapistro* засвидетельствован в литературе только один раз, он сохранился в романских языках: ср. ит. *incapistrare*, исп. *encabestrar*).

<sup>1</sup> Стоит отметить, что оригинальность данного фрагмента Энния, дошедшего до нас в комментарии к Катулле португальского гуманиста Ахилла Стация, подвергалась сомнениям как раз из-за удивительного сходства с пассажем Апулея: см. Skutsch O. Enniana, II // *The Classical Quarterly* Vol. 42, № 3/4 (Jul. – Oct., 1948). Pp. 100–101.

**inconcinne** ‘нескладно’ (10, 9, 2; Aug. *doctr. christ.* 2, 16, 26, Prisc. 3, 111, 15; *c/o*: inconcinnus+e) Ср. наречие *inconcinniter* (Gell. 10, 17, 2).

**inconivus** ‘не смыкающий глаз’ (2, 22, 2; 6, 14, 4; Amm. 29, 2, 20 (*conj.*); *c/o*: in+coniveo+us)

**incoram** ‘публично, в присутствии’ (7, 21, 4; 9, 10, 1; 9, 15, 2; 9, 42, 2; 10, 5, 6; 10, 23, 2; Symm. *epist.* 9, 129; *c/o*: in+coram)

**incoronatus** ‘неувенчанный’ (4, 29, 3; гапакс; *c/o*: in+coronatus)

**incredulitas** ‘недоверчивость’ (1, 20, 1; Ambr., Claud. Don., Gaudent., Greg. Tur., Itala, Paul. Nol., Rufin., Sedul., Tert., Vulg., Zeno...; *c/o*: incredulus+tas)

**incredundus** ‘невероятный’ (2, 12, 5; Apul. *apol.* 47, 3, *flor.* 15; *c/o*: in+герундив от *credo*)

**incrementulum** ‘увеличение’ (5, 12, 2; гапакс; *c/o*: ccrementum+ulum)

**incretus** ‘непросеянный’ (7, 15, 5; Vitae patr. *Iurens.* 1, 13; *c/o*: in+cretus)

**incunctanter** ‘безотлагательно’ (4, 8, 1; 4, 21, 1; 9, 1, 2; 9, 36, 2; 10, 23, 1; 11, 6, 2; 11, 30, 4; Aug., Cod. Theod., Gaudent., Greg. M., Lact., Mart. Cap., Novatian., Sulp. Sev., Symm., Ulp. *dig.*, Zeno...; *c/o*: in+cunctanter)

**incunctatus** ‘не медлящий’ (5, 14, 3; гапакс; *c/o*: in+cunctatus)

**indagatus** ‘поиски’ (7, 7, 4; гапакс; *c/o*: indago+tus)

**indiguus** ‘нуждающийся’ (9, 12, 2; Apul. *Soc.* 1, Ambr. *Iac.* 1, 8, 38, *in psalm.* 36, 52, 3, Basil. *ad Monach.* p. 228, 12, Aug. *beat. vit.* 2, 11, *ord.* 2, 17, 46, Cassiod. *gramm.* 7, 204, 18, Chalc. *comm.* 176, Pass. *Desid.* 4; *c/o*: indigeo+uus)  
Л. Ронкайоли считает, что в данном месте Апулей употребил архаизм *indigus*.<sup>1</sup>

**inenormis** ‘умеренный’ (2, 2, 9; гапакс; *c/o*: in+enormis)

**inextricabiliter** ‘запутанно’ (11, 25, 2; Cassian. *conl.* 1, 20, 5, Gloss. IV Плс. 1, 30; *c/o*: inextricabilis+ter)

**infantilis** ‘детский’ (5, 11, 6; Alc. Avit., Aug., Chiron, Hil., Iren., Marcell. *med.*, Mutian., Nicet., Novell., Optat., Rufin., Sedul., Ulp. *dig.*...; *c/o*: infans+ilis)

<sup>1</sup> Roncaioli, Cecilia. L'Arcaismo... P. 336.

**infantula** ‘маленькая девочка’ (10, 28, 1; Caes. Arel., Hier., Ps. Matth., Sidon., Ven. Fort.; *c/o*: infans+ula)

**infantulus** ‘маленький ребёнок’ (8, 15, 3; 8, 22, 4; Ambr., Arnob., Aug., Capitol., Fulg., Greg. Tur., Heges., Hier., Mutian., Paneg., Sulp. Sev., Vulg....; *c/o*: infans+ulus)

**inferialis** ‘погребальный’ (8, 7, 4; Schol. Hor. *epod.* 10, 17 (*conj.*), Gloss.<sup>L</sup> II Philox. IN 209; *c/o*: inferiae+alis)

**inhalatus** ‘дыхание’ (2, 10, 4; гапакс; *c/o*: inhalo+tus)

**inhortor** ‘натравливать’ (8, 17, 2; 9, 36, 4; *c/o*: in+hortor)

**inlubrico** ‘плавно двигать’ (2, 7, 3; гапакс; *c/o*: in+lubrico)

**inluminus** ‘неосвещённый’ (6, 2, 5; гапакс; *c/o*: in+lumen+us, ср. ἄλυχνος)

**inlunius** ‘безлунный’ (4, 18, 3; 9, 33, 1; *c/o*: in+luna+ius)

**inopportunus** ‘неудобный’ (2, 15, 1; 8, 29, 5; Afric. *dig.*, Aug., Cod. Iust., Conc.<sup>S</sup>, Oros.; *c/o*: in+opportunus)

**inoptabilis** ‘нежелательный’ (9, 12, 2; Cassiod., Conc.<sup>S</sup>, Hier., Mutian., Rustic.; *c/o*: in+optabilis)

**inpunctus** ‘незапятнанный’ (2, 19, 2; гапакс; *c/o*: in+punctus, ср. ἄστικτος)

**inremunerabilis** ‘неоплатный’ (3, 22, 5; 11, 24, 5; *c/o*: in+remuneror+abilis)

**inscensus** ‘случка’ (7, 14, 5; Itin. Alex. 48; *c/o*: inscendo+tus)

**insecutio** ‘преследование’ (8, 16, 1; Aug., Cassiod., Greg. Tur., Hier., Iul. Val., Ps. Vigil. Thaps., Soran., Vitae patr., Vulg., Gloss.; *c/o*: insequor+tio)

**insecutor** ‘преследователь’ (7, 2, 1; Ferreol., Greg. Tur., Ennod., Eriphan., Itin. Alex., Iul. Val., Prud., Tert., Vulg.; *c/o*: insequor+tor)

**insiciatus** ‘набитый фаршем’ (6, 31, 6 (*conj.*); Anth., Apic.; *c/o*: insicium+atus) Возможно, слово *insiciatus* было архаичным (ср. *insicium* Var. *ling.* 5, 110).

**insonus** ‘беззвучный’ (3, 21, 3; Apul. *mund.* 20, Amm. 27, 12, 8; 29, 5, 54, Isid. *orig.* 1, 4, 4; *c/o*: in+sonus+us)

**inspersus** ‘посыпание’ (7, 22, 3; 9, 30, 3; *c/o*: inspergo+tus)

**insutus** ‘зашивание’ (7, 4, 2; гапакс; *c/o*: insuo+tus)

**interspergo** ‘посыпать’ (5, 15, 4; Apul. *apol.* 40, 2; *c/o*: inter+spargo)

**interula** ‘нижняя туника’ (8, 9, 2; Mart. *Cap.* 1, 7, Tert. *pall.* 5, 3, Treb. *Claud.* 14, 10, Vorisc. *Prob.* 4, 5, *quatt. tyr.* 15, 8; *c/o*: inter+ulus)

**intervocaliter** ‘с криками (в промежутках)’ (9, 30, 6; гапакс; *c/o*: inter+vocalis+ter)

**intollo** ‘поднимать’ (8, 26, 2; гапакс; *c/o*: in+tollo)

**intraho** ‘тянуть, втягивать’ (5, 20, 3; 11, 23, 3; Paul. *Fest.* p. 98 L, Cael. *Aur. gyn.* 1, 60 l. 514; *c/o*: in+traho)

**intrimentum** ‘перетёртое блюдо’ (10, 13, 3; Zeno 1, 24, 1; *c/o*: intero+mentum)

**introcedo** ‘вступать’ (5, 3, 5; 10, 31, 1; *c/o*: intro+cedo)

**introrepro** ‘вползать’ (2, 25, 3; 9, 18, 3; *c/o*: intro+repro)

**invinius** ‘непьющий’ (11, 23, 2; гапакс; *c/o*: in+vinum+ius, ср. *ἄοινος*)

**iubilatio** ‘ликование’ (8, 17, 2; Ambr., Aug., Itala, Paul. *Nol.*, Rufin., *Sedul.*...; *c/o*: iubilo+tio)

**iumentarius** ‘относящийся к вьючному скоту’ (9, 13, 1; Iavol. *dig.* 33, 7, 26, 1, Paul. *Nol. epist.* 23, 12, *Gloss.*...; *c/o*: iumentum+arius)

**lacertulus** ‘лакомство в виде ящерицы’ (10, 13, 6; гапакс; *c/o*: lacertus+ulus)

**laciniatim** ‘на куски’ (8, 15, 8; гапакс; *c/o*: lacinia+atus+im)

**laevorsum** ‘налево’ (1, 21, 1; Apul. *flor.* 2, Amm. 14, 3, 2; 31, 10, 11; 18, 6, 15, Mart. *Cap.* 6, 580; 6, 626; 6, 639; 6, 665; 6, 681; 6, 690; *c/o*: laevus+vorsum)

**lanciola** ‘копье’ (8, 27, 2; Anon. *Vales.* 13, 78, *Capitol. Maximin.* 30, 2, *Grom.* p. 326, 1, Treb. *Claud.* 8, 5, *Vulg. III reg.* 18, 28; *c/o*: lancea+ola)

**latrocinalis** ‘разбойничий’ (2, 14, 3; 4, 18, 4; Amm., Avell., Ps. *Rufin.*; *c/o*: latrocinium+alis)

**lautiusculus** ‘роскошный’ (7, 9, 1; гапакс; *c/o*: lautus+culus)



**levigo** ‘облегчать’ (4, 1, 4;<sup>1</sup> Cael. Aur., Cassiod., Fulg., Greg. M., Hil. Arel., Mutian., Novell., Oribas., Prisc. Lyd., Ps. Aug., Ps. Hier., Schol. Hor...; *c/o*: levis+igo, ср. *lēvigo* ‘разглаживать’)

**lugubriter** ‘жалобно’ (3, 8, 2; Apon., Aug., Caes. Arel., Cassian., Gild., Pomp. *gramm.*, Schol. Stat., Serv., Verec.; *c/o*: lugubris+ter)

**lumino** ‘освещать’ (9, 12, 4; 11, 25, 3; Avien., Cypr., Ennod., Hil., Iren., Itala, Mart. Cap., Paul. Nol., Prud., Ven. Fort., Vulg...; *c/o*: lumen+o) *Luminare* – новое слово, которое не обязательно является неологизмом Апулея, так как представлено в надписи того же периода (CE 880, 2, 134 г. н. э.).<sup>2</sup>

**lupanaris** ‘распутный’ (9, 26, 1; Basil. *ad fil.* p. 62, 12, Pass. *Bonos.* 10, Ps. Ambr. *epist.* 1, 7; *c/o*: lupanar+aris)

**lupula** ‘волчица’ (3, 22, 6; 5, 11, 4; *c/o*: lupa+ula)

**machinarius** ‘механический’ (7, 15, 3; Alf. *dig.*, Comment. *Lucan.*, Paul. *dig.*, Sol., Ulp. *dig.*, Gloss.; *c/o*: machina+arius)

**magia** ‘магия’ (3, 16, 19; 6, 26, 7; Apul. *apol.* 2, 2; 9, 5; 25, 5; 25, 9; 26, 1; 27, 9; 27, 12; 28, 4; 29, 1; 29, 2; 29, 6; 29, 9; 30, 5; 31, 1; 31, 2; 31, 4; 43, 1; 47, 1; 47, 3; 53, 2; 54, 6; 58, 5; 62, 3; 63, 2; 64, 8; 67, 1; 67, 3; 70, 3; 78, 5; 80, 5; 81, 1; 82, 4; 83, 5; 84, 3; 84, 4; 87, 2; 90, 4; 96, 2; 102, 1; 102, 2, Act. Petr., Ambrosiast., Amm., Aug., Cassiod., Filostr., Isid., Itala, Pass. *Theclae*, Prud., Tert., Vulg.; *c/o*: заимствование из греческого *μαγεία*)

**magnarius** ‘оптовый’ (1, 5, 5; *c/o*: magnus+arius) В литературных текстах слово *magnarius* больше не засвидетельствовано, но встречается в надписях.

**matronatus** ‘наряд матроны’ (4, 23, 3; Zeno 1, 1, 17; *c/o*: matrona+atus)

**meaculum** ‘проход’ (1, 4, 1; Mart. Cap. 8, 813, Vindic. *epist. ad Valent.* 9; *c/o*: meo+culum)

**mediator** ‘посредник’ (9, 36, 1; Aug., Avell., Cassiod., Ennod., Hier., Mutian., Paul. Nol., Rufin., Sidon., Vitae patr., Vulg...; *c/o*: medio+tor)

<sup>1</sup> Рукопись *F* даёт чтение *levigatos*, исправленное на *levatos*, и разные издатели придерживаются разных вариантов.

<sup>2</sup> Keulen W. H. – Tilg. S. – Nicolini L. – Graverini L. – Harrison S. J. – Panayotakis S. – Mal-Maeder D. van. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book XI...* P. 431.

**meditatus** ‘намерение’ (3, 14, 4; гапакс; *c/o*: *meditor+tus*)<sup>1</sup>

**medullaris** ‘внутренний, глубокий’ (7, 17, 3; *Antidot. Brux.* 156; *c/o*: *medulla+aris*)

**mellitula** ‘милая, душечка’ (3, 22, 5; *Hier. epist.* 79, 6, 2; *c/o*: *mellitus+ula*)

Л. Гаргантини ошибочно помечает это слово как архаизм.<sup>2</sup>

**mineus** ‘красный’ (4, 2, 1; *Apul. flor.* 12, *Isid. orig.* 16, 8, 4; *c/o*: *minium+eus*)

**momentarius** ‘мимолётный, молниеносный’ (2, 29, 3; 5, 12, 3; 9, 1, 6; 10, 25, 2; *Ambr.*, *Boeth.*, *Cassiod.*, *Claud. Mam.*, *Cod. Iust.*, *Cod. Theod.*, *Itala*, *Lampr.*, *Papin. dig.*, *Ps. Aug.*, *Rufin.*; *c/o*: *momentum+arius*)

**monstratus** ‘показывание’ (1, 22, 7; 5, 28, 9; *Auson.* 423, 4; *c/o*: *monstro+tus*)

**morsico** ‘кусать’ (2, 10, 2; 7, 21, 3; *Paul. Fest.* p. 60 L; *c/o*: *mordeo+ico*)  
*Morsicare* – редкое слово, в художественной литературе появляется только у Апулея. Тем не менее, скорее всего, оно существовало и прежде, и у Апулея имеет архаический оттенок (ср. *morsicatum*: *Sueius carm.* frg. 2).

**multiforabilis** ‘имеющий много отверстий’ (10, 32, 2; гапакс; *c/o*: *multus+folium+bilis*) Во «Флоридах» Апулей использует синонимичный неологизм *multiforabilis* (*flor.* 3; впоследствии засвидетельствован только у Сидония Аполлинария).

**multinodus** ‘узловатый, запутанный’ (5, 17, 3; 8, 28, 2; 10, 29, 5; *Mart. Cap.* 4, 423, *Prud. cath.* 7, 139; *c/o*: *multus+nodus+us*)

**multinominis** ‘многоимённый’ (11, 22, 6; гапакс; *c/o*: *multus+nomen+is*, ср. *πολυώνυμος*)

**multiscius** ‘много знающий’ (9, 13, 5; *Apul. apol.* 31, 5, *flor.* 3, 9, 18, *Eriphan. in cant.* 3 p. 15; *c/o*: *multus+scio+us*)

**multivius** ‘многодорожный’ (9, 11, 1; 9, 13, 2; *Aug. dialect.* 8; *c/o*: *multus+via+us*)

<sup>1</sup> Ни OLD, ни Index Apuleianus этого существительного не приводят.

<sup>2</sup> Gargantini, Luisa. Ricerche... P. 43.

**munerabundus** ‘приносящий дары’ (11, 18, 2; гапакс; *c/o*: munero+bundus)

**murmurabundus** ‘бормочущий’ (2, 20, 6; Ioh. Med. Ps. Chrysost. hom. I p. 894<sup>C</sup>; *c/o*: murmur+bundus)

**mussitatio** ‘бормотание’ (8, 4, 3; Bened., Cael. Aur., Conc.<sup>S</sup>, Hier., Ioh. Maxent., Ps. Aug., Tert., Vitae patr.; *c/o*: mussito+tio) Возможно, слово *mussitatio* имело архаический оттенок (ср. архаизм *mussitare*).

**naccinus** ‘присущий валяльщику’ (9, 27, 4; гапакс; *c/o*: nassa+inus)

**negantinummius** ‘отказывающийся платить’ (10, 21, 2; гапакс; *c/o*: negans+nummus+ius) Прилагательное *negantinummius* определённо вдохновлено комедиями Плавта.<sup>1</sup>

**nepotalis** ‘расточительный’ (2, 2, 2; Amm. 31, 5, 6; *c/o*: nepos+alis)

**nidificium** ‘гнездо’ (8, 22, 6; гапакс; *c/o*: nidifico+ium)

**nigredo** ‘чернота’ (2, 9, 2; *c/o*: niger+edo)

**nimietas** ‘избыток’ (2, 16, 6; 3, 10, 1; 8, 8, 1; 9, 18, 1; 9, 25, 1; Arnob., Cael. Aur., Pallad., Tert.; *c/o*: nimius+tas)

**nubilosus** ‘облачный’ (11, 7, 5; Cael. Aur.; *c/o*: nubilus+osus)

**nugamentum** ‘пустяки’ (1, 25, 1; Gloss.; *c/o*: nugae+mentum)

**nugo** ‘болтун’ (5, 29, 4; 5, 30, 5; *c/o*: nugor+o)

**nutabundus** ‘шатающийся’ (9, 41, 1; Ambr., Aug., Claud., Cypr., Lact., Salv...; *c/o*: nuto+bundus)

**obaudio** ‘слушаться’ (3, 15, 7 в таком написании (ср. *oboedio* в классическом языке); Itala, Tert...; *c/o*: ob+audio)

**obauratus** ‘позолоченный’ (11, 8, 2; гапакс; *c/o*: ob+aurum+atus)

**oblatio** ‘предложение’ (5, 22, 2; 10, 5, 1; 11, 8, 3; 11, 20, 3; Amm., Aug., Cael. Aur., Cod. Iust., Cod. Theod., Cypr., Ennod., Greg. M., Hil., Itala, Sidon., Tert., Vulg...; *c/o*: offero+tio)

**obmisceo** ‘смешивать’ (4, 20, 4; Visio Pauli 13; *c/o*: ob+misceo)

<sup>1</sup> Callebat, Louis. L'Archaïsme... P. 356.

**obpexus** ‘причёсывание’ (11, 9, 3; гапакс; *c/o*: obpecto+tus) Скорее всего, слово *obpexus* воспринималось как архаичное (ср. *obpecto*: Pl. *Persa* 111).

**obsibilo** ‘свистеть, шелестеть’ (11, 7, 5; гапакс; *c/o*: ob+sibilo)

**obunctus** ‘умашённый’ (2, 9, 3; 8, 27, 1; *c/o*: ob + причастие от *ungo*)

**obverbero** ‘бить’ (7, 25, 1; 9, 9, 4; 9, 28, 2; Iulian. Aug. с. Iulian. *op. imperf.* 2, 1, Ps. Ambr. *paenit.* 17 p. 990с; *c/o*: ob+verbero)

**occursorius** ‘относящийся к встрече’ (9, 23, 1; гапакс; *c/o*: occurro+torius)

**ociter** ‘быстро’ (1, 23, 8; 6, 25, 4; Opt. Porf. *carm.* 22, 25, Serv. *auct. Aen.* 9, 400) Положительная степень наречия *ociter* очень редко встречается в латинской литературе, так как сравнительная степень *ocius* уже воспринималась как положительная. Хотя можно предположить, что Апулей обнаружил это наречие у архаических авторов, более вероятно, что он сам образовал его на основе формы *ocius*.<sup>1</sup>

**offensaculum** ‘препятствие’ (9, 9, 2; Lact. *opif.* 1, 8, Prud. *apoth. praef.* 2, 33, *psych.* 484, 781; *c/o*: offenso+culum)

**offulcio** ‘затыкать’ (1, 13, 7; 4, 11, 2; Plac. *med.* 4, 4, Ps. Apul. *herb.* 31, 22; *c/o*: ob+fulcio)

**omnimodus** ‘всевозможный’ (5, 25, 3; Apul. *apol.* 50, 2; 75, 9, *flor.* 18, Aug., Cypr. Gall., Hier., Lampr., Paul. Nol., Tert., Vulg., Gloss...; *c/o*: omnis+modus)

**operula** ‘небольшой заработок’ (1, 7, 10; в значении ‘труд, дельце’: Arnob. *nat.* 4, 30, Aug. *epist.* 47, 1, Ulp. *dig.* 50, 14, 3; *c/o*: opera+ula)

**orbitas** ‘слепота’ (8, 12, 6; Itala *gen.* 19, 11) Обычно *orbitas* понимается как ‘отсутствие, утрата’ и не обязательно относится к зрению, для такого понимания необходимо пояснение (например, Plin. *nat.* 7, 124: *orbitate luminis*). Однако это значение присутствует в романских языках (ит. *orbo*, рум. *orb* ‘слепой’).

<sup>1</sup> Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots / Par A. Ernout et A. Meillet... P. 810; Keulen W. H. Apuleius, Metamorphoses. Book I... P. 420.

**orbis** ‘слепой’ вместо ‘сиротливый’ (5, 9, 2; Firm. *math.* 8, 22, 1, Ps. Cypr. *adv. Iud.* 9, Sedul. *carm. pasch.* 3, 195, Ulp. frg. *Vat.* 130, 30, Ven. Fort. *carm.* 10, 12, *vita Redeg.* 27, 65)

**orificium** ‘отверстие’ (2, 15, 6; 9, 40, 5; 10, 8, 2; 11, 11, 4; Cassiod., Chiron, Epiphan., Itala, Macr., Mutian., Victorin. Poetov., Gloss...; *c/o*: os+facio+ium)

**originalis** ‘первоначальный’ (10, 33, 1; 11, 2, 1; Aug., Cassian., Cod. Iust., Cod. Theod., Hier., Itala, Macr., Paul. Nol., Sedul., Tert., Zeno, Gloss...; *c/o*: origo+alis)

**ostensio** ‘показывание’ (3, 9, 6; Ambr., Arnob., Aug., Boeth., Greg. M., Hier., Itala, Tert., Gloss....; *c/o*: ostendo+tio)

**ovicula** ‘овечка’ (8, 19, 2; Ambr., Aug., Cassiod., Hier., Itala, Rufin., Tert...; *c/o*: ovis+cula)

**palliastrum** ‘плохой плащ’ (1, 6, 1; *flor.* 14; *c/o*: pallium+aster)

**palumbulus** ‘голубка, голубок’ (8, 26, 4; 10, 22, 3; Inscr. *christ. Ferrua* 18552; *c/o*: palumbus+ulus)

**pannulus** ‘кусочек ткани, лохмотья’ (7, 5, 5; 7, 8, 2; 9, 12, 4; Amm., Rufin., *Vita Caes. Arel.*; *c/o*: pannus+ulus)

**parciloquium** ‘неразговорчивость’ (5, 13, 1; гапакс; *c/o*: parcus+loquor+ium) Слово *parciloquium*, скорее всего, воспринималось как архаичное (ср. плавтовские *pauciloquium*, *parumloquium*).

**passive** ‘беспорядочно, свободно’ (11, 3, 4 от глагола *pando*; гапакс; *c/o*: passivus+e)

**passivus** ‘рассеянный’ (6, 10, 3; 9, 36, 4; Aug., Cassian., Hier., Rufin., Tert...; *c/o*: passus (*pando*) +ivus)

**pastophorus** ‘пастофор’ (11, 17, 2; 11, 27, 7; 11, 30, 4; *c/o*: заимствование из греческого *παστοφόρος*) Помимо романа Апулея, слово *pastophorus* засвидетельствовано только в надписях.

**paullulatum** ‘понемногу’ (2, 16, 3; гапакс; *c/o*: paullulus+im)

**pecuinus** ‘относящийся к скоту’ (8, 30, 2; 11, 1, 2; Apul. *apol.* 12, 2, Zeno; *c/o*: pecu+inus)

**peralbus** ‘белоснежный’ (1, 2, 1; 5, 28, 2; Grom. p. 306, 22; *c/o*: per+albus)

**perastutulus** ‘хитрый’ (9, 5, 4; гапакс; *c/o*: per+astutus+ulus)

**perfluus** ‘текущий, плавный’ (11, 8, 2; гапакс; *c/o*: perfluo+us)

**periclitabundus** ‘пробующий’ (3, 21, 6; 5, 23, 2; Apul. *apol.* 72, 5; *c/o*: periclitator+bundus)

**perquiesco** ‘отдыхать’ (8, 22, 1; Leo M. *ep.* 167, 9; *c/o*: per+quiesco)

**pictilis** ‘расшитый’ (10, 18, 4; гапакс; *c/o*: pingo+ilis)

**pinguities** ‘жирность’ (10, 15, 3; Arnob. *nat.* 7, 20, Cael. Aur. *gyn.* 1, 42, Vindic. *med.* 10, Gloss. V 534, 55; *c/o*: pinguis+ies)

**pocillator** ‘виночерпий’ (6, 15, 2; 6, 24, 2; 10, 17, 4; Gloss.; *c/o*: pocillum+tor)

**polentacius** ‘ячменный’ (6, 19, 2; Not. Tir. 68, 31; *c/o*: polenta+aceus)  
Скорее всего, слово *polentacius* воспринималось как архаизм (ср. *polentarius* Pl. *Curc.* 295).<sup>1</sup>

**populosus** ‘многолюдный’ (5, 8, 1; 8, 6, 5; 8, 23, 1; Apul. *flor.* 6, Ambr., Amm., Cassian., Itala, Iulian., Nemes., Prud., Sidon., Zeno, Gloss...; *c/o*: populus+osus)

**poscinummius** ‘требующий денег’ (10, 21, 2; гапакс; *c/o*: posco+nummus+ius) Ср. неологизм *negantinummius*.

**postica** ‘задняя дверь’ (9, 2, 1; Amm., Ulp. *dig.*, Vulg.; ср. *posticum*) Слово *postica* – ещё один пример оригинальности Апулея: он употребил широкоупотребительное слово в другом роде.

**posticula** ‘задняя дверь’ (2, 23, 5; гапакс; *c/o*: postica+ula)

**postliminio** ‘назад, обратно’ (1, 25, 1; 2, 28, 1; 3, 25, 3; 4, 25, 4; 5, 7, 5; 9, 21, 7; 10, 12, 2; Apul. *flor.* 19, Ennod., Lact., Paneg., Prud...)

<sup>1</sup> Некоторые исследователи считают, что в тексте «Метаморфоз» следует читать *polentarius*: Gargantini, Luisa. Ricerche... P. 34; Apulei Metamorphoseon libri XI / Rec. M. Zimmermann... P. 135.

**praemico** ‘сверкать’ (5, 20, 2; 10, 1, 2; 11, 1, 1; 11, 10, 3; Cassiod., Epist. *episc. Greg. Tur. Franc.*, Min. Fel., Orient., Prud., Ps. Aug., Ven. Fort., Vita Amator.; *c/o*: prae+mico) Возможно, слово *praemicare* воспринималось как архаичное (ср. *promicare* в разделе слов с архаическим оттенком).

**praeminor** ‘угрожать’ (5, 19, 3; 6, 15, 6; 8, 21, 4; Tert. *apol.* 21, 6, *Marc.* 5, 19; *c/o*: prae+minor)

**praenobilis** ‘прославленный’ (8, 1, 5; 10, 25, 3; Apul. *flor.* 16, Prud.; *c/o*: prae+nobilis)

**praenoto** ‘отмечать’ (2, 24, 2; 6, 25, 1; 10, 9, 3; 11, 22, 8; Aug., Hier., Mart. Cap., Pallad., Paul. Nol., Tert....; *c/o*: prae+noto)

**praeterluo** ‘протекать’ (6, 11, 4; Amm. 17, 13, 4 (*conj.*), Gloss.; *c/o*: praeter+luo)

**praetondeo** ‘состригать’ (5, 30, 6; Cass. Fel. 2 p. 10, 16; 62 p. 154, 15; *c/o*: prae+tondeo)

**pratens** ‘травянистый’ (8, 18, 6; гапакс; *c/o*: по типу причастия от *pratum*)

**pressim** ‘плотно’ (2, 16, 2; 2, 30, 9; Iul. Vict. *rhet.* p. 97, 3; *c/o*: pressus+im)

**pressule** ‘плотно’ (4, 31, 4; 10, 21, 2; 10, 31, 2; *c/o*: pressulus+e)

**progesto** ‘выносить’ (6, 28, 6; гапакс; *c/o*: pro+gesto)

**prohinc** ‘поэтому’ (3, 8, 6; 3, 12, 4; 5, 2, 3; 11, 27, 3; Boeth. *subst. bon.* 11; *c/o*: pro+hinc)

**promino** ‘гнать вперед’ (9, 27, 1; гапакс; *c/o*: pro+mino)

**promptuarium** ‘кладовая’ (1, 23, 8; Apul. *Plat.* 1, 14, Ambr., Auson., Cassiod., Macr., Lact., Paul, Nol., Rufin...; *c/o*: promo+arium) Скорее всего, слово *promptuarium* воспринималось как архаичное (ср. архаичное прилагательное *promptuarius*).

**prosectus** ‘разрезание’ (8, 5, 10; 8, 28, 3; *c/o*: proseco+tus)

**prosisto** ‘выдаваться наружу’ (11, 24, 4; гапакс; *c/o*: pro+sisto)

**prospicue** ‘осмотрительно’ (1, 21, 8; 11, 18, 3; *c/o*: *prospicius+e*)  
Возможно, наречие *prospicue* воспринималось как архаичное (ср. прилагательное *prospicus*: Naev. *com.* 25), см. также неологизм *prospicius*.

**prospiciuus** ‘видный издалека’ (6, 20, 1; Conc. <sup>S</sup> II 5 p. 145, 8, Laurent. *elem.* p. 111c, Vitae patr. *Iurens.* 123; *c/o*: *prospicio+uus*)

**protermino** ‘раздвигать, расширять’ (9, 38, 3; Sidon. *epist.* 3, 1, 5, Symm. *epist.* 9, 69; *c/o*: *pro+termino*)

**protrimentum** ‘соус’ (8, 31, 4; гапакс; *c/o*: *protero+mentum*)

**proximo** ‘приближаться’ (2, 16, 1; 2, 16, 6; 2, 32, 2; 3, 26, 7; 5, 6, 10; 6, 3, 3; 6, 8, 5; 8, 19, 3; 9, 18, 3; 11, 16, 5; Aug., Cassian., Cassiod., Chalc., Claud. Mam., Ennod., Itala, Rufin., Sol....; *c/o*: *proximus+o*)

**pugillo** ‘драться на кулаках’ (7, 16, 4; Apul. *Soc.* 21, Aug., Boeth., Conc., Hist. Aug., Itala, Synon. Cic., Gloss.; *c/o*: *pugil+o*) По-видимому, слово *pugillare* не было выдуманно Апулеем, а уже существовало в латинском языке (ср. Плавтовские *pugillatorius*, *pugillatus*).

**pullulatum** ‘как птенчик’ (5, 20, 4; гапакс; *c/o*: *pullulus+im*)

**pulposus** ‘мясистый’ (7, 16, 4; Don. *Ter. Hec.* 441, Hippocr. *vict.* 2, Soran. p. 7, 12, p. 9, 14; *c/o*: *pulpa+osus*)

**punctulum** ‘лёгкий укол’ (5, 12, 2; 6, 21, 3; Isid. *orig.* 16, 9, 7; *c/o*: *punctum+ulum*)

**punicans/poenicans** ‘красный’ (1, 6, 4; 3, 1, 1; 4, 2, 7; Gloss.; *c/o*: то типу причастия, ср. *puniceus*)

**putredo** ‘гниение’ (9, 13, 2; Apul. *flor.* 15, Arnob., Aug., Cassian., Cassiod., Cypr., Fulg., Itala, Macr., Oribas., Pallad., Sol., Ven. Fort...; *c/o*: *putris+edo*)

**ranula** ‘лягушонок’ (9, 34, 3; Ambr., Aug., Ennod.; *c/o*: *rana+ula*) Слово *ranula* сохранилось в романских языках, например, ит. *ralla*.

**rebullio** ‘кипятить, вскипать’ (1, 13, 6; 5, 26, 5; 9, 34, 2; *c/o*: *re+bullio*)

**refectus** ‘отдых’ (5, 3, 2; 8, 18, 6; 9, 22, 4; Scaev. *dig.* 36, 1, 80; *c/o*: *reficio+tus*)

**remeaculum** ‘возвращение’ (6, 2, 5; гапакс; *c/o*: *remeo+culum*)



**reniteo** ‘сверкать’ (2, 9, 1; Ambr., Prisc.; *c/o*: re+niteo)

**renudo** ‘обнажать’ (1, 6, 4; 2, 17, 1; 7, 16, 4; 8, 27, 3; 8, 30, 2; 9, 13, 2; Arnob., Mart. Cap.; *c/o*: re+nudo)

**repando** ‘распахивать, растворять’ (4, 18, 5; 9, 20, 4; *c/o*: re+pando)

**repertus** ‘отыскание, открытие’ (11, 2, 1; 11, 11, 3; Apul. *flor.* 3; *c/o*: reperio+tus)

**repigro** ‘задерживать’ (1, 9, 5; 8, 15, 8; Mart. Cap. 1, 35, Zeno 1, 2, 18; *c/o*: re+pigro) Возможно, это слово воспринималось как архаичное (ср. редкий глагол *pigrare*, засвидетельствованный только у Акция, Лукреция и Цицерона в письмах).

**replaudo** ‘хлопать’ (1, 7, 4; 6, 28, 1; *c/o*: re+plaudo)

**respiratus** ‘дыхание’ (4, 15, 3; Hippocr. *progn.* 5; *c/o*: respire+tus)

**retiolum** ‘сетка’ (8, 4, 5; Arnob. *ad Greg.* 13, Aug. *ep.* 211, 10, Serv. Aen. 4, 138; *c/o*: rete+olum)

**retro** ‘сзади’ в качестве предлога (6, 8, 2; Chalc. *comm.* 299, Firm. *math.* 3, 6, 33, Itin. Burd. p. 23, 22, Vulg. *Is.* 57, 8, Marc. 8, 33)

**retropendulus** ‘свисающий назад’ (5, 22, 5; гапакс; *c/o*: retro+pendulus)

**reverticulum** ‘возвращение’ (3, 11, 3; Apul. *flor.* 18; *c/o*: revertor+culum)

**rimabundus** ‘исследующий’ (2, 5, 1; Apul. *Soc.* 2, Fulg. *myth.* 1, 25; *c/o*: rimor+bundus)

**runderarius** ‘предназначенный для щебня’ (8, 23, 6; гапакс; *c/o*: rudus+arius)

**ruditus** ‘ослиный крик’ (8, 29, 6; Greg. M. *dial.* 3, 4, Serv. Aen. 7, 16; *c/o*: rudo+tus)

**rumigo** ‘пережёвывать’ (4, 22, 7; Arnob. 5, 23, Garg. Mart. *rur. boum* 12; *c/o*: rumen+igo)

**rupina** ‘каменистое ущелье’ (6, 26, 6; 7, 13, 6; Apul. *flor.* 11, Gloss.; *c/o*: rupes+ina)

**rurestris** ‘сельский’ (4, 2, 8; 5, 8, 4; 7, 14, 5; 8, 6, 5; Mart. Cap. 9, 906, Paul. *dig.* 32, 99, 2; *c/o*: rus+estris)

**sacrificatus** ‘жертвоприношение’ (7, 10, 4; гапакс; *c/o*: sacrifice+tus)

**sagittula** ‘стрела’ (10, 32, 1; гапакс; *c/o*: sagitta+ula)

**salebritas** ‘неровность, шероховатость’ (6, 14, 2; *c/o*: salebra+tas)

**saltatorie** ‘танцующий’ (10, 30, 5; гапакс; *c/o*: saltatorius+e)

**sapide** ‘вкусно’ (8, 31, 4; гапакс; *c/o*: sapidus+e)

**sapidus** ‘вкусный’ (2, 7, 2; 10, 13, 3; Alc. Avit., Apic., Aug.; *c/o*: sapio+idus)

**sarcimen** ‘шов’ (4, 15, 2; гапакс; *c/o*: sarcio+men)

**satianter** ‘досыта’ (7, 16, 3; Ps. Vigil. Thaps. *c. Marivadum* 2, 18; *c/o*: причастие от *satio*+ter)

**scandularis** ‘крытый гонтом’ (3, 17, 3; *c/o*: scandula+aris) Очевидно, в данном месте Апулей воспользовался неологизмом *scandularis* ради аллитерации (*tectum scandulare conscendit*).

**scitule** ‘изящно’ (2, 19, 3; 7, 11, 3; 9, 1, 4; 10, 30, 5; *c/o*: scitulus+e) Скорее всего, Апулей вдохновлялся плавтовским прилагательным *scitulus*, и его наречие могло напоминать читателям о лексике античной комедии.

**scortatus** ‘разврат’ (5, 28, 4; гапакс; *c/o*: scortor+tus) Слово употреблено Апулеем по аналогии с *natus* в том же предложении и, возможно, оно имело архаический оттенок, так как глагол *scortari* характерен для комедии (до Апулея слово встречается у Плавта, Теренция и Варрона).

**scrutaria** ‘торговля старыми вещами’ (4, 8, 9; *c/o*: scruta+aria)

**scrutinium** ‘исследование’ (9, 41, 6; Amm.; *c/o*: scrutor+inium)

**scurrula** ‘весельчак’ (10, 16, 6; Arnob. 6, 21; *c/o*: scurra+ula)

**sebaci** ‘сальная свеча’ (4, 19, 3; CIL VI 3038; *c/o*: sebum+aceus)

**semenstris** ‘полумесечный’ (11, 4, 1; Amm. 20, 3, 1; *c/o*: semi+menstris)

Ср. с прилагательным *semenstris* в значении ‘шестимесечный’.

**semiadopertulus** ‘полузакрытый’ (3, 14, 5; гапакс; *c/o*: semi+adopertus+ulus)

**semiamictus** ‘полуодетый’ (1, 6, 1; 7, 5, 3; 9, 30, 3; *c/o*: semi+ причастие от *amicio*)

**semiamputatus** ‘полусрезанный’ (1, 4, 5; гапакс; *c/o*: semi+ причастие от *amputo*) Ср. *semiputatus* (V. Ruf. *trag.* 9, Verg. *ecl.* 2, 70).

**semicanus** ‘полуседой’ (8, 24, 2; 9, 30, 3; *c/o*: semi+canus)

**semiconspicuus** ‘видимый наполовину’ (3, 2, 8; гапакс; *c/o*: semi+conspicuus)

**semiobrutus** ‘полузакрытый’ (9, 5, 5; гапакс; *c/o*: semi+ причастие от *obruo*)

**semirutundus** ‘полукруглый’ (5, 3, 2; 11, 6, 6; Veg. *mil.* 1, 23; *c/o*: semi+rotundus)

**semisopitus** ‘полусонный’ (1, 15, 4; гапакс; *c/o*: semi+ причастие от *sopito*)

**semitectus** ‘полуприкрытый’ (4, 18, 2; Amm. 19, 11, 13, Arnob. 6, 25; *c/o*: semi+ причастие от *tego*)

**semitrepidus** ‘наполовину дрожащий’ (7, 8, 2; гапакс; *c/o*: semi+trepidus)

**seniculus** ‘старичок’ (1, 25, 2; 1, 25, 5; *c/o*: senex+ulus)

**sepes** ‘шестиногий’ (6, 10, 7; Mart. Cap. 4, 346; *c/o*: sex+pes)

**sepicula** ‘ограда’ (8, 20, 2; гапакс; *c/o*: saepes+cula)

**sessim** ‘сидя’ (2, 17, 4 (*conj.*, *F* *sensim*); *c/o*: sedeo+im)

**silentiosus** ‘молчаливый’ (11, 1, 1; Cassiod. *var.* 7, 7, 2; 8, 32, 2; *c/o*: silentium+osus)

**simulanter** ‘притворно’ (8, 10, 2; гапакс; *c/o*: simulans+ter) Хотя наречие *simulanter* впервые засвидетельствовано в тексте Апулея, прилагательное *simulans* мы видим задолго до него (Ov. *am.* 2, 6, 23).

**sitarchia** ‘дорожные припасы’ (2, 11, 3; Hier., Isid.; *c/o*: заимствование из греческого *σιταρχία*)

**sobriefactus** ‘облагоразумившийся’ (8, 10, 1; гапакс; *c/o*: sobries+factus)

**somnulentus** ‘сонный’ (1, 26, 6; 8, 12, 5; 10, 26, 6; Ambr., Aug., Sol.; *c/o*: somnus+olentus)

**sonax** ‘звучный’ (4, 31, 7; 8, 4, 4; *c/o*: sono+ax) Очевидно, в VIII книге Апулей выбрал данный неологизм для созвучия со словом *minax*.

**sospitator** ‘спаситель’ (6, 28, 6; 7, 10, 1; 7, 14, 1; 9, 3, 3; *apol.* 64, 7, *mund.* 24, *Arnob.* 1, 53, 3; 2, 74, 1; 2, 74, 3; *c/o*: *sospito+tor*) По-видимому, слово *sospitator* могло иметь архаический оттенок (ср. *sospitare*, древнее слово, принадлежащее к религиозной сфере), см. также *sospitatrix* ниже.

**sospitatrix** ‘спасительница’ (11, 9, 1; 11, 15, 4; 11, 25, 1; *c/o*: *sospito+trix*)

**spinula** ‘спинка’ (10, 32, 3; *Arnob.* 2, 11, 6; *c/o*: *spina+ula*)

**splendico** ‘блестеть’ (5, 9, 5; 7, 8, 1; *c/o*: *splendeo+ico*)

**spondeum** ‘чаша для возлияний’ (11, 20, 4; *CIL* XIV 2215; *c/o*: заимствование из греческого *σπονδεῖον*)

**spontalis** ‘добровольный’ (4, 11, 6; 11, 30, 1; *c/o*: *spons+alis*)

**stomida** ‘инструмент вроде узды’ (8, 25, 6 *conj.*; *c/o*: заимствование из греческого *στομίς*) Ср. также *stomis*, *-idis* (*Lucil.* 511, *conj.*)

**structus** ‘устройство, порядок’ (11, 16, 10; гапакс; *c/o*: *struo+tus*)

**subiugus** ‘запряжённый в ярмо’ (7, 15, 3; *Prud. cath.* 3, 170; *c/o*: *sub+iugum+us*)

**sublucidus** ‘слабо освещённый’ (6, 3, 3; *Amm.* 23, 6, 67; *c/o*: *sub+lucidus*)

**subpateo** ‘простирается’ (7, 24, 6; 8, 20, 2; *c/o*: *sub+pateo*)

**subreptio** ‘кража’ (10, 15, 1; *Non. p.* 310; *c/o*: *subripiō+tio*)

**subsero** ‘подводить’ (7, 28, 1; *Amm.*; *c/o*: *sub+sero*)

**subsitus** ‘находящийся внизу’ (6, 3, 3; гапакс; *c/o*: *sub+situs*)

**substrepo** ‘бормотать’ (5, 18, 5; гапакс; *c/o*: *sub+strepo*)

**subterhabeo** ‘пренебрегать’ (1, 12, 5; гапакс; *c/o*: *subter+habeo*)

**subterrenus** ‘подземный’ (9, 22, 5; *c/o*: *sub+terra+enus*) Ср. с классическим *subterraneus*.

**succinctulus** ‘подпоясанный’ (2, 7, 3; *c/o*: *succinctus+ulus*)

**succuba** ‘любовница’ (5, 28, 9; 10, 24, 2; *Greg. Tur. Franc.* 1, 25, *Non. p.* 224, 26, *Prud. perist.* 10, 192; *c/o*: *succubo+a*)

**succubo** ‘лежать внизу’ (1, 12, 7; 9, 26, 4; *c/o*: *sub+cubo*)

**suculentus** ‘сочный’ (2, 2, 9; 10, 15, 3; *Cael. Aur.*, *Hier.*, *Non.*, *Prud.*, *Sidon.*; *c/o*: *sucus+ulentus*)

**suetum** ‘привычка’ (4, 24, 2; *c/o*: причастие от *suesco*)

**sufficienter** ‘достаточно’ (4, 28, 2; Aug., Ps. Aur. Vict., Rufin., Ulp.; *c/o*: *sufficiens+ter*)

**suffuscus** ‘смугловатый’ (2, 13, 2; Amm. 22, 16, 23; *c/o*: *suffuscus+olus*)

**sulcamen** ‘борозда’ (6, 2, 4; гапакс; *c/o*: *sulco+men*)

**supercedo** ‘переступить’ (10, 2, 2 *conj.* (*F* *supergesserat*); гапакс; *c/o*: *super+cedo*)

**superincurvatus** ‘нагнувшийся сверху’ (9, 7, 5; *c/o*: *super+* причастие от *incurvo*)

**superingredior** ‘входить после, следовать’ (6, 24, 3; *c/o*: *super+ingredior*)

**superpondium** ‘дополнительный груз’ (7, 18, 1; гапакс; *c/o*: *super+pondus+ium*)

**supersisto** ‘становиться сверху’ (8, 11, 4; 11, 24, 2; Amm. 29, 1, 31, Iul. Val. 161, 21; *c/o*: *super+sisto*)

**superstringo** ‘стянуть’ (11, 14, 4; *c/o*: *super+stringo*)

**suppetior** ‘помогать’ (1, 14, 4; 4, 10, 4; 7, 7, 2; 8, 17, 5; 8, 20, 4; Itin. Alex. 25, 26, 34, 52, Iul. Val. 1, 43; 2, 27; *c/o*: *suppetiae+o*) Возможно, слово *suppetior* имело архаический оттенок (ср. *suppetiae* в разделе слов с архаическим оттенком).

**supplicamentum** ‘молебствие’ (11, 20, 4; 11, 22, 3; Arnob., Itala, Vulg.; *c/o*: *supplicio+mentum*)

**supplicue** ‘смирненно’ (9, 39, 4; 11, 24, 6; *c/o*: *supplicio+uus+e*)

**susurramen** ‘бормотание’ (1, 3, 1; Mart. Cap. 7, 726; *c/o*: *susurro+men*)

**tantillulus** ‘такой маленький’ (2, 25, 3; *c/o*: *tantillus+ulus*) Возможно, слово *tantillulus* имело архаический колорит (ср. *tantillus*, характерное для античной комедии).

**tegile** ‘покров’ (9, 12, 3; *c/o*: *tego+ile*) Возможно, слово *tegile* воспринималось как архаическое (ср. *tegillum*: Pl. Rud. 576, Var. Men. 464).

**teleta** ‘обряд посвящения’ (11, 22, 8; 11, 24, 5; 11, 26, 4; 11, 27, 3; 11, 29, 1; 11, 30, 1; Aug. *civ.* 4, 31; 10, 9; 10, 23; *c/o*: заимствование из греческого *τελετή*)

**tenebro** ‘покрывать тьмой’ (8, 15, 5; Amm., Aug.; *c/o*: *tenebrae+o*)

**teriugus** ‘тройной’ (6, 19, 3; Auson. *epist.* 2, 11; *c/o*: *ter+iugum+us*)

**tersus** ‘чистка’ (1, 7, 3; 1, 23, 8; Apul. *apol.* 6, 2; *c/o*: *tergeo+tus*) Апулей МОГ ЗАИМСТВОВАТЬ ПЛАВТОВСКОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ *extersus* (Pl. *Curc.* 578) БЕЗ ПРИСТАВКИ.

**timidule** ‘робко’ (4, 8, 9; гапакс; *c/o*: *timidus+ulus+e*)

**totiugus** ‘столь многочисленный’ (2, 24, 6; Apul. *flor.* 18, *Soc.* 8; *c/o*: *tot+iugus*)

**tremule** ‘дрожа’ (5, 22, 6; гапакс; *c/o*: *tremulus+e*)

**triduanus** ‘трёхдневный’ (10, 18, 1; Aug., Boeth., Hier., Paul. Nol.; *c/o*: *triduum+anus*)

**tristitudo** ‘печаль’ (3, 11, 2; Apul. *apol.* 32, 2, Sidon. 8, 11, 14; *c/o*: *tristis+tudo*)

**tubero** ‘вздыматься’ (2, 16, 1; *c/o*: *tuber+o*)

**tuguriolum** ‘хижина’ (4, 12, 2; Arnob. 6, 3, Hier. *ep.* 112, 5, Veg. *mil.* 4, 26, 3; *c/o*: *tugurium+olum*)

**tundor** ‘биение, напряжение’ (4, 24, 6; гапакс; *c/o*: *tundo+or*)

**turbula** ‘толпа’ (10, 35, 4; 11, 6, 2; 11, 7, 2; *c/o*: *turba+ula*) Ср. *turbela* в разделе слов с архаическим оттенком.

**turbulento** ‘волновать’ (2, 12, 3; 9, 11, 6; *c/o*: *turbulentus+o*)

**tussedo** ‘кашель’ (9, 13, 2; *c/o*: *tussis+edo*)

**ultime** ‘чрезвычайно’ (1, 7, 7; 10, 24, 5; *c/o*: *ultimus+e*)

**ultroneus** ‘добровольный’ (1, 19, 12; 2, 30, 5; 6, 5, 3; 7, 20, 3; 8, 14, 5; Apul. *flor.* 14, Сурр., Hier., Vulg.; *c/o*: *ultra+neus*)

**ululabilis** ‘завывающий’ (4, 3, 5; 5, 7, 2; 10, 5, 2; Amm. 19, 5, 5; 29, 5, 12; *c/o*: *ululo+bilis*)

**unctulum** ‘мазь’ (3, 22, 5; *c/o*: *unctum+ulum*)

**unctum** ‘мазь’ (3, 24, 2; Veg. *mulom.* 2, 135, 5) Ср. Hor. *ars* 422, Pers. 6, 16, где это слово значит ‘обильная трапеза’.

**unctus** ‘натираение мазью’ (1, 7, 3; 1, 23, 8; *c/o*: unguo+tus) Ср. *unctus* ‘соус’ (Plin. *nat.* 10, 134).

**undanter** ‘волнообразно’ (2, 16, 7; Mart. Cap. 2, 138; *c/o*: причастие от *undo+ter*)

**unguedo** ‘мазь’ (3, 21, 4; Sulp. Sev. *Mart.* 19, 4; *c/o*: unguo+edo)

**urigo** ‘похоть’ (1, 7, 8; 8, 29, 4; Arnob. *nat.* 5, 44, Pelagon. 234; *c/o*: uro+igo)

**utricida** ‘мехоубийца’ (3, 18, 7; *c/o*: uter+caedo+a)

**valefacio** ‘прощаться’ (4, 18, 1; Aug. *ep.* 65, 2, Hier. *ep.* 120, 11; *c/o*: vale+facio)

**vaporosus** ‘насыщенный паром’ (5, 15, 1; 9, 12, 4; *c/o*: vapor+osus)

**varicus** ‘расставив ноги’ (1, 13, 8; гапакс; *c/o*: переход в наречие из прилагательного *varicus*)

**variego** ‘расцветивать’ (11, 16, 6; Apul. *flor.* 3, 9, 15, Soc. 23, Auson. *cento nupt. praef.*, Itala *psalm.* 44, 10; *c/o*: varius+ego)

**vastulus** ‘немалый’ (2, 32, 2; *c/o*: vastus+ulus)

**vegetatio** ‘возбуждение’ (1, 2, 3; Oros. *hist.* 5, 18; *c/o*: vegeto+tio)

**ventose** ‘надуто’ (10, 20, 2; Aug., Fulg., Prud.; *c/o*: ventosus+e)

**vestigatio** ‘разыскивание’ (6, 1, 1; Aug. *ep.* 169, 3; *c/o*: vestigo+tio)

**veteratrix** ‘старая плутовка’ (9, 29, 2; *c/o*: vetus+atrix)

**viaticulum** ‘деньги на дорогу’ (7, 8, 2; Ulp. *dig.* 5, 1, 18, 1; *c/o*: viaticum+ulum)

**vibramen** ‘шевеление’ (6, 15, 5; *c/o*: vibro+men)

**victimo** ‘приносить жертву’ (7, 11, 1; 7, 22, 2; Vulg. *Eccl.* 34, 24; *c/o*: victima+o)

**vigorate** ‘энергично’ (2, 16, 6; *c/o*: vigoratus+e)

**vigoratus** ‘сильный, здоровый’ (9, 21, 7; *c/o*: vigor+atus)

**vio** ‘путешествовать’ (6, 26, 9; 10, 5, 3; Apul. *flor.* 1, Ambr., Amm., Itin. Alex., Prud.; *c/o*: via+o)

**viriculae** ‘скудные средства’ (11, 28, 1; Chiron 3, 133; 4, 411; *c/o*: vis+cula)

**viriosus** ‘сильный’ (7, 18, 4; Plac. *med.* 5, 32, Tert. *adv. Val.* 16, 3, *anim.* 19, 4; *c/o*: vis+osus)

**vocaliter** ‘громко’ (1, 22, 1; Tert. *adv. Prax.* 3 p. 230, 19; *c/o*: vocalis+ter)

**volenter** ‘добровольно’ (6, 12, 1; *c/o*: volens+ter)

**voluptarie** ‘в наслаждениях’ (3, 21, 1; гапакс; *c/o*: voluptarius+e)

**xeniolum** ‘подарочек’ (2, 11, 1; Ulp. *dig.* 1, 16, 6, 3; *c/o*: xenium+olum)

**zygius** ‘свадебный’ (4, 33, 4; 6, 4, 3; *c/o*: заимствование из греческого ζυγίος)



## Заключение

Несмотря на то, что среди некоторых учёных распространено мнение об Апулее как об авторе, слепо следующем литературным тенденциям и использующем необычную лексику без меры и вкуса, стоит обратить внимание, что его роман обладает высокой читательской ценностью. Изобилие разнообразной лексики в «Метаморфозах» не производит впечатления маньеристской прозы, как у А. Белого, и не препятствует пониманию текста. Благодаря захватывающему сюжету и увлекательной композиции романа Апулей стал одним из любимых авторов А. С. Пушкина. Вероятно, в лицейские годы он читал «Золотого осла» на русском языке в переводе Е. И. Кострова, но он также мог заглядывать в латинский текст.<sup>1</sup> Так или иначе, сложный язык романа не помешал Апулею стать образцовым писателем в глазах А. С. Пушкина, ведь он интересовался сочинениями африканского автора даже в последние годы жизни.<sup>2</sup>

В ходе проведённого исследования мы увидели, что архаизаторские тенденции существовали в римской литературе задолго до Фронтоня, Геллия и Апулея, и убедились, что, хотя этих авторов часто приводят вместе в связи с литературной модой на архаизмы II в. н. э., Апулей сильно выделяется на их фоне благодаря его склонности к использованию слов различных стилистических характеристик в одном тексте, а также их количеству.

Мы также затронули проблему различения архаизмов и вульгаризмов, которая актуальна не только для анализа лексики Апулея, но и лексики любого латинского автора, и описали её причины. Кроме того, мы убедились, что иногда решающую роль в этом вопросе может играть контекст, хотя, как правило, необходим вдумчивый анализ каждой отдельной лексемы, включая и её роль в

---

<sup>1</sup> VIII глава «Евгения Онегина» начинается следующими строками:

В те дни, когда в садах Лицея  
Я безмятежно расцветал,  
Читал охотно Апулея,  
А Цицерона не читал.

<sup>2</sup> В библиотеке А. С. Пушкина был двухтомник Апулея на французском языке, изданный в 1835 году: Альтшуллер М. Г. Чей перевод «Золотого осла» читал Пушкин «в садах Лицея» (из комментария к «Евгению Онегину») // Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века (Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7) / Отв. ред. А. О. Демин, А. А. Костин. СПб. : Альянс-Архео, 2013. С. 259.

контексте, и разбор случаев её употребления, и то, в произведениях каких жанров она используется. При этом в каких-то случаях, например, в силу недостаточности материала, окончательный вывод сделать невозможно.

Нами были выделены три основные причины для частого использования архаизмов в «Метаморфозах»: архаизаторские тенденции в римской литературе II в. н. э., влияние источников на роман и сам жанр, а также личность Апулея и его литературные вкусы. Рассмотрев некоторые случаи употребления архаизмов в романе, мы можем утверждать, что иногда они действительно могут выполнять не чисто декоративную роль: архаизмы, характерные для античной комедии, могут использоваться для подчёркивания комичности того или иного эпизода или даже служить отсылкой к тому или иному произведению. Тем не менее, в большинстве случаев основная роль архаизмов в тексте – это обеспечение лексического разнообразия. В романе Апулея также отсутствует речевая характеристика героев, хотя использование некоторых архаизмов обусловлено ситуацией, описываемой в тексте. Персонаж Венеры связан с архаической лексикой в большей степени, чем какой-либо другой, но эта особенность не является показателем речевой характеристики этого персонажа.

Изучив лексику, использованную в «Метаморфозах», мы выделили основные типы архаизмов, а также выяснили, что неологизмы, употреблённые Апулеем, принадлежат различным частям речи и зачастую образованы с помощью добавления приставки или суффикса к уже существующим в языке словам. Многие лексемы, впервые зафиксированные в тексте Апулея, являются заимствованиями из греческого языка. Некоторые слова, по-видимому, были образованы Апулеем на основе известных ему архаизмов. Мы также провели статистический анализ 11 книг романа с целью выяснения количественного соотношения архаичных и новых лексем, в ходе которого выяснилось, что первая книга содержит наибольшее число архаизмов, что, по-видимому, объясняется сильным влиянием творчества Плавта именно на первую книгу. Наименее архаичной с точки зрения лексики оказалась последняя книга романа, она же содержит больший процент неологизмов по сравнению с другими книгами. Во

многим это обусловлено большим количеством заимствованной из греческого языка лексики религиозной тематики, впервые в латинской литературе зафиксированной у Апулея.

В конце работы мы привели перечни слов, которые посчитали архаичными или новыми. Они наглядно демонстрируют, у каких архаических авторов Апулей заимствовал лексические средства, какие слова были редки в латинской литературе, а какие получили распространение в её поздний период. Конечно, выяснение стилистической характеристики того или иного слова тесно связано с вопросом, язык каких произведений следует считать классическим и где проходит граница между классическими и неклассическими авторами. В нашем исследовании мы принимали за классический период, начиная с творчества Цезаря и Цицерона и кончая началом II в. н. э. При этом мы старались учитывать, если у самих античных авторов и/или современных исследователей есть прямые или косвенные указания на то, что слово следует считать устаревшим. Из-за ограниченности материала определение стилистической окраски зачастую является сложной задачей, а выработка чётких критериев – невозможной. В данной работе мы стремились к полноте исследования и постарались отметить все лексемы, которые могли восприниматься читателями Апулея как архаичные.

Таким образом, исследование архаичной и новой лексики романа Апулея «Метаморфозы» является интересным и перспективным предметом. В рамках дальнейшей работы представляется важным более подробный анализ выделенных лексем и изучение их роли в контексте романа и других текстов Апулея, а также рассмотрение случаев их употребления позднелатинскими писателями, заимствовавшими лексику Апулея.

**Список сокращений**

B/O – Butler H. E., Owen A. S. *Apulei Apologia sive Pro Se De Magia Liber.* – Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967.

L&S – Lewis, Charlton T., Short, Charles. *A New Latin Dictionary.* – New York: Harper & Brothers, Publishers. – Oxford: Clarendon Press, 1891.

OLD – *Oxford Latin Dictionary.* – Oxford: Clarendon Press, 1968.

RE — *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen hrsg. von Georg Wissowa.* – Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag, 1893–1980.

ThLL — *Thesaurus linguae latinae.* – Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1900–.

## Список литературы

### *На русском языке*

1. Альбрехт, Михаэль фон. История римской литературы / Пер. А. И. Любжина. – М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2005. – Т. 3 – 616 с.
2. Альтшуллер М. Г. Чей перевод «Золотого осла» читал Пушкин «в садах Лицея» (из комментария к «Евгению Онегину») // Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века (Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7) / Отв. ред. А. О. Демин, А. А. Костин. – СПб. : Альянс-Архео, 2013. – С. 257–268.
3. Апулей. Золотой осёл. – М. : Эксмо, 2008. – 464 с.
4. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
5. Гаспаров М. Л. Вторая софистика. Жанры и представители // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т. мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука. – Т. 1. – 1983. – С. 493–500.
6. Дуров В. С. История римской литературы. – СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. – 624 с.
7. Позднев М. М. Ipse semiraganus. К интерпретации «Холиямбов» Персия // Nuperboreus. – 1997. – 3, 1. – С. 100–124.
8. Полякова С. В. «Метаморфозы», или «Золотой осел» Апулея. Отв. ред. К. Н. Юзбашян. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 150 с.

### *На других языках*

9. Adams J. N. The Language of the Later Books of Tacitus' Annals // The Classical Quarterly. – 1972. – Vol. 22. – № 2. – Pp. 350–373.
10. Adams J. N. The Latin Sexual Vocabulary. – London: Duckworth, 1982.

11. Adams J. N. *The Regional Diversification of Latin 200 BC–AD 600*. – New York: Cambridge University Press, 2007.
12. Albrecht, Michael von. *Seneca's Language and Style // Brill's Companion to Seneca, philosopher and dramatist*, ed. by Gregor Damschen, Andreas Heil; with the assistance of Mario Waida. – Leiden – Boston: Brill, 2014. – Pp. 699–744.
13. And. Schotti Societatis Iesu Tullianarum quæstionum de instauranda Ciceronis imitatione libri III. – Antverpiae: Ex officina Plantiniana, apud Ioannem Moretum, 1610.
14. Anderson, Graham. *The Second Sophistic. A Cultural Phenomenon in the Roman Empire*. – London and New York: Routledge, 1993.
15. Appuleii Metamorphoseon libri XI / Ed. Franciscus Oudendorpius. – Lugduni Batavorum: Apud van der Eyk et Vygh, 1786.
16. Apuleius of Madauros. *Florida* / Ed. with a commentary by Vincent Hunink. – Amsterdam: J. C. Gieben, 2001.
17. Apuleius of Madauros. *Pro Se De Magia (Apologia)* / Ed. with a commentary by Vincent Hunink. – Amsterdam: J. C. Gieben, 1997.
18. Apulei Metamorphoseon libri XI / Ed. Rudolfus Helm. – Lipsiae: In Aedibus B. G. Teubneri, 1955<sup>3</sup>.
19. Apulei Metamorphoseon libri XI / Rec. M. Zimmerman. – Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 2012.
20. L. Apuleii opera omnia / Ed. Dr. G. F. Hildebrand. Pars I. Prolegomena et Metamorphoseon libros continens. – Lipsiae: Sumtibus C. Knoblochii, 1842.
21. Asulanus, Franciscus. *L. Apuleii Metamorphoseos, sive Lusus asini libri XI. Floridorum III. De deo Socratis I. De philosophia I. Asclepius Trismegisti dialogus eodem Apuleio interprete. Eiusdem Apuleii liber de dogmatis Platonicis. Eiusdem liber de Mundo... Apologiae II. Isagogicus liber Platonicee philosophiae per Alcinoum philosophum graece impressus*. – Venice: In Aedibus Aldi, 1521.
22. Batterson Beach, Goodwin. *Vergil, the Lord of Language // The Classical Weekly*. – 1935. – Vol. 28. – № 24. – Pp. 186–190.

23. Becker, Henricus. *Studia Apuleiana*. – Berolini: Apud Weidmannos, 1879.
24. Bernhard, Max. *Der Stil des Apuleius von Madaura. Ein Beitrag zur Stilistik des Spätlateins*. – Stuttgart: Verlag von W. Kohlhammer, 1927.
25. Berwick, Edward. *Lives of Caius Asinius Pollio, Marcus Terentius Varro and Cneius Cornelius Gallus*. – London: Printed for Robert Triphook, 37, St. James's Street; And C. P. Archer, Dublin: By B. M'Millan, Bow Street, Covent Garden, 1814.
26. Bögel, Theodor. *Aerumna // ThLL*. – 1900. – Vol. I. – Pp. 1066–1070.
27. Boyce, Bret. *The Language of the Freedmen in Petronius' Cena Trimalchionis*. – Leiden: Brill, 1991.
28. Brink C. O. *Horace on Poetry: The 'Ars Poetica'*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
29. Bulhart, Vinzenz. *Habitus // ThLL*. – 1936–1942. – Vol. VI, 3. – Pp. 2480–2487.
30. Burger, Franz Xaver. *Amoene // ThLL*. – 1900. – Vol. I. – P. 1964.
31. Butler H. E., Owen A. S. *Apulei Apologia sive Pro Se De Magia Liber*. – Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1967.
32. Callebat, Louis. *L'Archaïsme dans les Métamorphoses d'Apulée // Revue des Études Latines, 42e année*. – Paris: Société d'édition "Les Belles Lettres", 1965. – Pp. 346–361.
33. Callebat L. *La prose des Metamorphoses: genese et specificite // Hijmans Jr. B. L. and van der Paardt R. Th. Aspects of Apuleius' Golden Ass*. – Groningen: Bouma's Boekhuis b. v., 1978. – Pp. 167–183.
34. Callebat, L. *Sermo cotidianus dans les Metamorphoses d'Apulee*. – Caen: Association des Publications de la Faculté des Lettres et Sciences Humaines de l'Université de Caen, 1968.
35. Carver, Robert H. F. *Quis ille? The Role of the Prologue in Apuleius' Nachleben // A Companion to the Prologue of Apuleius' Metamorphoses*, ed. by Ahuvia Kahane and Andrew Laird. – New York: Oxford University Press, 2001. – Pp. 163–174.

36. Carver, Robert H. F. *The Protean Ass. The Metamorphosis of Apuleius from Antiquity to the Renaissance.* – New York: Oxford University Press, 2007.
37. Cicero. *De re publica. Selections* / Ed. James E. G. Zetzel. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998 (repr. 1995).
38. Connolly, Joy. *The New World Order: Greek Rhetoric in Rome // A Companion to Greek Rhetoric*, ed. Ian Worthington. – Malden. – Oxford. – Carlton: Blackwell Publishing, 2007. – Pp. 139–165.
39. *The Correspondence of Marcus Cornelius Fronto* / Ed. by C. R. Haines. Vol. I. – London, New York: W. Heinemann, 1919.
40. D'Amico, John. F. *The Progress of Renaissance Latin Prose: The Case of Apuleianism // Renaissance Quarterly.* – 1984. – Vol. 37. – № 3. – Pp. 351–392.
41. Dahlmann H. *Ein Gedicht des Apuleius? Gellius 19, 10 // Abhandlungen des Geists- und sozialwissenschaftlichen Klasse, № 8.* – Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur – Wiesbaden: F. Steiner, 1979.
42. Desertine, Adolphus Henricus Josephus Victor Marius. *De Apulei studiis Plautinis.* – Neomagi: Apud W. Fellingina, 1898.
43. *Desiderii Erasmi operum omnium tomus primus.* – Lugduni Batavorum: cura & impensis Petri Lander Aa, 1703.
44. *Desiderii Erasmi Roterodami Opera Omnia. T. III (Epistola DCXIII in Hilarium).* – Lugduni Batavorum: cura & impensis Petri Lander Aa, 1703.
45. *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots* / Par A. Ernout et A. Meillet. – Paris: Librairie C. Klincksieck, 1967<sup>4</sup>.
46. Dietrich B. C. *The Golden Art of Apuleius // Greece & Rome.* – 1966. – Vol. 13. – № 2 – Pp. 189–206.
47. Dowden, Ken. *Prologic, Predecessors, and Prohibitions // A Companion to the Prologue of Apuleius' Metamorphoses*, ed. by Ahuvia Kahane and Andrew Laird. – New York: Oxford University Press, 2001. – Pp. 123–136.
48. Dubova, Svetlana. *Apuleius' Venus and Speech Characterization // Hyperboreus.* – 2020. – 26, 2. – Pp. 308–319.



49. Dubova, Svetlana S. On the Archaic Meaning of the Word *filum* in Apuleius // *Philologia Classica*. – 2017. – 12, 2. – Pp. 136–141.
50. Dubova, Svetlana S. Turbela in Apuleius' Novel // *Philologia Classica*. – 2018. – 13, 2. – Pp. 220–227.
51. Erdmann, Otto. De L. Apuleii Madaurensis elocutione. – Stendal: Franzen und Grosse, 1864.
52. Ernout, Alfred. Recueil de textes latins archaïques. – Paris: Librairie C. Klincksieck, 1916.
53. Ferriss-Hill, Jennifer L. Roman Satire and the Old Comic Tradition. – New York: Cambridge University Press, 2015.
54. Finkelpearl, Ellen D. An Apuleius Reader: Selections from the *Metamorphoses*. – Mundelein, Illinois USA: Bolchazy-Carducci Publishers, 2012.
55. Finkelpearl, Ellen D. *Metamorphosis of Language in Apuleius: a Study of Allusion in the Novel*. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.
56. Flobert P. Recherches sur les verbs déponents latins: Thèse prés. devant l'Univ. de Paris IV... Lille, 1975.
57. Forcellini Aeg. *Lexicon totius latinitatis*. – Tom. III. – Patavii: typis Seminarii, 1965.
58. Foster, Walter Eugene. *Studies in archaism in Aulus Gellius*. – New York: Princeton University Press, 1912.
59. Frangoulidis, Stavros Antonios. *Epic Imitation in the Metamorphoses of Apuleius*. – The Ohio State University, 1990.
60. Frank, Tenney. Tau Gallicum, Vergil, Catalepton II 4 // *The American Journal of Philology*. – 1935. – Vol. 56. – № 3. – Pp. 254–256.
61. Gaertner, Jan Felix. The Style of the *Bellum Hispaniense* and the evolution of Roman historiography // *Colloquial and Literary Latin*, ed. by Eleanor Dickey, Anna Chahoud. – New York: Cambridge University Press, 2010. – Pp. 243–254.
62. Gargantini, Luisa. Ricerche intorno alla formazione dei temi nominali nelle *Metamorfosi di Apuleio* // *Rendiconti*. – 1963. – Vol. 97. – Pp. 33–43.
63. Gatti, Paolo. *Partiarius* // *ThLL*. – 1982–1997. – Vol. X, 1. – Pp. 492–493.

64. Gerardi Ioannis Vossii Commentariorum Rhetoricorum, sive Oratoriarum Institutionum libri sex. – Lugduni Batavorum: Ex officina Ioannis Maire, 1643.
65. Goldberg, Sander M. Greek and Roman Elements in Senecan Tragedy // Brill's Companion to Seneca, philosopher and dramatist, ed. by Gregor Damschen, Andreas Heil; with the assistance of Mario Waida. – Leiden – Boston: Brill, 2014. – Pp. 639–652.
66. Graverini L. Literature and Identity in the Golden Ass of Apuleius. – Columbus: The Ohio State University Press, 2012.
67. Griffin A. H. F. A Commentary on Ovid "Metamorphoses" Book XI // Hermathena. – 1997. – № 162–163. – Pp. 1, 4–285, 287–290.
68. Gudeman, Alfred. Denuo // ThLL. – 1909–1934. – Vol. V, 1. – Pp. 556–558.
69. Gunderson, Eric. Nox Philologiae. Aulus Gellius and the Fantasy of the Roman Library. – Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2009.
70. Günther, Hans-Christian. Horace's Life and Work // Brill's Companion to Horace, ed. by Hans-Christian Günther. – Leiden – Boston: Brill, 2013. – Pp. 1–62.
71. Halla-aho, Hilla, Kruschwitz, Peter. Colloquial and literary language in early Roman tragedy // Colloquial and Literary Latin, ed. by Eleanor Dickey, Anna Chahoud. – New York: Cambridge University Press, 2010. – Pp. 127–153.
72. Harrison S. J. Apuleius. A Latin Sophist. – New York: Oxford University Press, 2000.
73. Harrison, Stephen. Constructing Apuleius: The Emergence of a Literary Artist // Ancient Narrative. – Volume 2 (2002). – Groningen: Barkhuis & the University library Groningen, 2003. – Pp. 142–171.
74. Harrison, Stephen J. Sermones deorum: divine discourse in Vergil's Aeneid // Colloquial and Literary Latin, ed. by Eleanor Dickey, Anna Chahoud. – New York: Cambridge University Press, 2010. – Pp. 266–278.
75. Harrison S. J. The Poetics of Fiction: Poetic Influence on the Language of Apuleius' *Metamorphoses* // Aspects of the Language of Latin Prose, ed. Tobias

- Reinhardt, Michael Lapidge, J. N. Adams. – Oxford: The British Academy, 2005. – Pp. 273–286.
76. Harrison, Stephen, Winterbottom, Michael. *The Prologue to Apuleius' Metamorphoses: Text, Translation, and Textual Commentary // A Companion to the Prologue of Apuleius' Metamorphoses*, ed. by Ahuvia Kahane and Andrew Laird. – New York: Oxford University Press, 2001. – Pp. 9–15.
77. Hanssen J. S. Th. *The Latin Diminutives: A Semantic Study*. – Bergen, 1953. – 266 P.
78. Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Settels C. B. J. – Wesseling B. – Westendorp Boerma R. E. H. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book VIII. – Text, Introduction and Commentary*. – Groningen: Egbert Forsten, 1985.
79. Hijmans B. L. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Wesseling B. – Zimmerman M. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book IX. – Text, Introduction, and Commentary*. – Groningen: Forsten, 1995.
80. Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Smits E. R. – Westendorp Boerma R. E. H. – Westerbrink A. G. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book IV 1–27. – Text, Introduction and Commentary*. – Groningen: Bouma's Boekhuis B. V. Publishers, 1977.
81. Hijmans B. L. Jr. – Paardt R. Th., van der – Schmidt V. – Westendorp Boerma R. E. H. – Westerbrink A. G. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books VI 25–32 and VII. – Text, Introduction and Commentary*. – Groningen: Bouma's Boekhuis B. V. Publishers, 1981.
82. Hofmann, Johann Baptist. *Diutinus // ThLL*. – 1909–1934. – Vol. V, 1. – Pp. 1643–1644.
83. Hofmann J. B., Szantyr A. *Lateinische Syntax und Stilistik*. – München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1972.
84. Honigmann E. *Veranius 1 // RE*. – 1955. – II, 15 Hb. – Sp. 937.
85. Hooley, Daniel M. *Roman Satire*. – Malden. – Oxford. – Carlton: Blackwell Publishing, 2007.

86. Hout, Michel Petrus Josephus van den. A Commentary on the Letters of M. Cornelius Fronto // *Mnemosyne: Bibliotheca classica Batava. – Supplementum*, 190. – Leiden: Brill, 1999.
87. Jackson Knight W. F. Vergil's Latin // *Acta Classica*. – 1958. – Vol. 1. – Pp. 31–44.
88. Jonge B. J., de. *Ad Apulei Madaurensi Metamorphoseon librum secundum commentarius exegeticus*. – Groningae: M. de Waal, 1941.
89. Karakasis, Evangelos. *Terence and the Language of Roman Comedy*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
90. Kennedy, George. *The Art of Rhetoric in the Roman World 300 B. C. – A. D. 300*. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1972.
91. Keulen, Wytse. *Ad amussim congruentia: Measuring the Intellectual in Apuleius // Lectiones scrupulosae: Essays on the Text and Interpretation of Apuleius' Metamorphoses in Honour of Maaïke Zimmerman*. *Ancient Narrative Supplementum* 6, ed. by W. H. Keulen, R. R. Nauta, S. Panayotakis. – Groningen: Barkhuis Publishing & Groningen University Library, 2006. – Pp. 168–202.
92. Keulen W. H. *Apuleius, Metamorphoses. Book I. – Text, Introduction and Commentary*. – Groningen: Egbert Forsten, 2007.
93. Keulen W. H. – Tilg. S. – Nicolini L. – Graverini L. – Harrison S. J. – Panayotakis S. – Mal-Maeder D. van. *Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Book XI. The Isis Book. – Text, Introduction and Commentary*. – Leiden: Brill, 2015.
94. Keyer, Denis V. *Apuleius Metamorphoses 1, 1, 5 forensis: 'foreign' or 'of the forum'?* // *Philologia Classica*. – 2017. – 12, 1. – Pp. 35–47.
95. Kiessling A. *Coniectaneorum spicilegium. – I. Index scholarum*. – Gryphiswaldiae: Typis Frid. Gvil. Kvnike, 1883.
96. Klooster, Jacqueline. *Tiberius and Hellenistic Poetry // Aitia*. – 2017. – 7, 1. – Pp. 1–43.

97. Knapp, Charles. *Archaism in Aulus Gellius // Classical Studies in honour of Henry Disler*. – New York: Macmillan, 1894. – Pp. 126–171.
98. Koziol, Heinrich. *Der Stil des L. Apuleius. Ein Beitrag zur Kenntniss des sogenannten afrikanischen Lateins*. – Wien: Druck und Verlag von Carl Gerold's Sohn, 1872.
99. Kuhlmann, Gerhard. *Lepidus // ThLL*. – 1970–1979. – Vol. VII, 2. – Pp. 1171–1173.
100. *Lateinisches Etymologisches Wörterbuch von A. Walde und J. B. Hofmann*. – Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1938.
101. *Leumann, Manu. Evectio // ThLL*. – 1931–1953. – Vol. V, 2. – Pp. 1005–1006.
102. *Leumann, Manu. Lateinische Laut- und Formenlehre*. – München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1977.
103. *Lewis, Charlton T., Short, Charles. A New Latin Dictionary*. – New York: Harper & Brothers, Publishers. – Oxford: Clarendon Press, 1891.
104. *Lipka, Michael. Language in Vergil's Eclogues. – Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte. – Band 60. – Berlin. – New York: Walter de Gruyter, 2001*.
105. *Lommatzsch, Ernst. Absque // ThLL*. – 1900. – Vol. I. – Pp. 185–188.
106. *Mal-Maeder D. van. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Livre II. – Texte, Introduction et Commentaire. – Groningen: Egbert Forsten, 2001*.
107. *Marache, René. La critique littéraire de langue latine et le développement du gout archaïsant au IIe siècle de notre ère. – Rennes, 1952. – 360 P.*
108. *Marache, René. Mots nouveaux et mots archaïques chez Fronton et Aulugelle. – Rennes, 1956. – 296 P.*
109. *Marouzeau J. Traité de Stylistique Latine. – Paris: Société d'édition "Les Belles Lettres", 1946*.
110. *Mattiacci, S. Apuleio e i poeti arcaici // Munus amicitiae. Scritti in memoria di Alessandro Ronconi. – Firenze: Le Monnier, 1986. – Pp. 159–200*.

111. Mattiacci, Silvia. *Apuleius and Africitas // Apuleius and Africa*, ed. by Benjamin Todd Lee, Ellen Finkelppearl and Luca Graverini. – New York: Routledge, 2014. – Pp. 87–111.
112. May, Regine. *Apuleius. Metamorphoses or the Golden Ass. Book 1.* – Oxford: Oxbow Books, 2013.
113. May, Regine. *Apuleius and Drama. The Ass on Stage.* New York: Oxford University Press, 2006.
114. McCracken G. E. *Arnobius of Sicca. The Case against the Pagans. V. I.* – New York. – Ramsey: Newman Press, 1949.
115. McCreight, Thomas D. *Apuleius, Lector Sallustii: Lexicographical, Textual and Intertextual Observations on Sallust and Apuleius: Sallust, "Historiae" Fr. 3.102–103 and 4.62 Mauren-Brecher = 4.14–15 and Uncertain # 28 McGushin; Apuleius "Apology" 12.1; 26.1 // Mnemosyne.* – Fourth Series. – 1998. – Vol. 51. – Fasc. 1. – Pp. 41–63.
116. Médan, Pierre. *La Latinité d'Apulée dans les Métamorphoses. Étude de grammaire et de stylistique.* – Paris: Hachette, 1925.
117. Melanchthon, Philippus. *Declamationes. Ausgewählt und herausgegeben von Karl Hartfelder.* – Berlin: Verlag von Speyer & Peters, 1891.
118. Mellor, Ronald. *The Roman Historians.* – London and New York: Routledge, 1999.
119. Molt, Margaretha. *Ad Apulei Madaurensis Metamorphoseon librum primum commentarius exegeticus.* – Groningae: M. de Waal, 1938.
120. Monceaux, Paul. *Les Africains. Étude sur la littérature latine d'Afrique. Les Païens.* – Paris: Lecène, Oudin et Cie, 1894.
121. Neue F., Wagener C. *Formenlehre der Lateinischen Sprache.* – Erster Band: Das Substantivum. – Leipzig: O. R. Reisland, 1902<sup>3</sup>.
122. Nicolini, Lara. *La Novella di Carite e Tlepolemo.* – Napoli: M. D'Auria Editore, 2000.
123. Niese, Benedikt. *L. Cornelius Sisenna // RE.* – 1900. – 7 Hb. – Sp. 1512–1513.

124. Norden, Eduard. *Die Antike Kunstprosa*. – 2 Band, 3 Abdruck. – Leipzig und Berlin: Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1918.
125. O’Sullivan, Neil. “Rhetorical” vs “linguistic” Atticism: a false dichotomy? // *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric*. – 2015. – Vol. 33. – № 2. – Pp. 134–146.
126. Oertel, Heinrich. *Adulo* // *ThLL*. – 1900. – Vol. I. – Pp. 877–879.
127. *Oxford Latin Dictionary*. – Oxford: Clarendon Press, 1968.
128. Paardt R. T., van der. *L. Apuleius Madaurensis the Metamorphoses*. – A Commentary on Book III. – Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1971.
129. Palmer L. R. *The Latin Language*. – London: Faber and Faber, 1953.
130. Pasetti, Lucia. *Plauto in Apuleio*. – Bologna: Pàtron Editore, 2007.
131. Piechotta, Johannes. *Curae Apuleianae*. – Vratislaviae: Apud Guilelmum Koebner, 1882.
132. Rawson, Elizabeth. *L. Cornelius Sisenna and the Early First Century B. C.* // *The Classical Quarterly*. – 1979. – Vol. 29. – № 2. – Pp. 327–346.
133. Rehm, Bernhard. *Indipiscor* // *ThLL*. – 1934–1964. – Vol. VII, 1. – Pp. 1197–1198.
134. Reichmann, Victor – Buchwald, Wolfgang. *Morsico* // *ThLL*. – 1936–1966. – Vol. VIII. – P. 1508.
135. *Romanisches etymologisches Wörterbuch* von W. Meyer-Lübke. – Heidelberg: Carl Winter’s Universitätsbuchhandlung, 1911.
136. Roncaioli, Cecilia. *L’Arcaismo nelle opere filosofiche di Apuleio* // *Giornale Italiano di Filologia*. – 1966. – Anno XIX. – № 4. – Pp. 322–356.
137. Schaik, Nick van. *Beginnings in the De Rerum Natura*. – *Treasures of Influence and Intertextuality*. – University of Leiden, 2017.
138. Schmid W. *Aristeides* // *RE*. – 1895. – II, 1. – Sp. 886.
139. Sedley, David. *Lucretius and the Transformation of Greek Wisdom*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
140. Sikes E. E. *Lucretius. Poet and Philosopher*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1936.

141. Skutsch O. Enniana, II // *The Classical Quarterly*. – 1948. – Vol. 42. – № 3/4. – Pp. 94–101.
142. Smith, Warren S. Jr. *The Narrative Voice in Apuleius' Metamorphoses* // *Oxford Readings in the Roman Novel*, ed. by S. J. Harrison. – New York: Oxford University Press, 1999. – Pp. 195–216.
143. Stolz, Friedrich, Schmalz, J. H. *Lateinische Grammatik. Laut- und Formenlehre. – Syntax und Stilistik. – Dritte Auflage.* – München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1900.
144. *The Story of Cupid and Psyche as related by Apuleius* / Ed. by Louis C. Purser. – London: George Bell & Sons, 1910.
145. Syme, Ronald. *Names and Identities in Quintilian* // *Acta Classica*. – 1985. – Vol. 28. – Pp. 39–46.
146. Syme, Ronald. *Sallust.* – Berkeley. – Los Angeles. – London: University of California Press, 1964.
147. Tarrant, Richard. *Horace and Roman literary history* // *The Cambridge Companion to Horace*, ed. by Stephen Harrison. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – Pp. 63–76.
148. Tatum, James. *Apuleius and the Golden Ass.* – Ithaca and London: Cornell University Press, 1979.
149. Teuffel W. S. *Geschichte der Römischen Literatur.* – Leipzig: B. G. Teubner, 1870.
150. Thiel, Helmut van. *Der Eselroman* // *Zetemata: Monographien zur klassischen Altertumswissenschaft* (H. 54, № 1). – München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1971.
151. Traill, Ariana. *Plautus and the Origins of Roman Satire* // *Plautus' Erudite Comedy. – New Insights into the Work of a Doctus Poeta*, ed. by Sophia Papaioannou and Chrysanthi Demetriou. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2020. – Pp. 265–285.
152. Vaan, Michiel de. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages.* – Leiden. – Boston: Brill, 2008.



153. Vollmer, F. Aliquantisper // ThLL. – 1900. – Vol. I. – P. 1602.
154. Watson, Alan. The Development of the Praetor's Edict // The Journal of Roman Studies. – 1970. – Vol. 60, 1. – Pp. 105–119.
155. Wegenast, Klaus. Zenon von Verona // RE. – 1972. – XA, 1. – Sp. 147–149.
156. Wick, Claudia. Prorsus, prorsum // ThLL. – 1995–2009. – Vol. X, 2. – Pp. 2155–2161.
157. Wilfrid, Sister. Is There an Africitas? // The Classical Weekly. – 1928. – Vol. 22. – № 10. – Pp. 73–78.
158. Winkler, John J. Auctor & Actor. – A Narratological Reading of Apuleius's *Golden Ass*. – Berkeley. – Los Angeles. – London: University of California Press, 1985.
159. Wölfflin E. Bemerkungen über das Vulgärlatein // Philologus. – 1876. – XXXIV. – Pp. 137–165.
160. Zimmerman M. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. – Book X. – Text, Introduction and Commentary. – Groningen: Egbert Forsten, 2000.
161. Zimmerman M. – Panayotakis S. – Hunink V.C. – Keulen W.H. – Harrison S. J. – McCreight Th. D. – Wesseling B. – Mal-Maeder D. van. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. – Books IV 28–35, V and VI 1–24. – The Tale of Cupid and Psyche. – Groningen: Egbert Forsten, 2004.
162. Zurli, Lorian. Un Arcaismo in Apuleio // Giornale Italiano di Filologia. – 1987. – XXXIX, 2. – Pp. 217–221.